

М.В. Кирчанов

**НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ
МОДЕРНИЗАЦИЯ
(КАТАЛОНСКИЙ ОПЫТ)**

Воронеж
2010

УДК 327 / 94 (4-13)
ББК 63.3-36 (4)
К 436

Рецензенты:

Доктор политологии, Милан Суботич (Институт европейских исследований, Сербия); д.и.н. И.В. Крючков (зав. кафедрой новой и новейшей истории Ставропольского Государственного Университета)

К 436 Кирчанов М.В. Националистическая модернизация (каталонский опыт) [Текст].
Монография / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2010. – 151 с.

В монографии анализируются проблемы, связанные с модернизацией Каталонии. Процессы модернизации, социальных перемен и культурных изменений показаны в контексте развития националистической политической традиции, национального и националистического воображения, интеллектуальной истории. Автор рассматривает различные дискурсы каталонского национального проекта в условиях авторитарных режимов и процессов политического транзита. Показана роль текстов в конструировании политической реальности в националистической и национально ориентированной версиях. Анализируются проблемы, связанные с национализмом и исторической памятью, национальным воображением и языковым конструированием, взаимными представлениями и политической мифологией правящих элит и интеллектуальных сообществ.

Национализм – модернизация – периферии – Каталония – интеллектуальные сообщества – националистические движения – воображаемые сообщества – политическое воображение – националистический дискурс – формирование националистического дискурса – политический протест и лояльность – регионализм и регионализация – интеллектуалы – интеллектуальные сообщества – литературные тексты – политические процессы – гражданский национализм – этнизация национализма

ISBN 978-5-98222-564-1

УДК 327 / 94 (4-13)
ББК 63.3-36 (4)
К 436

© М.В. Кирчанов, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1.	
Каталонский гражданский национализм как основа политической модернизации	
1. Проблемы генезиса и ранней истории каталонского национализма	20
2. Каталонский национализм между мировыми войнами	39
Глава 2.	
Каталонский национализм: от авторитаризма к демократии	
1. Каталонский национализм – политическая оппозиция авторитаризму	63
2. Каталонский национализм: от умеренности к радикализации	81
Глава 3.	
Каталонский национализм в современной Испании	
1. Каталонский национализм в транзитном обществе	96
2. «Каталония – нация» и «Каталония – не Испания»: современный каталонский национализм	110
Заключение	134
Библиография	142

ВВЕДЕНИЕ

«Модернизация», «модернизационные процессы», «модернизм», «модернити», «модерная (современная) нация», «модерновая идентичность», «национальное (националистическое) воображение» принадлежат к числу понятий, которые часто используются в современной политологической традиции, в первую очередь – в американской, связанной с изучением феномена национализма¹. Несколько столетий в истории европейской и американской цивилизации могут быть интерпретированы как история модернизации, значительных социальных изменений и культурных перемен. Эти изменения и перемены в Европе развивались под знаменами национализма – как политического, так и этнического. Национализм стал не только стержнем, но и своеобразным бэк-граундом модернизации.

В рамках западной интеллектуальной традиции неоднократно имели место попытки осмысления национализма и модернизации. Если до XX столетия эти проблемы анализировались вне связи друг с другом, то в XX веке в рамках британской и американской политологии и социологии наметились значительные тенденции к утверждению междисциплинарного подхода в исследовании проблем, связанных с национализмом и модернизацией. Нация, вооруженная идеологией национализма и ведомая своими национальными лидерами, националистами-интеллектуалами, стала восприниматься как основной актор процессов модернизации.

Появлению на Западе теорий модернизации предшествовало появление марксизма. Карл Маркс заложил одну из центральных идей, которая позднее доминировала в различных модернизационных теориях. Как известно, Маркс полагал, что все страны проходят в процессе своей истории одинаковые стадии экономического, социального и политического развития. В такой ситуации менее развитые страны исторически обречены на развитие, то есть не модернизацию. В 1966 году американский социолог С. Блэк опубликовал одно из первых теоретических исследований, посвященных модернизации. В своей книге «Динамика модернизации» С. Блэк констатировал сложности, с которыми сталкивается исследователь модернизации: «современная литература, посвященная вопросам модернизации продолжает пребывать в процессе определения своего предмета у поиска основополагающих фундаментальных различий между универсальными характеристиками современности и специфическими институтами кон-

¹ О теориях модернизации см. подробнее: Кирчанов М.В. Политическая модернизация. Проблемы теории и опыт модернизации внутренней российской периферии / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008.

кретных обществ и структур»². Блэк полагал, что изучение модернизации невозможно в рамках одной гуманитарной науки – истории, политологии, социологии, культурологи. По мнению С. Блэка, изучение модернизации – междисциплинарная задача. В этой ситуации изучение модернизации – «междисциплинарное изучение человечества путем описания и объяснения во всей сложности процессов изменения, которым приписывается мировое значение»³. Вероятно, именно появление исследования С. Блэка мы можем принять за отправную точку в начале модернизационных исследований. Постепенно в политологической и социологической традициях возникают различные теоретические подходы к проблеме модернизации, известные как теории модернизации или *theories of modernization*.

Что такое модернизация? В политологической, социологической и культурологической литературе относительно определения этого понятия нет единства мнений. Вероятно, модернизация представляет собой процесс перехода от традиционного аграрного и донационального общества, основанного на патриархальной культуре и жестко закрепленной социальной структуре и иерархии, доминировании традиционных идентичностей, к индустриальному обществу, которое, в свою очередь, имеет фундамент в крупном машинном производстве и рациональном управлении общественными процессами в рамках, как правило, демократических политических режимов, связанных с националистическим опытом общества, в первую очередь – с приходом на смену этническому национализму политического и гражданского национализма.

Какие процессы в этой ситуации характеризуют модернизацию? Суммируя изменения, протекающие в рамках модернизационных процессов, мы можем определить их следующим образом: совершенствование системы общественных отношений и изменение уклада жизни; рост сознательности и самостоятельности отдельных членов общества; максимальное распространение товарно-денежных отношений; появление новых технологий; достижение высокого уровня профессиональной специализации менеджеров, служащих и рабочих; изменение социальных отношений через повышение социальной мобильности, но самое важное содержание процессов модернизации связано с триумфом национализма и его наиболее важного политического проекта – национального государства.

Модернизация, таким образом, является гибелью традиционного общества и его фундамента – традиционной (домодерной) идентичности. Под традиционным обществом следует понимать общество, важнейшими атрибутивными характеристиками которого являются: существование т.н. невыделенной индивидуальности, что проявляется в существовании личной

² Black C. *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History* / C. Black. – NY., 1975. – P. 186.

³ Black C. *The Dynamics of Modernization*. – P. 187.

зависимости индивида от семьи, касты, сословия; доминирование групповой коллективной идентичности; социальный статус имеет предписанный характер и является наследственным; социальная мобильность крайне ограничена; доминирование традиционных институтов, среди которых различные формы патернализма.

Таким образом, модернизация представляет собой общественный и исторический процесс, по мере протекания которого традиционные общества становятся современными и индустриально развитыми, а на смену сообществам крестьян и горожан приходят общества граждан, идея гражданства которых связана с политической и этнической идентичностью. Такая трансформация была бы невозможна без возникновения национализма. В связи с этим, а западной политической науке относительно процесса модернизации утвердились два подхода. Автором первого мы можем считать Эмиля Дюркгейма, второго – Макса Вебера. Согласно первому концепту, модернизация является преимущественно социальным процессом, связанным с развитием трудовых отношений. Согласно второй концепции, модернизация – это процесс постепенной рационализации, как общественно-политических, так и экономических отношений. Обе теории пытаются объяснить различные аспекты разрушения традиционных идентичностей и их поражение в борьбе против национализма.

Существует ряд определений процесса «модернизации»⁴. С. Блэк определял модернизацию как процесс, при помощи которого различные общества стремятся адаптироваться и адаптируются к окружающим изменениям⁵. Израильский ученый Ш. Эйзенштадт оценивает модернизацию как процесс изменения различных обществ в направлении политических моделей Запада⁶. Роберт Уорд полагал, что модернизация является целенаправленным изменением социальных отношений и окружающей среды⁷. Р. Бендикс указывает на то, что под модернизацией следует понимать комплекс политических и социальных перемен, связанных с процессами индустриализации⁸. С. Ваго полагает, что модернизация является трансформацией аграрных обществ в индустриальные⁹. По мнению В. Цаффа, модернизация – сложный процесс, включающий в себя индустриальную рево-

⁴ Обзор и критику основных теорий модернизации см.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу / И.В. Побережников. – М., 2006.

⁵ Black C. The Dynamics of Modernization. – P. 187.

⁶ Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change / S. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, 1966.

⁷ Ward R. Modern Political Systems / R. Ward. – NJ., 1963.

⁸ Bendix R. Nation-Building and Citizenship / R. Bendix. – NY., 1964.

⁹ Vago S. Social Change / S. Vago. – NJ., 1989.

люцию, стремление отсталых стран повысить уровень своего развития, реакция развитых обществ на новые вызовы¹⁰.

Модернизация, как сложный и комплексный процесс, обладает целым рядом характеристик. Важнейшие из характеристик модернизации следующие: комплексность (модернизация является универсальным процессом, который охватывает все сферы жизни общества); системность (в рамках модернизации изменение любого элемента системы влечет изменения других элементов); глобальность (и хотя процесс модернизации исторически начался на Западе – перед модернизационным натиском не устояли ни Север, ни Юг, ни Восток); темпоральная пролонгированность (модернизация является длительным процессом с хронологической точки зрения); разнообразие (процесс модернизации несмотря на то, что он имеет универсальный характер, отличается значительными локальными особенностями).

Успех любой модернизации зависит от степени и глубины политической модернизации. Именно политические изменения являются залогом дальнейшего успешного развития – политического, социального, экономического... Американские политологи С. Верба и Л. Пай предложили концепцию политической предопределенности и обусловленности модернизации¹¹. Согласно их концепции, следует выделять ряд характеристик политической модернизации, а именно: структурная дифференциация институтов политической системы (постоянное появление новых политических институтов, которые выполняют свои строго очерченные и определенные функции – с другой стороны, эти институты являются тесно между собой связанными); повышение мобилизационного потенциала политической системы (такое общество в состоянии мобилизовать и эффективно использовать разнообразные ресурсы); повышение способностей политической системы реагировать на кризисные ситуации; тенденция к политическому равноправию (постепенное снятие всех ограничений на участие граждан в политической жизни).

Процессы модернизации в различных регионах протекали неравномерно. Поэтому, выделяются эшелоны модернизации. К странам первого эшелона относятся государства Западной Европы, США и Канада. В этих странах модернизация протекала как результат рационального использования внутренних ресурсов в условиях триумфа демократических ценностей и политического национализма. К странам второго эшелона относятся государства Центральной, Восточной, Юго-Восточной (балканские государства) и Южной (Испания и Португалия) Европы, а так же государства Ла-

¹⁰ Цаф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цаф // Социс. – 1998. – № 8.

¹¹ См.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу / И.В. Побережников. – М., 2006.

тинской Америки и некоторые восточные страны, среди которых Турция, Япония и Россия. Модернизация в этих регионах началась позднее, протекала в условиях бурных политических процессов и не всегда в рамках демократических режимов: политический национализм нередко проигрывал национализму этническому. К третьему эшелону относятся постколониальные государства Азии и Африки, где внутренние предпосылки для модернизации почти отсутствовали, а сами модернизационные процессы стали результатом попытки правящих элит использовать различные варианты модернизации, опробованные в Европе, в рамках демократической или авторитарной модели и стратегии. В этих странах западные политические теории и сам национализм нередко воспринимаются как попытка перенесения европейских традиций на чуждую почву.

Национализм тесно связан с модернизацией. В исследованиях, посвященных национализму, выделяется особое течение – модернизм, сторонники которого интерпретируют национализм как результат кризиса традиционализма в результате распада «высокой» культуры и политизации масс¹². Под национализмом Э. Геллнер, один из крупнейших модернистских теоретиков национализма, понимал «политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать»¹³. Несколько расширяя и конкретизируя эту дефиницию Э. Геллнер писал, что «национализм является следствием новой формы социальной организации, которая опирается на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством»¹⁴. Принимая национализм как продукт современной истории, Геллнер отрицал и изначальность наций, полагая, что «мы не должны руководствоваться мифом... нации не даны нам от

¹² О теоретических аспектах изучения национализма см.: Katunarić V. Sporna zajednica: Novije teorije o naciji i nacionalizmu / V. Katunarić. – Zagreb, 2003. Hobsbaum E. Nacije i nacionalizam od 1780 / E. Hobsbaum. – Zagreb, 1993; Gellner E. Uvijeti slobode. Civilno društvo i njogovi suparnici / E. Gellner. – Zagreb, 2001.

¹³ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 23. О теории национализма Э. Геллнера и состоянии дискуссий после Э. Геллнера см.: Bossche G. van der, Is there Nationalism after Ernest Gellner? An exploration of methodological choices / G. van der Bossche // Nations and Nationalism. – 2003. – Vol. 9. – No 4. – P. 491 – 509. Nairn T. The curse of rurality: limits of modernisation theory / T. Nairn // The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / ed. J. Hall. – Cambridge, 1998. – P. 107 – 134. O’Leary B. Ernest Gellner’s diagnoses of nationalism: a critical overview, or, what is living and what is dead in Ernest Gellner’s philosophy of nationalism? / B. O’Leary // The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / ed. J. Hall. – Cambridge, 1998. – P. 40 – 88.

¹⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 112.

природы... они не являются политической версией теории биологических видов»¹⁵.

Местные и региональные идентичности, как правило, формировались в условиях значительной деформации политического и исторического опыта прошлого: слава предков будоражила умы местных интеллектуалов, но их возможности для политического и культурного маневра были крайне ограничены. Поэтому в Каталонии формировалась локализованная идентичность, связанная с периферийным статусом этих территорий в составе доминировавших империй. Испания до начала националистических трансформаций, будучи европейской периферией, в значительной степени напоминала другую европейскую периферию – Восточную и Центральную Европу. Периферийный статус был негласно подвергнут институционализации, что выразилось в почти безраздельном доминировании архаичной культуры, а так же в преобладании традиционалистских типов идентичности, отличавшихся значительной статичностью и почти не подвергаемых внешнему влиянию.

Это привело к тому, что некогда политически важная и культурно значимая Каталония постепенно утратила свое прежнее значение, а ее территории окончательно была сведена до уровня периферии¹⁶ господствующими политическими центрами. Ситуация осложняется тем, что каталонские территории подверглись принудительной периферизации. Территории Каталонии от соседних регионов на протяжении длительного времени в политическом смысле были, по терминологии Х.-Х. Нольте¹⁷, отделены своеобразным политическим «провалом» или, по словам немецкого исследователя Г. Бехера, «обрывом»¹⁸. Это в частности выражалось и в том, что местное общественное развитие, по Сидни Полларду¹⁹ и Герту Цангу²⁰, в значительной степени было подвержено «провинциализации». С другой стороны, «отсталость периферийных регионов может быть исторически временным явлением»²¹. Именно поэтому в начале XX века общественная

¹⁵ Там же. – С. 114.

¹⁶ См. подробнее: Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследования периферии / Х.-Ю. Нитц // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. - Калуга. 2001. - С. 32.

¹⁷ Нольте Х.-Х. Европейские внутренние периферии – сходства, различия, возражения против концепции / Х.-Х. Нольте // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. – Калуга, 2001. – С. 8.

¹⁸ Becher G. Das Gefälle / G. Becher. – Braunschweig, 1986.

¹⁹ Pollard S. Marginal Areas. Do they have a common History / S. Pollard // Towards an International Economic and Social History. – Genf, 1995. – P. 121 – 136.

²⁰ Provinzialisierung einer Region. Zur Entstehung der bürgerlichen Gesellschaft in der Provinz / hrsg. G. Zang. – Frankfurt, 1978.

²¹ Об этом см.: Нитц Х.-Ю. Вклад исторической географии в исследования периферии. – С. 23.

и национальная жизнь постепенно начинает набирать те же темпы, что и в других регионах «большой» национализирующейся Европы²², несмотря на то, что интеллектуалы более успешных наций, чьи активно национализирующиеся государства, претендовали на роль центра предпочитали о регионах типа Каталонии писать почти исключительно в категориях периферии, окраины, провинции и «задворок»²³.

В настоящей монографии в центре авторского внимания – проблемы формирования современных политических идентичностей на территории Каталонии. Автор пытается показать, как изменялись каталонские политические и этнические идентичности, трансформируясь от традиционных в сторону современных идентичностей современных наций. Трансформация этих идентичностей была связана с политической динамикой, сменой режимов, формированием различных политических идентичностей, которые требовали от интеллектуалов проявления политической лояльности. Формирование современных идентичностей было связано с кризисом и распадом традиционности, трансформациями «высокой» культуры, а так же с развитием интеллектуальных традиций национализма, которые проявлялись в формировании особого политического националистического воображения и уникальной «воображаемой географии» политического пространства.

В настоящее время изучение национализма в регионах, которые могут быть определены как периферийные, обретает особую актуальность в силу того, что прогнозы скептиков и либералов относительно скорого отмирания нации и как результат национального государства не оправдались. Национализм, национальная идентичность, национальное государство снова вошли в повестку дня мировых событий, прочно заняв свое место в информационных лентах новостных агентств и каналов. В Каталонии национализм играет значительную роль в разных сферах жизни социума – в политической, культурной, научной, интеллектуальной...

Именно по этой причине в рамках настоящей монографии будет предпринята попытка проанализировать проблемы развития национализма и функционирования националистического дискурса на примере Каталонии, показав не разрушительную силу, но и созидательный потенциал гражданского национализма. Каталония обладает значительным опытом гражданского национализма, хотя в условиях постепенной этнизации политического пространства в транзитном обществе о гражданском национализме мы можем говорить исключительно как об одном из националистических проектов в то время как в других националистических дискурсах домини-

²² О феномене Европы Балкан или Балканской Европы см.: Желевиќ Б. Историја на Балканот (18 – 19 век) / Б. Желевиќ. – Скопје, 1999; Мазовер М. Балканот (кратка историја) / М. Мазовер. – Скопје, 2003.

²³ См. подробнее: Дикман К. Уэльс: внутренняя колония или барышник? / К. Дикман // Европейские внутренние периферии в XX столетии. Сборник научных трудов. – Калуга, 2001. – С. 74.

руют этнические тренды. В этой ситуации автор не пытается идеализировать национализм. С другой стороны, не следует забывать ту роль, которую именно национализм сыграл в создании Европы и конструировании Запада. Национализм превратился в универсальный культурный код и политический язык.

В методологической основе авторского анализа лежат теории и концепции, выработанные в рамках исследований национализма, которые на протяжении второй половины XX века активно проводились американскими и европейскими интеллектуалами – политологами, социологами, культурологами, а так же историками. В настоящее время труды Дж. Армстронга²⁴, Дж. Брейлли²⁵, Э. Геллнера²⁶, Б. Андерсона²⁷, М. Хроха²⁸, Э. Хобсбаума²⁹, Э. Смита³⁰ справедливо признаются классикой и фундамен-

²⁴ Armstrong J. Nations before Nationalism / J. Armstrong. – Chapel Hill, 1982.

²⁵ Breuille J. Nationalism and State / J. Breuille. – Manchester, 1982.

²⁶ Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983; Gellner E. Nacionalismo e democracia / E. Gellner. – Brasília, 1981; Gellner E. O advento do nacionalismo e sua interpretação: os mitos da nação e da classe / E. Gellner // Um mapa questão nacional / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000; Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.

²⁷ Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. – NY., 1983; Anderson B. Comunidades imaginados, reflexões sobre a origem e a expansão do nacionalismo / B. Anderson. – Lisboa, 2005; Anderson B. Nação e consciência nacional / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Anderson B. Problemas dos nacionalismos contemporâneos / B. Anderson // TMRON. – 2005. – Vol. 1. – No 1. – P. 16 – 26; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

²⁸ Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Camb., 1985.

²⁹ Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780 / E. Hobsbawm. – NY., 1990; Hobsbawm E. Era dos extremos: o breve século XX: 1914 – 1991 / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1995; Hobsbawm E. Nações e nacionalismo desde 1780 / E. Hobsbawm. – Rio de Janeiro, 1990 (2002); Hobsbawm E. Nações e nacionalismo: programa, mito e realidade / E. Hobsbawm. – São Paulo, 1991; Hobsbawm E., Ranger T. A Invenção das tradições / E. Hobsbawm, T. Ranger. – Rio de Janeiro, 1984; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998.

³⁰ Smith A. The Ethnic Origins of Nations / A. Smith. – Oxford, 1986; Smith A. Nationalist Identity / A. Smith. – L., 1991; Smith A. Nationalism: Theory, Ideology, History / A. Smith. – Oxford, 2000; Smith A. A identidade nacional / A. Smith. – Lisboa, 1997; Smith A. O nacionalismo e os historiadores / A. Smith // Um mapa da questão nacional / ed G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000; Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004; Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994; Сміт

тальным основанием, без которых немислимо серьезное академическое исследование и изучение феномена политического национализма и националистического опыта.

Анализируя исследования, посвященные национализму в европейских перифериях, следует упомянуть и работы, авторы которых анализируют феномен каталонского национализма. Наибольший вклад в изучение националистической проблематики в Испании в рамках отечественной традиции национализмоведения внесли А.Н. Кожановский³¹, И.М. Бусыгина³². Значительные традиции изучения каталонского национализма существуют в Испании и Каталонии, где созданы оригинальные теоретико-методологические и конкретные исследования национализма³³. Испанская и каталонская традиция изучения национализма развивалась одновременно с классическим англо-американским национализмоведением. Поэтому, для работ, вышедших в Испании в период 1970 – 2000-х годов, характерен методологический континуитет, отсутствие теоретических разрывов, интегрированность в международный дискурс националистических штудий³⁴, с одной стороны, и сопряченность с общими тенденциями в развитии европейской и американской политологии (теории политического транзита, теории модернизации), с другой. Испанские авторы раньше своих коллег в Восточной Европе и на Балканах получили возможность не только ознакомиться с переводами классических национализмоведческих работ, но и ин-

Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004; Сміт Е. Нації і націоналізм і глобальну епоху / У. Сміт. – Київ, 2006.

³¹ Кожановский А.Н. Народы Испании во второй половине XX века (опыт автономизации и национального развития) / А.Н. Кожановский. – М., 1993; Кожановский А.Н. Этническая ситуация в Испании: взгляд из России / А.Н. Кожановский // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания / ред. В.Е. Багно. – СПб., 2001. – С. 185 – 209; Кожановский А.Н. Быть испанцем... Традиции. Самосознание. Историческая память / А.Н. Кожановский. – М., 2006; Кожановский А.Н. Испанский случай: этнические волны и региональные утесы / А.Н. Кожановский // Национализм в мировой истории / ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – М., 2007. – С. 227 – 258.

³² Бусыгина И.М. Практика территориально-политического строительства в Испании и России: попытка сравнительного анализа / И.М. Бусыгина // КФ. – 2003. – № 3. – С. 32 – 33; Busygina I. The practice of territorial-political construction in Spain and Russia / I. Busygina // Kazan Federalist. – 2003. – No 4. – P. 82 – 90.

³³ Sepulveda Munoz I. La investigación del Nacionalismo: evolución, temas y metodología / I. Sepulveda Munoz // ETF. – Serie V. – 1996. – Vol. 9. – P. 315 – 336.

³⁴ Corcuera J. Orígenes, ideología y organización del nacionalismo vasco (1876-1904) / J. Corcuera. – Madrid, 1979; Jáuregui G. Los nacionalismos minoritarios y la Unión Europea / G. Jáuregui. – Barcelona, 1977; Rubio Pobes C. Revolución y tradición. El País Vasco ante la Revolución liberal y la construcción del Estado español, 1808-1868 / C. Rubio Pobes. – Madrid, 1996.

тегрировать теоретические выводы зарубежных коллег в национальный научный дискурс³⁵.

Поэтому, испанские авторы, не сталкиваясь с идеологическими барьерами и цензурными ограничениями, активно интегрировали в испанский исследовательский дискурс новейшие достижения американской и европейской политологии³⁶. Исследования каталонского национализма интегрированы в большой европейский и испанский националистический контекст, развиваясь на фоне значительного интереса и к другим региональным национализмам Испании³⁷. Каталонские исследования национализма отличаются не только значительным тематическим разнообразием анализируемых сюжетов, но и методологически принадлежат к различным областям гуманитарного знания, что делает их междисциплинарными. Значительную роль в функционировании каталонского национализмоведения играют работы, созданные на грани интеллектуальной истории социокультурного модернизма, в рамках которых каталонский национализм

³⁵ Catenacci V. *Cultura popular: entre a tradição e a transformação* / V. Catenacci // SPP. – 2001. – Vol. 15. – No 2. – P. 28 – 35; Hroch M. *Do movimento nacional à nação plenamente formada: o processo de construção nacional na Europa* / M. Hroch // *Um mapa da questão nacional* / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000. – P. 85 – 106. См. так же: Di Palma G. *Conflitto ed élites nelle società industriali* / G. Di Palma // RitSP. – 1971. – Vol. 1. – No 3. – P. 481 – 514.

³⁶ Linz J. *Opposizione in un regime autoritario: il caso della Spagna* / J. Linz // SC. – 1970. – No 2; Linz J.J. *Early state-building and late peripheral nationalism against the state* / J.J. Linz // *Building States and Nations: Models, Analyses, and Data across Three World* / eds. S.N. Eisenstadt and S. Rokkan. – Beverly Hills, 1973. – Vol. 2. – P. 32 – 112; Linz J.J. *La crisis de un estado unitario, nacionalismos periféricos y regionalismo* / J.J. Linz // *La España de las autonomías (Pasado, presente y futuro)* / ed. R. Acosta. – Madrid, 1981. – Vol. 2. – P. 651 – 751; Anguera P. *La percepció de la catalanitat en els liberals i els carlins durant la guerra dels Set Anys* / P. Anguera // *Le discours sur la nation en Catalogne aux XIXe et XXe siècles.* – Paris, 1996. – P. 189 – 209; Cirujano P., Elorriaga T., Pérez Carzón J.S. *Historiografía y nacionalismo español. 1834 – 1868* / P. Cirujano, T. Elorriaga, J.S. Pérez Carzón. – Madrid, 1985.

³⁷ Antuña Souco C.A. *O galeguismo na provincia de Pontevedra (1930-1936)* / C.A. Antuña Souco. – Sada-a-Coruña, 2000; Antuña Souto C.A. *El nacionalismo gallego (1916-1936), Una madurez inconclusa* / C.A. Antuña Souto // ETF. – 2000. – Serie V. – Vol. 13. – P. 415 – 440; Casassas i Ymbert J. *Espacio cultural y cambio político. Los intelectuales catalanes y el catalanismo* / J. Casassas i Ymbert // ETF. – 1993. – Serie V. – Vol. 6. – P. 55 – 80; Grau J. *La Lliga Regionalista i la llengua catalana, 1901 – 1924* / J. Grau. – Barcelona, 2006. – 453 p.; Juana J. de, Castro X. de, *Historia comparada del Nacionalismo gallego y bretón* / J. de Juana, X. de Castro // RFGH. – 1987. – No 1. – P. 119 – 143; Rivera García A. *La lliga, o el ensayo imperial del nacionalismo catalán* / A. Rivera García // PMRHC. – 2005. – No 4. – P. 201 – 217; Termes J. *Història del catalanisme fins el 1923* / J. Termes. – Barcelona, 2006.

предстает как продукт модернизации и результат деятельности интеллектуалов-националистов³⁸.

Особое внимание уделяется проблемам роли национализма в контексте политических трансформаций в испанском транзитном обществе. Испанские авторы подчеркивают, что национализм был одним из тех факторов, которые способствовали кризису традиционного государства³⁹, трансформации испанского политического пространства, появлению национально-территориальных автономий⁴⁰. В испаноязычном и кастилоязычном научном дискурсе (а так же англоязычном сегменте «испанских исследований») особое внимание уделяется проблемам функционирования национализмов в условиях политической нестабильности (период Республики) и в рамках испанской модели авторитаризма⁴¹, в транзитном социуме⁴², в контексте постепенной фрагментации и регионализации испанского политического пространства⁴³. С испаноязычными и каталаноязыч-

³⁸ Llorens Via J. El primer catalanisme independentista / J. Llorens Via // Etd'H. – 2005. – Abril 12 – 18. – P. 16 – 20; Figueres J.M. Valentí Almirall, Forjador del Catalanisme Polític / J.M. Figueres. – Barcelona, 2004; Figueres J.M. Valentí Almirall, la concreció del catalanisme polític / J.M. Figueres // ETd'H. – 2004. – Desembre 7 – 13. – P. 16 – 20.

³⁹ Fernández Sebastián J. España, monarquía y nación. Cuatro concepciones de la comunidad política española entre el Antiguo Régimen y la Revolución liberal / J. Fernández Sebastián // HC. – 1994. – No 12. – P. 45 – 74; Llorens J. Catalanisme i moviments nacionalistes contemporanis (1885-1901). Missatges a Irlanda, Creta i Finlàndia / J. Llorens. – Barcelona, 1988; Núñez Seizas X.M. El mito del nacionalismo irlandés y su influencia en los nacionalismos gallego, vasco y catalán (1880-1936) / X.M. Núñez Seizas // SpC. – 1992. – No 2. – P. 25 – 58.

⁴⁰ Жария и Манзано Ж. Распределение полномочий в государстве автономий как динамическая стратегия различных самобытных общностей / Ж. Жария и Манзано // КФ. – 2003. – № 3. – С. 99 – 112.

⁴¹ Linz J.J. An Authoritarian Regime: Spain / J.J. Linz // Cleavages, Ideologies and Party Systems eds. / E. Allardt, Y. Littunen. – Helsinki, 1964. – P. 291 – 341; Díaz i Escilíes D. L'independentisme català durant l'autarquia franquista / D. Díaz i Escilíes // El temps d'història. – 2005. – Abril 12 – 18. – P. 21 – 25; Fabre J., Huertas J.M., Ribas A. Vint anys de resistència catalana (1939 – 1959) / J. Fabre, J.M. Huertas, A. Ribas. – Barcelona, 1978.

⁴² Barrera C. Sin mordaza. Veinte años de prensa en democracia / C. Barrera. – Madrid, 1995; Guillamet J. Prensa, franquisme i autonomia. Crònica catalana de mig segle llarg (1939-1995) / J. Guillamet. – Barcelona, 1996.

⁴³ Botella J. The Spanish "New" Regions: Territorial and Political Pluralism / J. Botella // IPSR. – 1989. – Vol. 10. – No 3. – P. 263 – 271; García de Enterría E. El futuro de las autonomías territoriales / E. García de Enterría // España: Un presente para el futuro. – Madrid, 1984. – Vol. II. Las instituciones. – P. 99 – 120; Montero J.R., Torcal M. Autonomías y Comunidades Autónomas en España: Preferencias, dimensiones y orientaciones políticas / J.R. Montero, M. Torcal // REP. – 1990. – No

ными исследованиями соприкасается италияязычная и португалияязычная политологическая литература⁴⁴, особенно – исследования, посвященные проблемам политических трансформаций и модернизаций в романских государствах в XX веке. Интерес испанских и каталонских исследователей к подобным работам объясним не только значительной языковой и культурной близостью романских народов, но и схожестью развития национализма и той роли, которую националистические практики и стратегии сыграли в рамках политической модернизации.

В методологическом и теоретическом отношении к исследованиям каталонского национализма в Испании и Каталонии близка англоязычная традиция изучения периферийного национализма, представленная, в том числе, и авторами испанского и каталонского происхождения. В рамках англоязычной научной литературы, посвященной каталонскому национализму, значительное место занимают работы, в центре которых – языковой национализм и лингвистическое воображение в развитии каталонского национализма⁴⁵; проблемы социальной трансформации крестьянских сообществ в нацию современного типа⁴⁶; политические и социальные движения как носители националистической традиции в Каталонии⁴⁷; политический транзит как фактор, способствующий активизации националистических движений⁴⁸; соотношения принципа нация / государство в рамках каталон-

70. – P. 33 – 91; Morata Fr. Institucionalizaci6in y rendimiento pol6itico del estado auton6mico / Fr. Morata // REP. – 1992. – No 76. – P. 255 – 297; Vall6s J.M., Cuchillo M. Decentralisation in Spain: a review / J.M. Vall6s, M. Cuchillo // EJPR. – 1988. – Vol. 16. – No 3. – P. 395 – 407.

⁴⁴ Monteiro R.M. Civiliza66o e cultura: Paradigmas da nacionalidade / R.M. Monteiro // CC. – 2000. – Ano XX. – No 51. – P. 50 – 65.

⁴⁵ Anguera P. Denied impositions: Harassment and resistance of the Catalan language / P. Anguera // JSCS. – 2003. – Vol. 4. – No 1. – P. 77 – 94.

⁴⁶ Alvarez Junco J. The Nationbuilding Process in Nineteenth-century Spain / J. Alvarez Junco // Nationalism and the Nation in the Iberian Peninsula: Competing and Conflicting Identities / eds. C. Mar-Molinero, A. Smith. – Oxford – Washington, 1996. – P. 89 – 107; Beramendi J.G. Identity, ethnicity and state in Spain: 19th and 20th centuries / J.G. Beramendi // NEP. – 1999. – Vol. 5. – No 3. – P. 79 – 100; Storm E. The problems of the Spanish nation-building process around 1900 / E. Storm // NI. – 2000. – Vol. 6. – No 2. – P. 143 – 156.

⁴⁷ Karamichas J. Key Issues in the Study of New and Alternative Social Movements in Spain: The Left, Identity and Globalizing Processes / J. Karamichas // SESP. – 2007. – Vol. 12. – No 3. – P. 273 – 293.

⁴⁸ Threlfall M. Reassessing the Role of Civil Society Organizations in the Transition to Democracy in Spain / M. Threlfall // Democratization. – 2008. – Vol. 15. – No 5. – P. 930 – 951.

ского националистического дискурса, для которого характерна мощная гражданская традиция⁴⁹.

Националистические модернизационные тактики и стратегии принадлежат к числу тех политических процессов, предпосылки и само протекание которых приводит к появлению не только национального государства и современной (современной) нации, но и значительного корпуса текстов, которые формируют особую источниковую базу настоящего исследования. Националистический дискурс, определяющий процесс модернизации, представлен в различных текстах художественного и мемуарного характера⁵⁰, выполненных националистически ориентированными интеллектуалами, воображающими нацию и создающими, культивирующими ее идентичность. Исходя из такой специфической базы используемых текстов, **объектом монографии** является национализм как политическое движение и идеология, а так же как фактор, способствовавший политической модернизации Каталонии, что привело к потере регионом своего периферийного статуса. **Предмет исследования** – особенности развития и функционирования националистического дискурса, а так же направления модернизации, в рамках которых национализм был основным фактором, стимулирующим политические, социальные и культурные перемены. **Хронологические**

⁴⁹ Breuilly J. *Nationalism and the State* / J. Breuilly. – Manchester, 1982; Guibernau M. *Nationalism and Intellectuals in Nations without States: the Catalan Case* / M. Guibernau. – Barcelona, 2003.

⁵⁰ О перспективах применения в рамках политического анализа художественных текстов и научных исследований, посвященных проблемам национальной истории, литературы, языка, в качестве источника см.: Brown W. *At the Edge* / W. Brown // *Political Theory. An International Journal of Political Philosophy*. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 556 – 576; Cavarero A. *Politicizing Theory* / A. Cavarero // *Political Theory. An International Journal of Political Philosophy*. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 506 – 532; Kateb G. *The Adequacy of the Canon* / G. Kateb // *Political Theory. An International Journal of Political Philosophy*. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 482 – 505; Tully J. *Political Philosophy as a Critical Activity* / J. Tully // *Political Theory. An International Journal of Political Philosophy*. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 533 – 555; Shapiro I. *Problems, Methods, and Theories in the Study of Politics, or What's Wrong with Political Science and What to Do about It* / I. Shapiro // *Political Theory. An International Journal of Political Philosophy*. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 596 – 619 (см. так же: Green D., Shapiro I. *Pathology of Rational Choice Theory: A Critique of Application in Political Science* / D. Green, I. Shapiro. – New Haven, 1994; Shapiro I. *Pathologies Revisited: Reflections on Our Critics* / I. Shapiro // *The Rational Choice Controversy: Economic Models of Politics Reconsidered* / ed. J. Friedman. – New Haven, 1996. – P. 235 – 276); Schmitz D. *Haw to Deserve* / D. Schmitz // *Political Theory. An International Journal of Political Philosophy*. – 2002. – Vol. 30. – No 6. – P. 774 – 799; White St. *Pluralism, Platitute, and Paradoxes: Fifty Years of Western Political Thought* / St. White // *Political Theory. An International Journal of Political Philosophy*. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 472 – 481.

рамки исследования ограничены наиболее важными с точки зрения модернизации этапами: от консолидации националистического дискурса к началу XX века до активизации каталонского национализма в 2000-е годы.

К числу **основных положений** монографии относятся:

1) национализм представляет собой двухуровневый феномен, состоящий как из политических, так и этнических трендов; в зависимости от ситуации доминировать могут политические или этнические течения в национализме;

2) национализм относится к числу интеллектуальных и интеллектуалистских политических идеологий; поэтому основными теоретиками и адептами национализма являются интеллектуалы, которые конструируют националистический политический дискурс;

3) национализм опирается на бэк-граунд, представленные различными моделями политической культуры, которая приписывает тому или иному сообществу определенные культурные практики и стратегии политического поведения;

4) национализм относится к числу феноменов процессуального плана; следовательно, развитие национализма является процессом конструирования идентичностных моделей и политических наций, который функционирует в рамках этих моделей;

5) модернизация – процесс, в результате которого разрушается традиционный дискурс и утверждаются принципы политического национализма, для которого приоритетной является гражданская идентичность;

6) националистическое воображение является процессом выработки и экспорта национальной идентичности со стороны националистов-интеллектуалов в направлении традиционных сообществ, подвергающимся модернизации путем разрушения традиционных идентичностей, на смену которым приходят модерновые политические идентичности; националистическое воображение (представленное кодификацией языков, написанием и описанием истории, осознанием и конструированием исторического и политического опыта, формированием оппозиции «мы» / «они») является одним из наиболее важных и действенных инструментов модернизации;

7) политические нации представляют собой не примордиальные категории, а модерновые (современные) конструкции, возникшие в результате националистического воображения интеллектуалов-националистов и рефлексии / спекуляции относительно националистического наследия со стороны политических наследников первых националистов.

Цель исследования. Принимая во внимание упомянутые выше положения, цель настоящего исследования состоит в анализе гражданского и этнического национализма в контексте модернизации Каталонии.

Задачи исследования. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) определение теоретических границ концепта «национализм» через анализ основных направлений и результатов деятельности интеллектуалов-националистов;

2) выявление характеристик политической модернизации в контексте развития национализма и утверждения современных идентичностей;

3) анализ динамики развития националистического и политического воображения в контексте конструирования идентичностей;

4) раскрытие роли национализма как основного фактора, способствовавшего проведению модернизации в рамках авторитарной модели политического режима или в условиях политического транзита.

Понятийный аппарат исследования. В настоящем исследовании автором используются ряд терминов (национализм, идентичность, националистический дискурс, модернизация, интеллектуальное сообщество, националистическое воображение, нарратив, политическая культура, политический / интеллектуальный бэк-граунд), образующих понятийный аппарат работы:

- в определении национализма автор следует за Э. Геллнером, понимавшим под национализмом, принцип при котором политическая и этническая единицы должны совпадать;

- идентичность (identity) – совокупность представлений, нарративов и политических предписаний, образующих националистический дискурс;

- нарративы (narratives) – институционализированные в виде текстов политические предпочтения и культурные идеи интеллектуалов-националистов;

- модернизация (modernization) – процесс разрушения традиционного культурного дискурса и традиционных идентичностей, на смену которым приходит националистический дискурс и современные (национальные) идентичности;

- интеллектуальное сообщество (intellectual community) – профессиональная корпорация исследователей (как правило, гуманитариев), конструирующих националистический дискурс;

- националистический дискурс (nationalistic discourse) – текстуализованная среда проявления национализма, представленная текстами, создаваемыми интеллектуалами-националистами;

- националистическое воображение (nationalistic imagination) – процесс выработки идентичности националистически ориентированными интеллектуалами для того или иного сообщества;

- воображаемое (воображенное) сообщество (imagined community) – концепт групповой идентичности, предложенной националистами-интеллектуалами для того или иного сообщества; потенциальная политическая нация;

- политическая нация или нация-государство (Nation State) – институционализированное вообразенное сообщество, которое характеризуется наличием государственности (национальной независимой или национальной автономии), идентичности, исповедующее идеологию политического национализма в виде соблюдения гражданских политических ритуалов, поддерживаемых интеллектуальным сообществом, обладающим корпоративными объединениями (научные общества, университеты и институты, НИИ, Академии Наук);
- политический центр – сообщество, в рамках которого процессы национализации и модернизации, формирования современных типов идентичностей – политических и этнических – протекали быстрее, чем в других регионах;
- политическая периферия – сообщество, которое оказалось в меньшей степени, в отличие от центра, подверженным политической модернизации; на территории периферий, как правило, националистические движения возникают позднее, чем в центре; для развития периферийных национализмов характерна догоняющая динамика;
- культурный бэк-граунд (cultural back ground) – националистический дискурс, культивируемый интеллектуальным сообществом и обеспечивающий функционирование и воспроизводство политической нации.

Научно-практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы, с одной стороны, при разработке и проведении политики в национальных регионах Российской Федерации, основываясь на учете многонационального состава населения, а так же региональной политической, культурно-политической и этнической специфики в условиях сохранения значительного числа нерешенных конфликтов и проблем в субъектах российской федерации с участием различных этнических групп. Выводы, к которым пришел автор, могут быть использованы в дальнейшем при изучении национализма, а так же в рамках сравнительных политологических исследований, посвященных национализму, националистическому воображению, различным моделям и стратегиям политической модернизации.

ГЛАВА 1

КАТАЛОНСКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

§ 1. Проблемы генезиса и ранней истории каталонского национализма

Каталонский национализм в значительной степени отличается от других национализмов европейских периферий. Националистический каталонский дискурс имел исторические истоки, что позднее дало повод каталонским националистам писать о внеисторичности каталонского языка как основы каталонской нации и примордиальности каталонского политического, культурного и лингвистического сообщества, отличного от других регионов Испании – в первую очередь, от кастильскоязычных земель⁵¹. Отечественный политолог И.М. Бусыгина примордиалистски (что почти не свойственно для этой исследовательницы) определяет Каталонию как «исторический регион, который столетиями отстаивает свой самобытный характер»⁵². Чешский исследователь национализма М. Хрох предостерегает от примордиалистских конструирований теории нации и подчеркивает, что нация не является «вечной категорией», представляя собой «продукт долгого и сложного процесса исторического развития»⁵³. В испанской политологии распространено конструктивистское прочтение феномена ка-

⁵¹ О феномене испанских регионов и различных идентичностях, а так же идентичностных проектов см.: Кожановский А.Н. Народы Испании во второй половине XX века (опыт автономизации и национального развития) / А.Н. Кожановский. – М., 1993; Кожановский А.Н. Этническая ситуация в Испании: взгляд из России / А.Н. Кожановский // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания / ред. В.Е. Багно. – СПб., 2001. – С. 185 – 209; Кожановский А.Н. Быть испанцем... Традиции. Самосознание. Историческая память / А.Н. Кожановский. – М., 2006; Кожановский А.Н. Испанский случай: этнические волны и региональные утесы / А.Н. Кожановский // Национализм в мировой истории / ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – М., 2007. – С. 227 – 258.

⁵² Бусыгина И.М. Практика территориально-политического строительства в Испании и России: попытка сравнительного анализа / И.М. Бусыгина // КФ. – 2003. – № 3. – С. 32 – 33. См. так же: Busygina I. The practice of territorial-political construction in Spain and Russia / I. Busygina // Kazan Federalist. – 2003. – No 4. – P. 82 – 90.

⁵³ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 122 // <http://nations.gender-ehu.org/text/Hroh.doc>

талонского национализма⁵⁴, появление которого связывается с постепенной трансформацией социальных институтов и отношений, в рамках которых распад традиционности совпал с формированием современных политических идентичностей. При этом, анализируя особенности каталонского национализма, следует принимать во внимание и тезис Эрика Хобсбаума о том, что «важнейшая особенность современной нации и всего с нею связанного – это историческая новизна»⁵⁵.

Поэтому, каталонские исследователи склонны применять конструктивистские теории, интерпретируя феномен каталонского национализма как результат интеллектуальной деятельности местных каталонских националистов⁵⁶. Большинство интерпретаций каталонского национализма в качестве отправной точки исследования нередко имеют предположение, что националистический дискурс в Каталонии опирался исторические истоки и мощный интеллектуальный и литературный бэк-граунд представленный текстами на каталонском языке⁵⁷. Исследователь национализма Й. Луутонен подчеркивает, что именно язык «является существенным фактором не только национального самосознания, но и бытия народа»⁵⁸.

Феномену быстрого и динамичного развития каталонского национализма предшествовала эпоха доминирования местного варианта традици-

⁵⁴ См. например: Жария и Манзано Ж. Распределение полномочий в государстве автономий как динамическая стратегия различных самобытных общностей / Ж. Жария и Манзано // КФ. – 2003. – № 3. – С. 99 – 112. О развитии исследований национализма в Испании см. обзор И. Сепульведы Муньеса: Sepulveda Munoz I. La investigación del Nacionalismo: evolución, temas y metodología / I. Sepulveda Munoz // ETF. – Serie V. – 1996. – Vol. 9. – P. 315 – 336.

⁵⁵ См. подробнее: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998. – С 25.

⁵⁶ Llorens Via J. El primer catalanisme independentista / J. Llorens Via // Etd'Н. – 2005. – Abril 12 – 18. – P. 16 – 20.

⁵⁷ Об историческом бэк-граунде развития националистического дискурса в Каталонии см.: Anderson E.N., Anderson P.R. Political Institutions and Social Change in Continental Europe in the Nineteenth Century / E.N. Anderson, P.R. Anderson. – Berkeley, 1967; Corcuera J. Orígenes, ideología y organización del nacionalismo vasco (1876-1904) / J. Corcuera. – Madrid, 1979; Jáuregui G. Los nacionalismos minoritarios y la Unión Europea / G. Jáuregui. – Barcelona, 1977; Rubio Pobes C. Revolución y tradición. El País Vasco ante la Revolución liberal y la construcción del Estado español, 1808-1868 / C. Rubio Pobes. – Madrid, 1996.

⁵⁸ Луутонен Й. Возникновение финно-угорских и тюркских литературных языков Поволжья и вопрос о литературных языках в начале XX века / Й. Луутонен // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 21.

онного общества⁵⁹. Испания до начала националистических трансформаций, будучи европейской периферией, в значительной степени напоминала другую европейскую периферию – Восточную и Центральную Европу. В Этих регионах, на Пиренеях и на Европейском Востоке, по словам А.С. Мыльников, «большинство народов оказались лишенными национальной независимости и насильственно удерживались в составе существующих государств»⁶⁰. Каталонцы до начала эпохи национализма были, вероятно, носителями традиционного сознания. Комментируя подобный феномен, Й. Реми подчеркивает, что средний и типичный представитель любого традиционного общества «был безграмотным... его говор отличался от других диалектов того же языка... географический кругозор охватывал не очень обширную территорию... он слышал что-то о городах, но не видел карты, на которой была бы изображена его страна или национальная территория... он не читал газет... не участвовал в праздновании национальных годовщин»⁶¹.

В традиционном обществе доминирует в значительной степени традиционные институты и отношения, хотя степень этой традиционности и подверженность к переменам могут значительно варьироваться в зависимости от региона. Тем не менее в рамках доминирующего традиционного общества именно традиционная культура «представляет собой совокупный опыт сохранения» того или иного сообщества в условиях «иноэтнического окружения»⁶². В подобном обществе невозможно возникновение национализма. Современный российский исследователь М. Ремизов полагает, что «движение от традиционализма к национализму логически невозможно (под движением здесь имеется в виду не смена убеждений, а процесс инкорпорирования), поскольку традиционализм не принимает политическое, т.е. не признает за обществом права делать, выбирать и волевым образом определять себя. А национализм признает это право важнейшим для

⁵⁹ О традиционной народной культуре Каталонии см.: Prats Ll., Llopart D., Prat J. *La cultura popular a Catalunya. Estudiosos i institucions. 1853-1981* / Ll. Prats, D. Llopart, J. Prat. – Barcelona, 1982; Sola P. *Els ateneus obrers i la cultura popular a Catalunya, 1909-1939* / P. Sola. – Barcelona, 1978.

⁶⁰ Мыльников А.С. *Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания* / А.С. Мыльников. – СПб., 1997. – С. 8.

⁶¹ Реми Й. *Проблемы неполной национальной мобилизации: национальные движения украинцев и белорусов в сравнительном анализе* / Й. Реми // *Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов* / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 14.

⁶² См.: Поздеев И.Л. *Этническая социализация в доиндустриальном и современном обществе: опыт и проблемы преемственности* / И.Л. Поздеев. – Ижевск, 2007. – С. 45.

народа и, соответственно, в определенном смысле, может “выбрать” и традиционализм»⁶³.

Комментируя проблемы генезиса национализма Э. Геллнер полагал, что «маленькие крестьянские общины живут очень изолированно... даже если население данной области имеет общий языковой корень, а это не всегда так, нечто вроде культурного сдвига очень быстро приводит к диалектным и другим различиям... никто или почти никто не заинтересован в сохранении культурного единства на этом социальном уровне...»⁶⁴. Носители подобных идентичностей, как иронично замечает Й. Реми, «ничего и никогда не слышали о принципе, по которому государственные и административные единицы должны совпадать с национальными»⁶⁵. С другой стороны, доминирование традиционности не исключает того, что каталонцы как меньшинство, не подвергнутое ассимиляции, сохраняли «определенное этнолокальное самосознание, носившее по преимуществу религиозно-языковой характер»⁶⁶. В случае с Каталонией XIX – начала XX века мы, вероятно, можем говорить именно о языковом сознании⁶⁷, точнее – идентичности, в силу того, что в религиозном плане и каталонцы (меньшинство с неполной социальной и политической структурой) и кастильцы (большинство с полными социально-политическими структурами) принадлежали к Католической Церкви.

Сообщества, о которых писал Э. Геллнер, обладали своей особой идентичностью, комментируя особенности которой, Геллнер писал, что «...мировоззрение, на котором зиждется это общество не предполагает интенсивного познания и освоения природы... оно предполагает устойчивое сотрудничество между природой и обществом, в ходе которого природа не только доставляет обществу скромное, хотя и постоянное продовольствие, но одновременно санкционирует, оправдывает общественное устройство, служит его отражением...»⁶⁸. Локальность значительно усложняет изучение тех условий, в которых мог формироваться или не формироваться национализм: «...замкнутая община обычно пользуется языком, имеющим

⁶³ Ремизов М. Введение в национализм / М. Ремизов // <http://www.apn.ru/publications/article17695.htm>

⁶⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991. – С. 41 – 42.

⁶⁵ Реми Й. Проблемы неполной национальной мобилизации: национальные движения украинцев и белорусов в сравнительном анализе. – С. 15.

⁶⁶ Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. – С. 14.

⁶⁷ О языковом факторе в национальных движениях см. подробнее: Хрох М. Язык как инструмент гражданского равенства / М. Хрох // АІ. – 2005. – № 3. – С. 21 – 34.

⁶⁸ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 147.

смысл лишь в определенном контексте...но деревенский говор не претендует ни на нормативность, ни на политическую значимость...»⁶⁹.

Именно благодаря этому появление национализма в аграрном традиционном обществе неизбежно будет откладываться на неопределенно долгий срок. Локальные группы имеют свои ярко выраженные, но не институционализированные этнические отличия⁷⁰, что способствует постепенной трансформации традиционных культур. С другой стороны, национализм не возникает на этом этапе в силу объективной специфики развития культуры, которая не является единой для высшего общества и для непосредственных производителей. Резкое расхождение различных уровней культуры проявляется, в частности, в развитии языка. Это, по словам Э. Геллнера, проявляется в том, что «...очень сильна тенденция церковных языков к расхождению с разговорными, как будто уже сама грамотность не создала достаточного барьера между духовенством и мирянами, и эту пропасть следует еще углубить, не только переведя язык в мудреные письмена, но и сделав его непонятным для слуха...»⁷¹.

Основное препятствие для возникновения национализма на этапе аграрного общества состоит не в специфике развития культуры, а в том, что в аграрном государстве нет возможности для «...проведения политических границ в соответствии с культурными...»⁷². И если бы на данном этапе, по словам Э. Геллнера, «...национализм был бы изобретен... вероятность его бы распространения была бы минимальной...»⁷³. Национализм был обречен на то, чтобы оказаться на периферии – стать уделом небольшого числа грамотных людей. На данном этапе «высокая культура» пребывала в зачаточном состоянии или была очень слабо развитой и выраженной. Иными словами, до того момента, когда, по выражению Э. Геллнера, «...каждая высокая культура хочет иметь государство и предпочтительнее свое собственное...»⁷⁴, оставалось еще очень долго. Немецкий исследователь национализма Й. Реми конкретизирует и резюмирует геллнеровскую идею: «условиями современного национального сознания является распространение литературы на родном языке, уровень грамотности и вообще элементарного образования... празднование национальных торжеств... национализм много этому способствовал... национализм связан с модернизацией»⁷⁵. С

⁶⁹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 44.

⁷⁰ О генезисе национализма см.: Роўда У. Вытокі нацыяналізму / У. Роўда // <http://arche.bymedia.net/2001-2/rouda201.html>

⁷¹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 43.

⁷² Там же. – С. 42 – 43.

⁷³ Там же. – С. 43.

⁷⁴ Там же. – С. 118.

⁷⁵ Реми Й. Проблемы неполной национальной мобилизации: национальные движения украинцев и белорусов в сравнительном анализе. – С. 15. О языковом факторе в развитии национализма, о стандартизации языков как форме культу-

другой стороны, не все носители письменного и относительно литературного языка могли бы с пониманием отнестись к изобретенному национализму и стать националистами. Носители письменной культуры, европейские католические священники и монахи и пришедшие им на смену просветители, никто из них в своем регионе не мог стать националистами в силу своей внутренней замкнутости и немногочисленности.

Культурные предпосылки националистической модернизации способствовали именно культурной и языковой консолидации, трансформации традиционных сообществ в направлении формирования нации. В этой ситуации мощный культурный бэк-граунд не был обязательным условием для политизации интеллектуального сообщества и формирования националистического дискурса. Особая роль в формировании каталонского регионализма принадлежит языковым истокам. Каталонский язык начал складываться относительно рано. Первые его элементы в письменной традиции могут быть отмечены в период Реконкисты – освобождения территории Пиренейского полуострова от арабов. Отличительная черта формирования каталонского языка состоит в том, что он формировался не только на основе вульгарной латыни жителей территорий захваченных арабами. Значительная роль в его формировании принадлежала тем романским диалектам, которые были принесены христианами, участвовавшими в Реконкисте. Развитие каталонского языка началось раньше, чем оформление языковых норм и традиций в других регионах Испании. Каталония, как регион с традицией местного национализма⁷⁶, рано заявила о своей независимости в языковой степени.

Складывание каталонского языка было связано с деятельностью Рамона Льюля (Ramon Llull, 1233 – 1315), которого каталонские регионалисты в XX веке рассматривали его как «творца каталонского литературного языка» - «creador del catala literari». Каталонские политики XX века называли Льюля первым каталонским националистом и регионалистом: «если современная нация – это культурное целое, то Льюль – создатель нации», – писал Э. д'Орс. Заслуга Льюля состоит в создании теологической и фи-

вирования идентичности см.: Garvin P.L. The Standard Language Problem. Concepts and methods / P.L. Garvin // *Language in Culture and Society. A reader in linguistics and anthropology* / ed. D. Hymes. – NY., 1964. – P. 521 – 523; Goody J., Watt I. The Consequences of Literacy / J. Goody, I. Watt // *Literacy in Traditional Societies* / ed. J. Goody. – Cambridge, 1968. – P. 27 – 68; Heath S.B. Standard English: Biography of a Symbol / S.B. Heath // *Standards and Dialects in English* / eds. T. Shopen, J. Williams. – L., 1980. – P. 3 – 32; Shaklee M. The Rise of Standard English / M. Shaklee // *Standards and Dialects in English* / eds. T. Shopen, J. Williams. – L., 1980. – P. 33 – 62.

⁷⁶ О предпосылках для развития националистического дискурса см.: Linz J. *Opposizione in un regime autoritario: il caso della Spagna* / J. Linz // SC. – 1970. – No 2.

лософской литературы на каталонском языке. Это в полной мере относится к его трактатам «Книга созерцания Бога» («Llibre de contemplacio en Deu»), «Книга об Эвасте и Бланкерне» («Llibre de Evast i Blanquerne»), «Книга об удивительном» («Llibre de meravelles»). Льюль, как сторонник каталонского языка, склонялся к необходимости его широкого использования. В отличие от формирования других языков Испании, первые литературные памятники на каталонском языке были написаны в прозе, а не в стихотворной форме, что было характерно, например, для галисийского языка. Это было связано с тем, что языком поэзии был провансальский, а каталонский мог реализовать себя на данном этапе, как правило, исключительно в прозе⁷⁷.

Первым текстом, написанном на каталонском языке, в исследовательской литературе признается отрывок из вестготского кодекса законов, который датируется началом XII столетия. XIII веком датируется другой памятник каталонского языка – «Проповеди из Органья» или «Homilies d'Organya». Проза отличалась простой и ясностью стиля, так как язык этих произведений был близок к ежедневному и разговорному языку обитателей региона. Подобное развитие литературной традиции в Каталонии говорит о ее выделенности из соседних территорий уже на этом раннем этапе. Особая роль в формировании каталонского языка принадлежит историческим хроникам. Самая ранняя хроника, написанная на каталонском языке, датируется 80-ми годами XIII века и ее автором считается Бернат Десклот (Bernat Desclot), который стремился к унификации языка и выработке его литературных норм. Между 1313 и 1327 годами была составлена «Книга событий» («Llibre dels feyts»), авторство которой приписывается королю Жауме I (Jaume I)⁷⁸. Не менее важна хроника Рамона Мунтанера, написанная в XIV веке – в период расцвета Каталонии⁷⁹. О каталонском языке Мунтанер отзывался как о лучшем и самом красивом языке в мире. Национальное самосознание Мунтанера было развито относительно высоко: он противопоставлял каталонцев соседям, каталонский язык – другим языкам. В XIV веке произошла и относительная унификация каталонского языка. Быстрота и успешность унификационных политических процессов объяснима тем, что в языке практически не было диалектов, а его носители

⁷⁷ См. подробнее: Алисова Т.Б., Репина Т.А. Введение в романскую филологию / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина. – М., 1982.

⁷⁸ Арский И.В. Реконкиста и колонизация в истории средневековой Каталонии / И.В. Арский // Культура Испании. – М., 1940; Арский И.В. Очерки по истории средневековой Каталонии до соединения с Арагоном / И.В. Арский. – Л., 1941.

⁷⁹ Вольф Е.М. «Надъязыковые» формы поэтической речи в Каталонии в XIII – XV веках / Е.М. Вольф // Типы наддикативных форм языка. – М., 1981; Вольф Е.М. Развитие каталанской прозы в XIII – XV веках / Е.М. Вольф // Формирование романских литературных языков. – М., 1984. – С. 5 – 97.

занимали определенную территорию, на которой они компактно проживали.

Каталонская идентичность анализируемого периода относилась, вероятно, к феноменам традиционного плана, что, в первую очередь, проявлялось в восприятии самого понятия «нация». Сам термин «нация» на том этапе еще не получил того широкого и массового распространения, которое он обрел в век национализма. В традиционном обществе термин «нация» ассоциировался скорее с носителями «высокой» культуры, а не с массами, которые его присвоили в период новой и новейшей истории. Эрнест Геллнер полагал, что в аграрном обществе категория «нация» обозначала «...размытое целое, включающее, главным образом, представителей так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни, нежели всю совокупность носителей культуры...»⁸⁰. Но и сами носители народной и традиционной культуры не могли образовать нацию в силу того, что различия между отдельными локальными сообществами были очевидны и границы между ними не размылись.

На этапе аграрного общества культура является значительным и иногда политически значимым и определяющим фактором в жизни и функционирования того или иного локального или более крупного территориального сообщества. Отличительной чертой подобной «высокой» культуры было то, что она имела крайне ограниченную сферу влияния и распространения. На этапе перехода от аграрного общества к индустриальному роль и значение культуры могут существенно измениться, стать совершенно другими: «...при переходе от аграрного общества к индустриальному культура перестает быть средством, которое задает позиции в обществе и привязывает к ним индивидов... вместо этого она очерчивает новую социальную целостность...»⁸¹. Таким образом, культура обретает новую важную функции консолидации сообщества или общества. Такая консолидация в итоге ведет к вытеснению ряда старых стереотипов, на смену которым приходят новые, формирующие идентичность.

Анализируя феномен традиционных обществ, следует принимать во внимание и тот вариант социализации, который был для них характерен. В связи с этим Э. Геллнер писал, что «...огромное большинство населения принадлежало к самовоспроизводящимся сообществам, которые фактически обучали свою молодежь на практике, между делом, без отрыва от своего повседневного труда, почти или совсем не полагаясь на каких-либо учителей...»⁸². Начало индустриальной эпохи ознаменовало и значительные изменения в таком канале социализации, как образование: «...раньше

⁸⁰ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 153.

⁸¹ Там же. – С. 151 – 152.

⁸² Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 79.

образование было домашним делом, и человека воспитывали деревня или клан, это время ушло и ушло навсегда...и воспроизводство людей вне тесных локальных социальных групп является теперь нормой...»⁸³. Такая ограниченная и в значительной степени обычная, традиционная и повседневная модель социализации гарантировало одно – постоянное воспроизводство общества, защищая его от новых веяний, которые могли казаться вредными и опасными. Такой консерватизм традиционного общества надежно застраховал его от появления национализма. Кроме этого, по мнению Э. Геллнера, в аграрном обществе с его иерархической структурой национализм неизбежно стал бы принципиально новым явлением. С другой стороны, в подобных обществах крайне слабо развит механизм принятия нового.

Появление нового в политической или / и религиозной сферах могло стать результатом сознательной политики насаждения этого нового сверху. Но и в такой ситуации попытка сделать одну культуру доминирующей (без чего само появление национализма было бы невозможно или маловероятно) могло и не привести к позитивным результатам: «...при аграрном строе пытаться насадить на всех уровнях однородную культуру с заданными нормами, закрепленными на письме, было бы пустой затеей...»⁸⁴. Развивая эту мысль Э. Геллнер, писал, что «...социальная организация аграрного общества не способствовала утверждению националистического принципа, слиянию политических границ с культурными...»⁸⁵. Эта «затея» может обрести не только конкретные формы, но и результаты, на этапе индустриального общества, когда традиционные связи разорваны, а «...высокая культура пронизывает все общество...именно в этом кроется секрет национализма...»⁸⁶. Развивая эту идею Э. Геллнер писал, что «...национализм своими корнями очень глубоко уходит в своеобразные структурные требования индустриального общества...»⁸⁷. Но, с другой стороны, возникновение национализма стало результатом той же исторической и сложно объяснимой случайности, которая привела к разрушению несколько столетий существовавшего и казавшегося незыблемым порядка и появлению нового, капиталистического, общества.

Исторический триумф национализма в Европе совпал с победным шествием «высокой культуры». В связи с этим, Э. Геллнер писал, что «...распространение высоких культур (стандартизированных, опирающихся на письменность и экзотизацию коммуникативных систем) стало процессом, быстро набирающим обороты во всем мире...»⁸⁸. Именно по-

⁸³ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 94.

⁸⁴ Там же. – С. 55.

⁸⁵ Там же. – С. 96.

⁸⁶ Там же. – С. 56.

⁸⁷ Там же. – С. 88.

⁸⁸ Там же. – С. 125.

этому, в новом обществе постепенно наступает триумф новой культуры, которая в итоге и конструирует такой тип идентичности, которая делает возможным появление и дальнейшее существование национализма. Очередное возрождение Каталонии имело место в XIX веке, когда каталонское движение обрело политический характер, хотя языковые тренды и лингвистическое воображение продолжали играть значительную роль⁸⁹. Комментируя этот феномен, Эрик Хобсбаум подчеркивает, что «как только Европа достигает в своем развитии известного рубежа, ее лингвистические и культурные сообщества, незаметно созревающие в течение веков, покидают темную глубину прежнего пассивного бытия в качестве простого “населения” и выходят на арену истории. В самих себе они теперь видят силу, которая имеет особое историческое призвание. Они требуют контроля над государством как самым мощным инструментом власти и начинают борьбу за политическое самоопределение»⁹⁰.

Политическая окраска каталонской общественной жизни проявилась в начале XIX века. Это связано с борьбой жителей Испании против Наполеона. При этом следует принимать во внимание, что если в Галисии местные интеллектуалы и регионалисты были настроены антифранцузски, то в Каталонии – антимадридски. Антимадридской позиции местной элиты способствовало то, что раннее Мадрид проводил политику кастилизации – например, в 1780 году был введен закон, который предусматривал внедрение преподавания на кастильском языке. Именно такие меры определили позицию каталонских лидеров в период французской оккупации. В 1810 году они добились создания особой Каталонской административной общности. Именно при французах начала выходить газета на каталонском языке «*Diario de Barcelona*», которая позднее стала называться «*Diari del govern de Catalunya y Barcelona*». Кроме этого в 1811 году каталонский язык стал языком делопроизводства. В XIX веке имело место значительные перемены в литературной и научной деятельности региональных интеллектуалов, которая трансформируется в сферу доминирования политического, в том числе – и националистического, дискурса⁹¹. Примечательно и то, что

⁸⁹ Нарумов Б.П. Каталонский литературный язык XVI – начала XIX века / Б.П. Нарумов // Формирование романских литературных языков. – М., 1984. – С. 98 – 165. См. так же: Anguera P. Denied impositions: Harassment and resistance of the Catalan language / P. Anguera // JSCS. – 2003. – Vol. 4. – No 1. – P. 77 – 94.

⁹⁰ Подробнее см.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998. – С. 161.

⁹¹ О тенденциях в развитии националистического дискурса в XIX веке см.: Anguera P. La percepció de la catalanitat en els liberals i els carlins durant la guerra dels Set Anys / P. Anguera // Le discours sur la nation en Catalogne aux XIXe et XXe siècles. – Paris, 1996. – P. 189 – 209; Cirujano P., Elorriaga T., Pérez Carzón J.S. Historiografía y nacionalismo español. 1834 – 1868 / P. Cirujano, T. Elorriaga, J.S. Pérez Carzón. – Madrid, 1985.

этот процесс имел всеевропейский характер, затронув и европейские периферии⁹², способствуя их модернизации, трансформации традиционных сообществ в современные нации.

Параллельно росту кастильского самосознания, развитию кастильско-го национализма и кастильской идентичности, как унификаторской модели развития этнической и политической идентичности для Испании в целом⁹³, в каталонской поэзии в XIX столетии начинают звучать откровенно регионалистские и провинциалистские лозунги, связанные с памятью о государственном и политически самостоятельном прошлом Каталонии. В этом отношении история Испании в значительной степени вписывается в историю европейских империй, который в отношении недоминирующих групп стремились проводить политику, направленную на разрушение отличных от магистральной идентичностей, на культурную и языковую ассимиляцию⁹⁴. Реакцией на политику унификации и попытки разрушения местных идентичностей испанские регионы отвечали активизацией, идеологами которой в Каталонии оказались местные интеллектуалы, начавшие развивать политический каталонизм и национальный миф отличный от кастильской идентичности. В этой ситуации и без того вязкий, не имеющий четких границ концепт «Испании» постепенно фрагментировался: на смену ему приходили различные дискурсы «Родины»⁹⁵, в том числе – и регионализованные. Комментируя фактор политической памяти в развитии национализма, М. Хрох указывает на то, что «память о былой независимости или государственности, даже относящихся к далекому прошлому, могла играть

⁹² О развитии национализма на территории европейских периферий в XIX веке см.: Stančić N. Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću / N. Stačić. – Zagreb, 2002.

⁹³ О развитии испанской идентичности в XIX веке см.: Кирсанова Н.В., Юрик Э.Ю. Представление о нации и национальное сознание в Испании / Н.В. Кирсанова, Ю.Э. Юрчик // Национальная идея в Западной Европе в Новое Время. Очерки истории / отв. ред. В.С. Бондарчук. – М., 2005. – С. 287 – 313.

⁹⁴ О подобной политике центра в отношении национальных регионов см.: Миллер А.С. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). Сравнительно-исторический контекст / А.С. Миллер // <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/miller-pred2.htm>; Миллер А.С. Субсидия газете «Слово» Галицийские русины в политике Петербурга / А.С. Миллер // <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/miller-12.htm>; Міллер О. Засвоюючи логіку націоналізму: ставлення владних кіл Імперії та громадської думки її столиць до українського національного руху в перші роки царювання Олександра II / О. Міллер // <http://www.franko.lviv.ua/subdivisions/um/um2-3/statti/4-miller.oleksij.htm>

⁹⁵ О концепте «Родины» в развитии националистических движений см.: Sternberger D. Pojam domovine / D. Sternberger // РМ. – 2001. – Vol XXXVIII. – Br. 2. – S. 113 – 124.

важную роль в стимулировании национально-исторического самосознания и этнической сплоченности»⁹⁶.

Поэзия, как форма политической памяти в обществе, которое почти не предоставляло жителям периферий политических свобод, культивировала идеи об особой роли каталонцев и Каталонии. Иногда звучали и мотивы необходимости отделения Каталонии от остальной Испании. Отцом культурного каталонского регионализма в XIX веке считается Бонавентура Карлос Арибау, автор оды «К Родине». Арибау показал себя как противник политики кастилизации, он отстаивал право каталонцев на самобытность, в первую очередь – на наличие своего собственного языка. Как националисту и регионалисту ему было неприятно видеть в Каталонии «повсюду стены кастильских башен». Особую роль он отводил каталонскому языку «на коем написаны законы и девизы воинов», призывал к его широкому использованию. Арибау негативно относился к отказу от каталонского языка в пользу кастильского. Этому он противопоставлял каталонца-националиста, который думает, молится и говорит на родном языке. Кастильский язык оценивался им просто, как «скверна лживых слов»⁹⁷. К Б.К. Арибау идейно был близок и ряд его современников. Среди них – Джоакимо Рубио и Орсе (1818 – 1899), который с 1858 года являлся ректором Барселонского Университета. В 1859 году он выступил с инициативой восстановления так называемых «цветочных игр» – народного праздника, характерного для Каталонии. Будучи романтиком и традиционалистом, он на страницах своих стихов воспевал крестьянский быт и вековые устои жизни каталонцев. Именно подобные интеллектуалы, определяемые М. Хрохом, как «исследователи-эрудиты» открывали «этническую группу и закладывали основу для последующего формирования национальной идентичности»⁹⁸.

Анализируя особенности развития каталонского национализма на данном этапе, во внимание следует принимать определенное, данное феномену национализма Э. Геллнером. Под национализмом Э. Геллнер понимал «политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать»⁹⁹. Несколько расширяя и конкретизируя эту дефиницию Э. Геллнер писал, что «национализм является следствием новой формы социальной организации, которая опира-

⁹⁶ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 121 – 145 // <http://nations.gender-e.hu/text/Hroh.doc>

⁹⁷ Арибау Б.К. К Родине / Б.К. Арибау // Из каталонской поэзии. – М., 1984. – С. 90 – 91.

⁹⁸ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 129 // <http://nations.gender-e.hu/text/Hroh.doc>

⁹⁹ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 23.

ется на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством»¹⁰⁰. С другой стороны, национализм представляет собой «соединение государства с национальной культурой»¹⁰¹. Э. Геллнер, полемизируя с примордиалистами, полагал, что «вопреки убеждению людей и даже специалистов национализм не имеет глубоких корней в человеческом сознании, которое оставалось неизменным на протяжении многих тысячелетий существования человечества и не стало не лучше не хуже за сравнительно короткий, совсем недавно наступивший, век национализма»¹⁰².

Другое направление каталонского литературного национализма в XIX столетии было представлено в лице Джасинта Вердагера (1845 – 1902), заслуга которого состоит в том, что каталонская литература вошла в семью великих европейских литератур того времени. Примечательно то, что Вердагер был католическим священником. Для его творческого наследия характерен уклон в сторону идеализации крестьянства как особого политического класса, носителя национальной идентичности. Это характерно для ряда его сборников, таких как: «Мистические идиллии и песни» (1878), «Монсеррат» (1880), «Цветы у распятия» (1896), «Цветы Марии» (1902). Каталония описана им в националистическом духе – для него она идеально чиста, идеально национальная и религиозна¹⁰³. Вердагер активно культивировал воображенный образ политической Каталонии, способствуя консолидации каталонской идентичности. В его творчестве много и от христианского фанатизма: в частности им были созданы крайне неаттрактивные образы мавров как нехристиан, что свидетельствует о значительной роли религиозных трендов в функционировании каталонской идентичности в период деятельности Вердагера. Христианская политическая идентичность – одна из особенностей развития раннего националистического дискурса в Каталонии. В наследии Вердагера часты мотивы, связанные с религиозной проблематикой¹⁰⁴.

В определенном плане к Вердагеру, бывшему националисту, но не националисту модернового плана, а скорее приверженцем политизированного традиционализма, связанного с регионалистскими политическими трендами¹⁰⁵, близок и Анжель Гиммера, который культивировал каталон-

¹⁰⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 112.

¹⁰¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 146.

¹⁰² Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 87.

¹⁰³ Вердагер Д. Дон Джауме из Сан-Джеронимо / Д. Вердагер // Из каталонской поэзии. – М., 1984. – С. 98 – 100.

¹⁰⁴ Вердагер Д. Sum vermis / Д. Вердагер // Из каталонской поэзии. – М., 1984. – С. 100 – 102.

¹⁰⁵ О феномене национализма, который в рамках интеллектуального сообщества осознается как национализм преимущественно культурного и языкового плана, но не используется в качестве инструмента политической и / или националисти-

скую идентичность, опираясь именно на религиозные тренды. Каталония сравнивалась им с «матерью святой»¹⁰⁶. Каталонцы на страницах его стихов – люди глубоко религиозные¹⁰⁷. В XX веке каталонская литература, ставшая сферой для формирования политических элит как главных носителей идеологии национализма¹⁰⁸, способствовала культивированию и развитию националистических идей, а национализм трансформируется в совокупность интеллектуальных трендов, которые начинают трансформировать политический дискурс в Каталонии в соответствии с интересами и целями националистического движения¹⁰⁹, что свидетельствовало о начале процесса постепенного размывания традиционного канона и связанных с ним идентичностных дискурсов, которые не выдерживали конкуренции с новыми модернистскими веяниями в культуре¹¹⁰, радикально изменившими и политический ландшафт Испании, способствуя политизации масс под лозунгами светского политического (гражданского) национализма. Регионалистские и националистические настроения оказались востребованы большинством каталонских писателей, поэтов и прозаиков. Литература, как сфера политического участия, была и тем пространством, где каталонские националисты выражали свое политическое несогласие.

ческой модернизации см.: Monteiro R.M. *Civilização e cultura: Paradigmas da nacionalidade* / R.M. Monteiro // СС. – 2000. – Ano XX. – No 51. – P. 50 – 65.

¹⁰⁶ Гиммера А. Каталония / А. Гиммера // Из каталонской поэзии. – М., 1984. – С. 115.

¹⁰⁷ Гиммера А. Год тысячный / А. Гиммера // Из каталонской поэзии. – М., 1984. – С. 111.

¹⁰⁸ Об элитах как акторах в развитии национализма см.: Hroch M. *Do movimento nacional à nação plenamente formada: o processo de construção nacional na Europa* / M. Hroch // *Um mapa da questão nacional* / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000. – P. 85 – 106. См. так же: Di Palma G. *Conflitto ed élites nelle società industriali* / G. Di Palma // *RitSP*. – 1971. – Vol. 1. – No 3. – P. 481 – 514.

¹⁰⁹ Об этих тенденциях в развитии каталонского националистического дискурса в начале XX века см.: Balcells A. *Història del nacionalisme català. Dels orígens al nostre temps* / A. Balcells. – Barcelona, 1992; Balcells A. *Catalan Nationalism: Past and Present* / A. Balcells. – NY., 1996; Conversi D. *The Basques, the Catalans, and Spain: Alternative Routes to Nationalist Mobilisation* / D. Conversi. – L., 1997; Fernández Sebastián J. *España, monarquía y nación. Cuatro concepciones de la comunidad política española entre el Antiguo Régimen y la Revolución liberal* / J. Fernández Sebastián // *HC*. – 1994. – No 12. – P. 45 – 74; Llorens J. *Catalanisme i moviments nacionalistes contemporanis (1885-1901). Missatges a Irlanda, Creta i Finlàndia* / J. Llorens. – Barcelona, 1988; Núñez Seizas X.M. *El mito del nacionalismo irlandés y su influencia en los nacionalismos gallego, vasco y catalán (1880-1936)* / X.M. Núñez Seizas // *SpC*. – 1992. – No 2. – P. 25 – 58.

¹¹⁰ О модернизме как политическом факторе см.: Prastaro A.M. *Il Modernismo: dimensione sociale e dimensione religiosa* / A.M. Prastaro // *ADSSS*. – 1984. – Vol. III. – P. 137 – 182.

Литературное творчество политизировалось, превращаясь в протестную деятельность, направленную против политики кастильского центра в отношении каталонской периферии. Это проявлялось и в кодификации каталанского языка, который местными националистами рассматривался как одна из альтернатив кастилизации. Кодификация и политизация каталанского языка стимулировались и политическими причинами. Испанская исследовательница Ж. Силвейро Абрао подчеркивает, что каталонский национализм возник как региональная реакция на попытку Мадрида руководствоваться в отношениях с регионами принципами централизма и унификации¹¹¹. Примечательно и то, что кодификация и оформления каталонской языковой нормы не были возможны ранее в силу того, что «нелитературный народный язык всегда является совокупностью местных вариантов или диалектов, которые взаимодействуют между собой с разной степенью легкости или трудности, зависящей от географической близости или доступности. Некоторые из них – главным образом, в горных районах, способствующих изоляции, – могут быть настолько непонятными для соседей, как если бы они принадлежали к иной языковой семье... до введения всеобщего начального образования никакого разговорного “национального” языка не было и быть не могло»¹¹².

Поэтому в начале XX века в рамках каталонского национализма, в котором сложилась мощная публицистическая и полемическая традиция, особую актуальность обрела полемика с Мадридом, например – в языковом вопросе. В то время, когда каталонские националисты отстаивали интересы региона, уделяя значительное внимание проблемам языка и отличной от кастильской каталонской народной культуры и традиции¹¹³; кастильязычные публицисты предлагали интегрированную модель идентичности¹¹⁴, которая в большей степени основывалась на унификационных трендах, нежели на стремление к региональному партикуляризму – культурному, языковому и политическому.

¹¹¹ Silveira Abrão J. Nacionalismo cultural y político: la doble cara un proyecto único: Cataluña / J. Silveira Abrão. – Barcelona, 2006. Tesis doctoral. Universidad de Barcelona. – P. 61.

¹¹² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – С. 82, 83.

¹¹³ Bonafulla L. La Revolución de Julio / L. Bonafulla. – Barcelona, 1909; Carner J. Orientacions polítiques i socials del Centre Nacionalista Republicà / J. Carner. – Barcelona, 1907; Cases Carbo J. Catalonia / J. Cases Carbo. – Barcelona, 1908; Lopez G. La mentira musical / G. Lopez. – Barcelona, 1908; Pedrell F. Por nuestra música / F. Pedrell. – Barcelona, 1891; Pedrell F. La cançó popular catalana, la lírica nacionalitzada i l'obra de L'Orfeo Catalá / F. Pedrell. – Barcelona, 1906.

¹¹⁴ Pella y Forgas J. La crisis del catalanisme / J. Pella y Forgas. – Barcelona, 1906; Royo Villanova A. El problema catalan. Impresiones de un viaje a Barcelona / A. Royo Villanova. – Madrid, 1908.

Каталонские националисты стремились к защите каталонского языка – например, Жоан Марагаль призывал защищать каталонский язык, на котором «говорят единицы». Поэт указывал на свое нежелание «на испанском наречии объясняться». Будучи националистом, он обвинял Мадрид в проведении антикаталонской политики: по данной причине Испания оценивалась им как «Испания смерти»¹¹⁵. Подобные нарративы в наследии каталонских националистов показательны в контексте формирования образов «чужого» / «другого». Возникновение концепта чуждости в рамках формирующегося каталонского националистического дискурса было вполне естественным процессом в силу того, что, по мнению Трэйси Стронг, формирование подобных образов «соответствует пониманию людьми того, что необходимо выбирать, с кем и как жить»¹¹⁶. Развитие национализма в Каталонии вело к постепенной институционализации каталонской идентичности, существующей на двух уровнях – «на уровне индивидуального чувства национальной принадлежности и на уровне идентичности коллективного целого по отношению к подобным ему другим»¹¹⁷.

Каталонские интеллектуалы-националисты активно конструировали националистический нарратив. По мнению российского исследователя С.И. Маловичко, нарратив является формой «поиска идентичности» и «субъектного строительства идентичности». С.И. Маловичко полагает, что «акт повествования» (поэтические тексты в условиях наличия, с одной стороны, неполной социальной структуры, и, с другой, политических ограничений могут восприниматься как сфера доминирования политическое) является «ответом на потребности настоящего», вызванным стремлением доказать и показать «непрерывность между настоящим и прошлым»¹¹⁸. В условиях невозможности непосредственно политической и / или научной деятельности, связанной с конструированием прошлого¹¹⁹, литературные

¹¹⁵ Марагаль Ж. Ода Испании / Ж. Марагаль // Огонь и розы. Современная каталонская поэзия. – М., 1981. – С. 19.

¹¹⁶ Strong T. The Self and the Political Order / T. Strong // The Self and the Political Order / ed. T. Strong. – Blackwell, 1992. – P. 9.

¹¹⁷ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? / К. Вердери // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 300.

¹¹⁸ Маловичко С.И. Государственная история в ситуации (пере)осмысления / С.И. Маловичко // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 25 – 27 апреля, 2008 г.) / отв. ред. И.В. Крючков. - Ставрополь – Пятигорск – М., 2008. – С. 35.

¹¹⁹ В последующих разделах настоящей монографии автор уделяет внимание роли истории, исторического воображения в контексте развития национализма в европейских перифериях. О связи исторических исследований и национализма см. подробнее: Когут З.Є. Розвиток української національної історіографії в Російській імперії / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в

тексты играли роль той плоскости, при помощи которых формировался каталонский национальный миф, предлагалась каталонская этноцентричная версия истории, основанная на использовании образа «другого» и виктимизации Каталонии кастильцами – классическими «чужими» для каталонских националистов того периода.

Каталонский автор Жозеп Карнэ описывал тяжелое положение Каталонии в составе Испании. Поэт утверждал, что каталонцы пребывают в рабстве, а их «взгляды пеленает мрак». Под ним он понимал кастильское влияние. Поэт ратовал за активизацию каталонцев, в первую очередь каталонского языка¹²⁰. В итоге Карнэ выступал за возрождение всего каталонского, за своеобразное возвращение (не буквальное, а, вероятно, территориально-политическое¹²¹) в идеализируемую каталонскими националистами Каталонию эпохи Средневековья¹²². С особой неприязнью к официальному Мадриду относился Жоан Сальвет Папассеит. Кастилия была для него одинаково опасной и враждебной: «Старая Кастилия, Новая Кастилия – иго и измена». Именно эта Кастилия и является агрессивной страной, которая поработила другие нации региона – «пасынков Иберии»¹²³. Важнейшая фигура каталонской литературы XX века – С. Эсприу – писал, что «мечта о свободе стала тяжелой цепью, приковавшей меня к мучительной песне». Этим он признавал и подчеркивал роль литературы в регионалистском движении¹²⁴.

С другой стороны, анализируя каталонский национализм начала XX века не следует ограничивать его исключительно культурно-литературным движением. В своем поэтическом творчестве каталонские националисты нередко обращались к прошлому, стимулируя развитие каталонской иден-

ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 187 – 217; Когут З.Є. Історичні дослідження в незалежній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 294 – 300.

¹²⁰ Карнэ Ж. Мольба в рабстве / Ж. Карнэ // Огонь и розы. Современная каталонская поэзия. – М., 1981. – С. 43.

¹²¹ Часть территорий, населенных носителями каталонского языка, входит в состав современной Франции. В период деятельности Ж. Карнэ носители каталонского языка проживали как в Испании, так и во Франции. О территории распространения и численности говорящих на каталонском языке см.: Нарумов Б.П. Каталонский язык / Б.П. Нарумов // Языки мира. Романские языки / ред. И.И. Чельшева, Б.П. Нарумов, О.И. Романова. – М., 2001. – С. 492 – 493.

¹²² Карнэ Ж. Возвращение в Каталонию / Ж. Карнэ // Огонь и розы. Современная каталонская поэзия. – М., 1981. – С. 49.

¹²³ Папассеит Ж.С. Призыв / Ж.С. Папассеит // Огонь и розы. Современная каталонская поэзия. – М., 1981. – С. 103 – 104.

¹²⁴ Эсприу С. Прометей / С. Эсприу // Огонь и розы. Современная каталонская поэзия. – М., 1981. – С. 176.

тичности и исторической памяти, которая отличалась бы от испанской (кастильской) версии истории. На раннем этапе развития национализма исторические изыскания нередко пересекаются и граничат с мифотворчеством. Российская исследовательница Л.П. Репина, комментируя феномен развития национальной идентичности и конструирования истории, подчеркивает, что «формирование исторического мифа, скрепляющего этническую группу, представляет собой процесс выборочной организации прошлых событий для обеспечения преемственности с современным субъектом идентификации»¹²⁵.

Усилиями каталонских интеллектуалов-националистов формировался комплекс исторических мифов, призванных способствовать укреплению идентичности. Комментируя феномен развития национализма, Кэтрин Вердери подчеркивает, что «нация – это аспект политического и символического и идеологического порядка, а также мира социального взаимодействия и чувства. В течение многих веков она являлась важным элементом системы социальной классификации... нация стала мощным символом и основой классификации в международной системе национальных государств. Ею обозначаются отношения между государствами и их подданными, а также между одними государствами и другими; это идеологический конструкт, играющий важную роль в определении позиций субъектов как в рамках современного государства»¹²⁶.

Важнейшим инструментом создания и институционализации каталонской нации было националистическое воображение, в качестве инициаторов которого выступали каталонские националисты-интеллектуалы. Усилиями националистов сообщества горожан и крестьян¹²⁷ трансформировались в каталонскую нацию. В этом контексте ранняя история каталонского национализма представляет собой не просто процесс создания нации, но «масштабную трансформацию общества, поддающуюся контролируемым обобщениям»¹²⁸, то есть процесс выстраивания и воображения нации, как в

¹²⁵ Репина Л.П. Исторические мифы и национальная идентичность: к методологии исследования / Л.П. Репина // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 25 – 27 апреля, 2008 г.) / отв. ред. И.В. Крючков. - Ставрополь – Пятигорск – М., 2008. – С. 11.

¹²⁶ Вердери К. Куда идут нация и национализм / К. Вердери // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 297.

¹²⁷ О социальных процессах в контексте формирования наций см.: Меджецкий В. Селяни у націотворчих процесів Центральної і Східної Європи у другій половині XIX – на початку XX століття / В. Меджецький // <http://www.franko.lviv.ua/Subdivisions/um/um6/Statti/4-medzhetsky%20volod>

¹²⁸ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 121 // <http://nations.gender-e.hu/text/Hroh.doc>

политическом, так и этническом измерении. Благодаря усилиям первых каталонских националистов изменился социальный облик Каталонии как периферии Испании: были заложены условия для усиления национализма в 1920 – 1930-е годы. В Каталонии складывался «новый мир, в котором национализм стал общепринятой нормой»¹²⁹. Таким образом, каталонский национализм имел политическое, а так же социальное измерение, будучи мощным фактором социальных перемен, которые способствовали модернизации Каталонии, трансформируя каталонскую идентичность, что вело к формированию современной каталонской нации.

¹²⁹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 146.

§ 2. Каталонский национализм между мировыми войнами

Активизация каталонского национализма начинается в первой четверти XX века¹³⁰, когда Испания, по мнению ряда российских исследователей, пережила волну роста «периферийных или региональных национализмов»¹³¹. К началу XX столетия Испания принадлежала к числу наименее развитых государств Европы, но Каталония, несмотря на свой политически и географический окраинный и периферийный статус, была одним из наиболее динамично развивающихся регионов¹³². Значительная роль в формировании и функционировании политического пространства принадлежала традиционализму, неформальным горизонтальным и вертикальным связям и практикам политической коммуникации. Комментируя подобные общества, израильский политолог Ш. Эйзенштадт подчеркивает, что «при относительно низком уровне техники в подобных обществах, отсутствии письменной трансляции культуры, низком уровне структурной дифференциации и, самое важное – при укорененности символической и организационной деятельности, имеющей центральное для общества значение в его первичных (главным образом родственных и территориальных) ячейках, конфликты, восстания и протест не могут быть организационно и символически выражены сколько-нибудь отчетливым образом. Обычно считалось, что такие феномены укоренены в существующих структурных и межлич-

¹³⁰ О региональных национализмах в Испании начала XX века см.: Casassas i Ymbert J. Espacio cultural y cambio político. Los intelectuales catalanes y el catalanismo / J. Casassas i Ymbert // ETF. – 1993. – Serie V. – Vol. 6. – P. 55 – 80; Grau J. La Lliga Regionalista i la llengua catalana, 1901 – 1924 / J. Grau. – Barcelona, 2006. – 453 p. (см. также докторскую диссертацию этого автора: Grau Mateu J. La Lliga regionalista i la Llengua catalana (1901 – 1923) / J. Grau Mateu. – Universitet Pompeu Fabra, 2006. Tesi doctoral. – 472 p.); Juana J. de, Castro X. de, Historia comparada del Nacionalismo gallego y bretón / J. de Juana, X. de Castro // RFGH. – 1987. – No 1. – P. 119 – 143; Rivera García A. La lliga, o el ensayo imperial del nacionalismo catalán / A. Rivera García // PMRHC. – 2005. – No 4. – P. 201 – 217; Termes J. Història del catalanisme fins el 1923 / J. Termes. – Barcelona, 2006.

¹³¹ Волкова Г.И., Дементьев А.В. Политическая история Испании XX века / Г.И. Волкова, А.В. Дементьев. – М., 2005. – С. 31. О феномене региональных национализмов в Испании см.: Antuña Souco C.A. O galeguismo na provincia de Pontevedra (1930-1936) / C.A. Antuña Souco. – Sada-a-Coruña, 2000; Antuña Souto C.A. El nacionalismo gallego (1916-1936), Una madurez inconclusa / C.A. Antuña Souto // ETF. – 2000. – Serie V. – Vol. 13. – P. 415 – 440.

¹³² О развитии периферий в контексте социальных и экономических перемен см.: Berend, I., Ranki, G. Evropska periferija i industrijalizacija 1780 – 1914 / I. Berend, G. Ranki. – Zagreb, 1996; Rogić I. Hrvatska i njzine regije / I. Rogić // DI. – 1992. – Br. 1. – S. 25 – 35.

ностных ячейках и они не выходят за пределы господствующих символических и институциональных предпосылок...»¹³³.

Проблема политического генезиса каталонского национализма, как и любого прочего национализма, является сложной и дискуссионной. Анализируя сложный феномен национализма, Э. Геллнер указывал на то, что следует разделять националистические чувства, с одной стороны, и националистические движения, как их политические проявления, с другой. Националистические чувства могут быть двоякого характера: во-первых, это могут быть чувства раздражения в связи с игнорированием самого принципа национализма – совпадения национальной и политической единицы. Во-вторых, это могут быть, наоборот, позитивные чувства, вызванные реализацией этого важнейшего националистического принципа на практике. Под националистическими движениями, в свою очередь Э. Геллнер понимал движения, которые в своей деятельности и практике руководствуются националистическими чувствами. Анализируя национализм, как политическое явление, Э. Геллнер указывал и на то, что определение, которое он предложил, нигде не было реализовано полностью, в чистом виде.

Геллнер указывал и на объективные сложности, которые не дают националистам одной нации объединить всех своих соотечественников в рамках одного государства. Этому могут способствовать и то, что представители одной нации проживают в различных государствах. С другой стороны, среди представителей определенной группы могут проживать представители другой, что объективно исключает построение «чистого» и гомогенного национального государства¹³⁴. Геллнер полагал, что националисты могли смириться с этими проблемами. По его мнению, национализм сталкивался с более опасным и серьезным вызовом, чем отсутствие территории компактного проживания и / или соседство с представителями другой, совершенно чуждой, нации.

Такую ситуацию Геллнер определял как чрезвычайно неприятную и болезненную для националистов. Геллнер полагал, что таким нарушением национального принципа могла стать ситуация при которой в рамках одной территории этническое большинство управлялась представителями другой этнической группы, чужой нации. Такая ситуация могла стать результатом «...присоединения национальной территории к большому государству или результатом доминирования чужеродной группы...»¹³⁵. В такой ситуации Геллнер указывает на возможность сформулировать более четкое определение национализма. Иными словами, национализм – «это

¹³³ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М., 1999. – С. 94.

¹³⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 23.

¹³⁵ Там же. – С. 24.

теория политической законности, которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политическими»¹³⁶.

Анализируя особенности развития каталонского националистического движения на данном этапе сложно интерпретировать его исключительно в категориях политического регионализма. В испанской политической традиции (точнее – ее левом течении) в период между двумя мировыми войнами предпринимались попытки проанализировать феномен каталонского национализма в социально-экономических и географических категориях¹³⁷. В этой интерпретации каталонский национализм – протест экономически развитой географической периферии¹³⁸ против национального и экономического угнетения политического центра. В этом контексте национальный и националистический протест нередко могли стимулироваться не только наличием развитого национального чувства, но и его политизацией в силу растущей социально-экономической несправедливости¹³⁹, по мнению регионалистов и националистов, в отношениях между центром и регионами, которые обладали не только культурными и языковыми особенностями, но и экономическими преимуществами перед центром.

Американский политолог Х. Линц полагает, что каталонский национализм начала XX века может быть определен как периферийный¹⁴⁰. Каталонский национализм стал реакцией периферии на попытки центра закрепить ее исключительно периферийный статус в стране, где регионы обладали культурными и политическими особенностями, стремясь в большей

¹³⁶ Там же. – С. 24.

¹³⁷ Подробнее см.: Минлос Б. Испанская революция / Б. Минлос. – М., 1931. – С. 40 – 41; Проблемы испанской революции, пути ее развития и условия ее победы. Сборник статей авторского коллектива под руководством Центрального Комитета Коммунистической Партии Испании. – М., 1933. – С. 219 – 235.

¹³⁸ О социально-экономических особенностях Испании и развитии национализма см.: Gonzalez Portilla M. Industrialización y Nacionalismo / M. Gonzales. – Bellaterra, 1985.

¹³⁹ О социальных и политических трендах в рамках каталонского национализма см.: Balcells A. Crisis economica y agitacion social en Catalunya / A. Balcells. – Barcelona, 1971; Balcells A. El sindicalismo en Barcelona (1916-1923) / A. Balcells. – Barcelona, 1966; Balcells A. Trabajo industrial y organizacion obrera en la Catalunya contemporanea (1900-1936) / A. Balcells. – Barcelona, 1974; Balcells A., Culla J.V., Mir C. Les eleccions generais a Catalunya de 1901 a 1923 / A. Balcells, J.V. Culla, C. Mir. – Barcelona, 1982.

¹⁴⁰ Линц Х. Испанская демократия и государство автономий / Х. Линц // КФ. – 2007. – № 3 – 4. – С. 147. См. так же: Linz J.J. Early state-building and late peripheral nationalism against the state / J.J. Linz // Building States and Nations: Models, Analyses, and Data across Three World / eds. S.N. Eisenstadt and S. Rokkan. – Beverly Hills, 1973. – Vol. 2. – P. 32 – 112; Linz J.J. La crisis de un estado unitario, nacionalismos periféricos y regionalismo / J.J. Linz // La España de las autonomías (Pasado, presente y futuro) / ed. R. Acosta. – Madrid, 1981. – Vol. 2. – P. 651 – 751.

степени к институционализации локального политического дискурса, а не собственной периферийности. С другой стороны, как и повсеместно в Европе, развитие национализма и оформление националистического дискурса в политической сфере было связано и с упадком и кризисом традиционной народной культуры¹⁴¹, разложением традиционного общества, разрушением традиционных идентичностей и лояльностей, с модернизационными процессами, процессами перемен.

Комментируя политические изменения в развивающихся обществах, израильский политолог Ш. Эйзенштадт подчеркивает, что «в человеческих сообществах шел постоянный процесс их совершенствования, и целые цивилизации подверглись трансформации, (что свидетельствует об универсальности социетальной предрасположенности к изменениям. Хотя антропологическая литература 1930-1950-х гг. изображает первобытные общества мало расположенными к изменениям вообще и преобразованиям в особенности (т.е. к изменениям, затрагивающим институциональные и символические предпосылки обществ), все же признавалось, что даже эти общества испытывают конфликты и противоречия – конфликты между социальными сегментами и противоречия между принципами социальной организации, особенно системами родства, территориальной принадлежности и власти»¹⁴².

Модернизационный тренд функционирования национализма неоднократно описывался в специальной литературе. В частности, Э. Геллнер, принимая национализм как продукт современной истории, Геллнер отрицал и изначальность наций, полагая, что «...мы не должны руководствоваться мифом... нации не даны нам от природы... они не являются политической версией теории биологических видов...»¹⁴³. В такой ситуации понимание самого феномена национализма у Э. Геллнера в корне отлично от примордиалистских концепций: «...национализм – это не пробуждение и самоутверждение мифических, якобы естественных и заранее заданных сообществ...использующих...историческое и прочее наследие донационалистического мира...»¹⁴⁴. В теоретических исследованиях национализма почти неизбежно присутствует дихотомия «национализм / нации», и эти два явления анализируются им в неразрывной связи. В такой ситуации возникает вопрос о том, какой из феноменов первичен – нация или нацио-

¹⁴¹ О процессе развития национализма как распада традиционализма или реакции динамично модернизирующегося (национализирующегося) общества на традиционалистские элементы в политическом см.: Catenacci V. *Cultura popular: entre a tradição e a transformação* / V. Catenacci // SPP. – 2001. – Vol. 15. – No 2. – P. 28 – 35.

¹⁴² Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций* / Ш. Эйзенштадт. – М., 1999. – С. 94.

¹⁴³ Геллнер Э. *Нации и национализм*. – С. 114.

¹⁴⁴ Там же. – С. 115.

нализм. Анализируя динамику развития, как наций, так и национализма, Э. Геллнер полагал, что первичен национализм, который усилиями своих носителей, националистов, создает нации. Комментируя эту ситуацию в широком (теоретическом) плане, без конкретного регионального переложения, Э. Геллнер писал, что «...именно национализм порождает нации, а не наоборот... национализм использует существовавшее ранее множество культур или культурное разнообразие, хотя он использует его очень выборочно, и чаще всего трансформируя...»¹⁴⁵.

В отечественной политологии высказывалось мнение относительно каталонского национализма как фактора общенациональной консолидации Испании. В частности, Г.И. Волкова и А.В. Дементьев полагают, что каталонский, галисийский и другие локальные региональные национализмы в Испании содействовали «становлению общенационального реформаторского движения»¹⁴⁶. Вероятно, каталонский национализм следует анализировать не как испанское, но как именно локальное, региональное или регионалистское, политическое движение, основной круг интересов которого не выходил за пределы Каталонии усиленно воображаемой местными каталонскими националистами – интеллектуалами¹⁴⁷, которые играли кодификаторов националистического политического пространства. Лидерами каталонского национализма и основными форматорами каталонского националистического дискурса, его идеологической программы¹⁴⁸ в начале и в первой четверти XX века были представители, по терминологии М. Хроха, «недоминантных этнических групп»¹⁴⁹, а именно: Ф. Пи-и-Маргаль

¹⁴⁵ Там же. – С. 127.

¹⁴⁶ Волкова Г.И., Дементьев А.В. Политическая история Испании XX века. – С. 32.

¹⁴⁷ О роли интеллектуалов в развитии национализма см.: Gross M. Starčević i Kvaternik – Spoznaje i nadahnuća / M. Gross // PM. – 2000. – Vol XXXVII. – Br. 1. – S. 3 – 24.

¹⁴⁸ Об идеологии каталонского национализма в начале – первой четверти XX века см.: Chanpart J.M. Del regionalismo al nacionalismo catalan. A traves de “Lo Catalanisme” de V. Almirall y “La Nacionalitat Catalana” de Prat de La Riba / J.M. Chanpart. – Toulouse, 1969.

¹⁴⁹ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 139 // <http://nations.gender-ehu.org/text/Hroh.doc>

(1824 – 1901) и Валенти Алмиралл (1841 – 1904)¹⁵⁰, Э. Прат де ла Рибла (1870 – 1917)¹⁵¹.

Именно эта несуществующая Каталония, о которой речь шла выше, как политическая общность пребывала в центре националистического воображения¹⁵² и политических построений националистических движений, возникших в начале XX века. С другой стороны, во внимание следует принимать, что каталонские националисты-интеллектуалы первой четверти XX века были примордиалистами, убежденными в изначальности своей – каталонской – нации. Комментируя эту особенность ранних национализмов Дж. Джозеф подчеркивает, что важнейшим элементом развития национализма является «создание веры в то, что нация не была изобретена. Иными словами, ее изобретение забывается»¹⁵³. Каталонские националисты-интеллектуалы первой четверти XX века были примордиалистами, убежденными в изначальности каталонской нации и каталанского языка. Американский исследователь национализма Дж. Фишман, анализируя вклад примордиалистов в развитие национализма, указывает на то, что «в примордиалистских кругах связь между языком и этничностью зачастую считается незыблемой святыней... она считается морально обязательной»¹⁵⁴.

¹⁵⁰ О деятельности В. Алмиралла в контексте развития каталонского национализма см.: Figueres J.M. Valentí Almirall, Forjador del Catalanisme Polític / J.M. Figueres. – Barcelona, 2004; Figueres J.M. Valentí Almirall, la concreció del catalanisme polític / J.M. Figueres // ETd’H. – 2004. – Desembre 7 – 13. – P. 16 – 20.

¹⁵¹ Об основных политических и интеллектуальных трендах в развитии каталонского националистического на данном этапе см.: Fradera J.M. Cultura Nacional en una Societat Dividida / J.M. Fradera. – Barcelona, 1992; Fradera J.M. Rural Traditionalism and Conservative Nationalism in Catalonia 1865-1900 / J.M. Fradera // Anthropology. – 1990. – Vol. 10. – No 1. – P. 51 – 72.

¹⁵² Конец XIX – начало XX веков отмечены ростом националистического движений и активной деятельностью интеллектуалов-националистов на территории европейских периферий. Подробнее о феномене националистического воображения и конструировании идентичностей и наций см.: Fewster D. Visions of Past Glory. Nationalism and Construction of Early Finnish History / D. Fewster. – Helsinki, 2006.

¹⁵³ Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность / Дж. Джозеф // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С.23.

¹⁵⁴ Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни / Дж. Фишман // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С. 117.

К началу XX столетия, в условиях динамичного развития не только кастильского национализма¹⁵⁵, но и региональных националистических трендов, политические элиты Испании осознавали, что территориально страна является совокупностью регионов, но предпочитали не предпринимать никаких мер, дабы не способствовать политической институционализации региональных отличий. Значительный вклад в развитие каталонского национализма внесли националисты-интеллектуалы, рекрутировавшиеся из представителей мелкой и средней буржуазии¹⁵⁶ в силу того, что каталонцы были сообществом с неполной социальной структурой. Этот процесс для развития национализма имеет универсальный характер, что признается и каталонскими авторами. Виктор Гомес Пин, комментируя роль интеллектуалов-националистов, пишет, что «более века назад местная буржуазия патронировала перевод на каталонский язык классиков, преобразовывала Барселону, превращая город в центр артистических, архитектурных, изобразительных и музыкальных мероприятий. В целом она собрала лучшие черты и достижения Каталонии в образ, который создавала и Европа. И это было возможно потому, что в создании образа большое значение имели социальные основы»¹⁵⁷. Американский исследователь Дж. Мюллер полагает, что подобно каталонцам «мигрируя в города и получая более высокое образование, этнические группы, имевшие преимущественно крестьянское прошлое... обнаружили, что ключевые места... уже заняты»¹⁵⁸. Именно поэтому на территории европейских периферий шел процесс национальной консолидации, лидерами которой стали националисты-

¹⁵⁵ О развитии национализма в Испании в начале XX века подробнее см.: Alvarez Junco J. The Nationbuilding Process in Nineteenth-century Spain / J. Alvarez Junco // Nationalism and the Nation in the Iberian Peninsula: Competing and Conflicting Identities / eds. C. Mar-Molinero, A. Smith. – Oxford – Washington, 1996. – P. 89 – 107; Beramendi J.G. Identity, ethnicity and state in Spain: 19th and 20th centuries / J.G. Beramendi // NEP. – 1999. – Vol. 5. – No 3. – P. 79 – 100; Nuñez Seixas X.M. Questione nazionale e crisi statele: Spagna, 1898 – 1936 / X.M. Nuñez Seixas // Ricerche Storiche. – 1994. – Vol. 24. – No 1. – P. 87 – 118; Storm E. The problems of the Spanish nation-building process around 1900 / E. Storm // NI. – 2000. – Vol. 6. – No 2. – P. 143 – 156.

¹⁵⁶ Об особенностях формирования националистических движений в регионах лишенных политической независимости и имеющих периферийный статус см.: Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. – С. 9.

¹⁵⁷ Гомес Пин В. Язык, который устоял / В. Гомес Пин // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С.23.

¹⁵⁸ Мюллер Дж. Мы и они. Устойчивость этнического национализма / Дж. Мюллер // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 65.

интеллектуалы, осознавшие быстрее своих соотечественников «потребность в создании собственного национального государства»¹⁵⁹.

В национализирующихся регионах, по словам Сеппо Лаллукки, именно интеллектуалы являются инициаторами «инженерии идентичностей»¹⁶⁰. Наиболее яркой фигурой среди каталонских националистов был В. Алмиралл¹⁶¹, инициатор издания газеты «El Estado Catalán» и автор работы «Lo Catalanisme», которая признается как «первое категорическое проявление политического каталонизма»¹⁶². В испанской научной литературе деятельность В. Алмиралла оценивают как «партикулярный каталонизм», связанный с общеиспанскими идеями республиканизма и федерализма¹⁶³, указывая на мощный потенциал культурного и языкового регионализма каталонского движения начала XX века. В. Алмиралл поддерживал контакты с молодежной национально ориентированной организацией «La Jove Catalunya». Э. Прат де ла Рибя известен как автор не менее значимого для развития каталонского национализма текста «La Nacionalitat catalana» (1906)¹⁶⁴. Э. Прат де ла Рибя разделял понятия гражданства (политической нации) и собственно этнической принадлежности (идентичности). В связи с этим он подчеркивал, что Испания «представляет собой политическое государство», а Каталония – «подлинную родину»¹⁶⁵ для каталонцев¹⁶⁶.

¹⁵⁹ Мюллер Дж. Мы и они. Устойчивость этнического национализма. – С. 65.

¹⁶⁰ Лаллукка С. Формирование национальных движений на окраинах империй / С. Лаллукка // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 6.

¹⁶¹ Almirall V. Regionalisme i particularisme / V. Almirall. – Barcelona, 1901; Almirall V. Catalanisme / V. Almirall. – Barcelona, 1979; Almirall V. Articles polítics / V. Almirall. – Barcelona, 1984.

¹⁶² Payne S. Catalan and Basque Nationalism / S. Payne // Journal of Contemporary History. – 1971. – Vol. 6. – No 1. – P.19.

¹⁶³ Silveira Abrão J. Nacionalismo cultural y político: la doble cara un proyecto único: Cataluña / J. Silveira Abrão. – Barcelona, 2006. Tesis doctoral. Universidad de Barcelona. – P. 91.

¹⁶⁴ Prat de la Riba, home de govern / eds. J.M. Ainaud de Lasarte, E. Jardí. – Barcelona, 1973; Fort X. Prat de la Riba / X. Fort. – Barcelona, 1967; Olivar i Bertrand R. Prat de la Riba / R. Olivar i Bertrand. – Barcelona, 1964.

¹⁶⁵ Payne S. Catalan and Basque Nationalism. – P. 21 – 22.

¹⁶⁶ О политических идеях Э. Прата де ла Рибя см.: Prat de la Riba E. Compendi de la doctrina catalanista / E. Prat de la Riba. – Barcelona, 1894; Prat de la Riba E. Nacionalisme / E. Prat de la Riba. – Barcelona, 1918.

В 1901 году создается «Региональная лига»¹⁶⁷, теоретики которой позднее пытались монополизировать каталонский националистический дискурс. В 1907 году каталонские национально ориентированные интеллектуалы инициировали создание Института каталонских исследований (Institut d'Estudis Catalans), что оказало позитивное влияние на развитие идентичности, в первую очередь – языковой. С укреплением каталонского языка связана деятельность Помпеу Фабре – автора работ, посвященных грамматике и орфографии¹⁶⁸. С другой стороны, в начале XX века каталонский национализм, подобно другим периферийным европейским национализмам, подвергается значительной радикализации, формируется феномен националистического революционаризма, связанного, с одной стороны, с идеализацией каталонскими националистами Великой французской буржуазной революции как революции национальной¹⁶⁹, а, с другой, с усилением в рамках собственно каталонского национализма уверенности в том, что исключительно политический национализм (как умеренный, так и радикальный) будет способствовать развитию позитивной политической динамики в Каталонии и преодолению периферийного статуса региона¹⁷⁰. В первой четверти XX века в Каталонии окончательно возникает региональная политическая идентичность как концепт политической, культурной,

¹⁶⁷ О регионалистских и националистических движениях в Каталонии, об организационной стороне каталонского национализма в начале – первой четверти XX столетия см.: Culla J.B. *El Republicanisme Lerroquista a Catalunya (1901-1923)* / J.B. Culla. – Barcelona, 1975; Llorens J. *Catalanisme i moviments nacionalistes contemporanis (1885-1901). Missatges a Irlanda, creta i Finlàndia* / J. Llorens. – Barcelona, 1988; Llorens J. *La Lliga de Catalunya i el Centre escolar catalanista. Dues associacions del primer catalanisme* / J. Llorens. – Barcelona, 1996; Llorens J. *La Unió Catalanista i els orígens del catalanisme polític. Dels orígens a la presidència del Dr. Martí Julia (1891-1903)* / J. Llorens. – Barcelona, 1992; Molas I. *Lliga Catalana. Un estudi d'estasiologia* / I. Molas. – Barcelona, 1972; Riquer B. *Lliga Regionalista: la burgesia catalana i el nacionalisme (1898-1904)* / B. Riquer. – Barcelona, 1977; Riquer B. *Regionalistes i nacionalistes, 1898-1931* / B. Riquer. – Barcelona, 1979; Sabate M. *Història de la Lliga* / M. Sabate. – Barcelona, 1969; Smith A. *The Lliga Regionalista: From Democratic Reform to the “Military Parenthesis”, 1917-1923. Unpublished Paper presented in International Symposium organised by the Department of Spanish, Portuguese and Latin American Studies, University of Leeds, in collaboration with the Department of Hispanic, Portuguese and Latin American Studies, University of Bristol 29-30 June 2007, Leeds Humanities Research Institute.*

¹⁶⁸ Fabra P. *Diccionari ortogràfic* / P. Fabra. – Barcelona, 1917; Fabra P. *Gramàtica catalana* / P. Fabra. – Barcelona, 1918.

¹⁶⁹ Dels S. *Oliver M. Catalunya en temps de la revolució francesa* / M. Dels S. Oliver. – Barcelona, 1917.

¹⁷⁰ О региональных и политических дискуссиях в Испании нализированного периода см.: Albertí S. *El Republicanisme català i la Restauració monàrquica (1875 – 1923)* / S. Albertí. – Barcelona, 1972.

языковой и исторической самости, в основе которой лежала национальная мифология и националистическая риторика местных интеллектуалов-националистов¹⁷¹, оппонентами которых выступал политически нестабильный центр, лидеры которого склонные к авторитаризму¹⁷² оказывались не в состоянии выработать эффективную стратегию в отношениях с регионами.

В этом контексте становится очевидным еще одно измерение национализма как фактора политической мобилизации. Национализм может выступать и выступает в качестве мощного канала политической и культурной модернизации и трансформации ценностей и институтов¹⁷³, которые сложились в эпоху, предшествующую его существованию. Процессы модернизации, накопления перемен только усиливали то, что А.С. Мыльников, определил как «ситуативные этнические различия между доминирующими и неполноправными»¹⁷⁴ нациями. Комментируя эту креативную функцию национализма, Э. Геллнер писал, что «мертвые языки могут быть возрождены, традиции изобретены, совершенно мифическая изначальная чистота восстановлена»¹⁷⁵. Но такой мощный потенциал национализма, направленный в ряде случаев на восстановление того, что, как казалось предыдущим поколениям, было безвозвратно утрачено, согласно Э. Геллнеру, вовсе не означает того, что «национализм является случайным, искусственным, идеологическим измышлением, которого могло бы и не быть, если бы эти европейские мыслители не состряпали его и не впрыснули в кровь доселе нормально функционирующих политических сообществ»¹⁷⁶. Региональная идентичность, как полагает М. Китинг, является ключевой составляющей «при конструировании регионов как социальных и политических пространств и систем действия»¹⁷⁷. Каталонская региональная (точ-

¹⁷¹ В теоретическом плане об этом см.: Аретов Н. Национална митология и национална литература / Н. Аретов // <http://liternet.bg/publish8/naretov/nacionalna.htm>

¹⁷² Об авторитарных попытках «решения» национальной проблемы в Каталонии см.: Costa L. Dictatura la Primo de Rivera / L. Costa. – Barcelona, 1995; Roig Rosich J.M. La Dictadura de Primo de Rivera a Catalunya. Un assaig de repressió cultural / J.M. Roig Rosich. – Barcelona, 1992.

¹⁷³ О процессах модернизации, социальных и культурных перемен в Каталонии см.: Aguado A., Ramos M.D. La modernización de España (1917-1939). Cultura y vida cotidiana / A. Aguado, M.D. Ramos. – Madrid, 2002; Beriain J. La integración en las sociedades modernas / J. Beriain. – Barcelona, 1996.

¹⁷⁴ Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. – С. 17.

¹⁷⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 127.

¹⁷⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 127.

¹⁷⁷ См. подробнее: Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе / М. Китинг // Логос. – 2003. – № 6. – С. 92.

нее – регионализованная) идентичность была связана с функционированием националистического дискурса, теоретики которого уделяли значительное внимание этническому и культурному бэк-граунду каталонского гражданского национализма.

В 1919 году каталонские националисты предприняли попытку институционализировать националистический дискурс в Каталонии, добившись получения для региона автономного статуса. Каталонскими националистами был составлен проект Статута, который гарантировал каталонскую автономию. Проект получил поддержку лидеров каталонского националистического движения, но не был утвержден в Мадриде: кастильские политические элиты, среди которых оказались востребованными идеи кастильского национализма как общеиспанского¹⁷⁸, опасались, что автономизация Каталонии станет началом фрагментации испанского политического пространства. Именно поэтому развитие политического каталонизма в 1920-е годы, по мнению М. Норваез Ферри¹⁷⁹, было связано с двумя противоположными политическими полюсами: с одной стороны, часть каталонских регионалистов выступала за борьбу, направленную на получение автономии; с другой, радикалы стремились к отделению от Испании и созданию нового государства.

Реальный шанс контролировать не только дискурс национального движения, но и политический дискурс Каталонии в целом местные националисты в регионах Испании, обладавших языковой и культурной спецификой¹⁸⁰, получили после установления в Испании республики¹⁸¹ и принятия Конституции 1931 года, которая предусматривала для провинций объединение в виде создания Автономного Сообщества¹⁸². Комментируя

¹⁷⁸ О развитии кастильских националистических трендов см.: Quiroga Fernández de Soto A. La idea de España en los ideólogos de la dictadura de Primo de Rivera. El discurso católico-fascista de José Pemartín / A. Quiroga Fernández de Soto // REP. – 2000. – No 108. – P. 197 – 224.

¹⁷⁹ Narváez Ferri M. L'Orfeo Catala, cant coral i catalanisme (1891-1951) / M. Narváez Ferri. - Barcelona, 2005. Tesi doctoral presentada per En/Na per a l'obtenció del títol de Doctor/a en Història. Facultat de Geografia i Història. Departament d'Història Contemporània. Universitat de Barcelona. – P. 695.

¹⁸⁰ О региональных национализмах в Испанской Республике см.: Fusi J.P. El problema vasco en la II República / J.P. Fusi. – Madrid, 1979; Granja J.L. de la, Nacionalismo y II República en el País Vasco / J.L. de la Granja. – Madrid, 1986.

¹⁸¹ Payne S. Spain's First Democracy. The Second Republic, 1931-1936 / S. Payne. – Wisconsin, 1990.

¹⁸² О тенденциях автономизации в контексте функционирования регионалистских националистических дискурсов в Испании 1930-х годов см.: Galí A. Història de les institucions i del moviment cultural a Catalunya, 1900-1936. La llengua, entitats defensores i propagadors / A. Galí. – Barcelona, 1979; Tornafoch Yuste X. Los debates del estatuto de autonomía de Cataluña en las cortes republicanas (may –

испанскую Конституцию 1931 года, американский политолог Хуан Линц указывает на то, что ее текст был значительным шагом вперед для периферийной в деле развития демократических институтов Испании, но испанский основной закон 1930-х годов оказался не в состоянии выработать действенный механизм сопротивления правым политическим вызовам¹⁸³.

Каталония получила статус АС первой – в 1932 году, а спустя четыре года был утвержден Автономный Статут АС Каталонии, что вызвало оживленную полемику как в Каталонии в частности, так и в Испании в целом относительно политических судеб региональных национализмов¹⁸⁴. Российский политолог И.М. Бусыгина полагает, что предоставление Каталонии автономии стало попыткой достичь компромисс между «традиционно централистским государством» и «автономистскими устремлениями» испанских регионов¹⁸⁵. Политические элиты Каталонии, понимая, что Мадрид готов идти на уступки не в результате политической воли кастильских элит, но исключительно в виду политической нестабильности, предприняли в 1933 году попытку более глубокой институционализации каталонского националистического дискурса, заявляя тем самым и на свои претензии относительно участия в конструировании и функционировании испанского политического поля в целом. Предоставляя статус автономии Каталонии, мадридские политические элиты предпринимали попытку удержать каталонских националистов от дальнейшей радикализации, тенденции к которой были значительны.

Кастильские элиты Испании знали о том, что каталонские националисты в 1928 году в Гаване приняли проект Конституции Республики Каталония, что предусматривало ее полное отделение от Испании. Проект предусматривал создание Республики Каталония с собственной государственной символикой и одним государственным языком, которым должен был стать каталонский язык. Комментируя важность национального языка для националистов Джон Бройи подчеркивает, что «язык начинает иметь значение не только как кладезь национальной культуры и памяти, как храни-

agosto de 1932). El idioma Catalán y el sistema escolar / X. Tornafoch Yuste // НАО. – 2004. – No 4. – P. 35 – 42; Rubio Caballero J.A. Los nacionalistas vascos y catalanes ante la loapa: ajustes y desajustes en los inicios del estado de las autonomías / J.A. Rubio Caballero // НАО. – 2004. – No 5. – P. 65 – 80.

¹⁸³ Линц Х. Испанская демократия и государство автономий / Х. Линц // КФ. – 2007. – № 3 – 4. – С. 147.

¹⁸⁴ Bofill J. Una política catalanista / J. Bofill. – Barcelona, 1933; Rubio i Tuduri M. Catalunya amb Europa mes enllà del separatisme / M. Rubio i Tuduri. – Barcelona, 1932.

¹⁸⁵ Бусыгина И.М. Практика территориально-политического строительства в Испании и России: попытка сравнительного анализа / И.М. Бусыгина // КФ. – 2003. – № 3. – С. 34.

лице мифов, но также как сфера политического интереса»¹⁸⁶. Каталонские радикалы планировали учредить в независимой Республике правительство, ввести пост президента, создать собственные Вооруженные Силы, а так же ВМФ. Предполагалось, что в Республике Каталония будет создана сеть специальных учреждений, направленных на поддержание и развитие каталонской идентичности. Этими учреждениями должны были стать Академия каталонского языка (*Acadèmia de la Llengua Catalana*), Институт каталонских исследований (*Institut d'Estudis Catalans*), Библиотека Каталонии (*Biblioteca de Catalunya*), Академия Наук (*Acadèmia de Ciències*), Академия истории (*Acadèmia de la Història*), Музей национальной истории (*Museu Històric Nacional*), а так же – Национальный Университет (*Universitat Nacional*)¹⁸⁷.

В этом контексте национализм – явление, в первую очередь, культурного плана. Комментируя подобную особенность национализма Б. Андерсон пишет, что «...национализм являются особого рода культурными артефактами. И чтобы надлежащим образом их понять, мы должны внимательно рассмотреть, как они обрели свое историческое бытие, какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью... я также попытаюсь показать, почему эти особые культурные артефакты породили в людях такие глубокие привязанности...»¹⁸⁸. С другой стороны, националистическая активизация в Каталонии 1920 – 1930-х годов совпала со значительными переменами в культурной и интеллектуальной жизни, что было связано с утверждением модернистских трендов¹⁸⁹. Модернистский канон, который

¹⁸⁶ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма / Дж. Бройи // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 209.

¹⁸⁷ См. текст проекта Конституции Республики Каталония: *Constitució provisional de la República Catalana. Aprovada per l'Assemblea Constituent del Separatisme Català reunida a l'Avana durant els dies 30 de setembre, 1 i 2 d'octubre de 1928* // <http://www.racocatala.com/cat1714>

¹⁸⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001. – С. 27.

¹⁸⁹ В исследовательской литературе неоднократно указывалось на связь модернистских трендов в культуре с политическим национализмом. По данной проблеме существует обширная литература на западных и восточноевропейских языках. См.: Агеева В. Поетеса зламу століть. Твочість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації / В. Агеева. – Київ, 1999; Агеева В. Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеева. – Київ, 2003 (существует русский перевод: Агеева В. Женское пространство. Феминистский дискурс украинского модернизма / В. Агеева. – М., 2008); Гундорова Т. Проявлення слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація / Т. Гундорова. – Львів, 1997; Гундорова Т. *Femina melancholica*. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002; Моренець В. Національні шляхи поетичного модерну першої половини ХХ

способствовал формированию новой политической культуры и идентичности, основанной в большей степени на идеях массовости и серийности, серийном воспроизводстве идентичности, широком участии масс в конструировании политического пространства, пришел на смену идеям первых националистов-романтиков. Националистический дискурс в Каталонии 1930-х годов, когда каталонские националисты предприняли попытку реализовать положения проекта 1928 года, продолжал функционировать как националистический и регионалистский. В этом контексте национализм Каталонии оказывал значительное влияние на трансформацию политической и территориальной организации испанского политического пространства¹⁹⁰.

Подобный трансформационный и адаптационный потенциал каталонского национализма свидетельствует, вероятно, о том, что нации и национализм были постоянно развивающимися и изменяющимися феноменами. В этом контексте Э. Геллнер полагал, что современный мир обречен на то, чтобы быть заложником процессов развития и активизации национализма, национальных возрождений и попыток одних наций заявить о своих правах на самоопределение («...на земле существует огромное количество потенциальных наций...»¹⁹¹) при желании других подавить подобные попытки национального освобождения. Примечательно, что в данном случае обе гипотетические нации, потенциально вовлеченные в конфликт, будут руководствоваться одним и тем же принципом – национализмом. В концепции, предложенной Э. Геллнером, современное государство было той единственной и монополярной сферой, где разворачивался и развивался на-

ст.: Україна і Польща / В. Моренць. – Київ, 2002; Поліщук Я. Міфологічний горизонт українського модернізму / Я. Поліщук. – Івано-Франківськ, 2002. См. также: Будагова Л.Н. К вопросу о функциях и специфике модернизма в литературах западных и южных славян / Л.Н. Будагова // Славянские литературы в контексте истории мировой литературы (преподавание, изучение). Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции, Москва, 22 – 23 октября 2002 года. – М., 2002. – С. 12 – 13. Анализируя эту проблему, по внимание следует принимать, что теория модернизации и связанный с ней терминологический аппарат и методологический инструментарий принимается не всеми исследователями. Альтернативная точка зрения представлена в ряде работ. См.: Сепіć Dr. Antimodernizam u Heideggera i Jüngerа / Dr. Сепіć // Diskrepancija. – 2006. – Sv. 7. – Br. 11. – S. 29 – 42; Kravar Z. Antimodernizam / Z. Ktavar. – Zagreb, 2004.

¹⁹⁰ González Casanova J.A. Federalismo y autonomía. Cataluña y el Estado español (1868 – 1938) / J.A. González Casanova. – Barcelona, 1979; Retorillo Baquer S.B., Argullol Murgadas E. Aproximación histórica al tema de la descentralización (1812-1931) / S.B. Retorillo Baquer, E. Argullol Murgadas. – Madrid, 1973; Gerpe Landín M. L estatut d'Autonomia de Catalunya i l'Estat integral / M. Gerpe Landín. – Barcelona, 1977.

¹⁹¹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 26.

ционализм. Геллнер полагал, что некоторые элементы национализма не могут существовать и в таких обществах, которые невозможно определить как государство в западном, европейско-американском, понимании: «...когда нет ни государства, ни правительства, то принцип национализма сам собой отпадает...»¹⁹². В этой концепции важно то, что государство является гарантом возникновения национализма – точнее: не сам факт существования государственности, а особенности политики, которая может привести к возникновению национализма. Геллнер попытался доказать, что национализм неизбежно возникнет в том случае, если государство стало «слишком осязаемым»¹⁹³.

Важным фактором в развитии каталонского национализма стала испанская революция¹⁹⁴, которая представляла собой радикальный вариант проведения преобразований, направленных на модернизацию и разрушение системы традиционализма – политического, социального, культурного. Немецкий политолог Й. Инзее полагает, что современное государство институционализируется как демократическое¹⁹⁵. В Каталонии 1930-х годов значительный демократический тренд был характерен для каталонского националистического движения, радикальные течения которого стремились к смене статуса региона путем его трансформации из испанской периферии в национальное государство. Комментируя процесс социальных перемен, Й. Тамир подчеркивает, что «государство из локуса сотрудничества между различными классами превращается в локус конфликта. Конфликта между теми, для кого глобализм означает многообещающее будущее, а национализм – бремя прошлого, и теми, для кого национализм – это актив, а глобализм – источник страха и опасений»¹⁹⁶.

К 1930-м годам в Испании сложились условия для трансформации конфликта между традиционалистскими тенденциями и модернизационными трендами в открытую форму. Во внимание следует принимать и то, что модернизация, по словам исследователя национализма С. Лаллукки, модернизация не является «достаточной предпосылкой для нациообразования и для становления национального самосознания»¹⁹⁷. Революция вы-

¹⁹² Там же. – С. 30.

¹⁹³ Там же. – С. 30.

¹⁹⁴ О восприятии испанской революции в дискурсе каталонского национализма см.: Aiguader J. Catalunya i la Revolució / J. Aiguader. – Barcelona, 1931.

¹⁹⁵ Isensee J. Nacija kao političko jedinstvo // PM. – 1999. – Vol XXXVI. – Br. 4. – S. 4.

¹⁹⁶ Тамир Й. Класс и нация / Й. Тамир // <http://magazines.russ.ru/logos/2006/2/ta3.html>

¹⁹⁷ Лаллукка С. Формирование национальных движений на окраинах империй / С. Лаллукка // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 5.

вела на качественно новый этап националистические дискуссии в Каталонии, создав условия, при которых, как подчеркивает Э. Хобсбаум, «уравнение “нация = государство = народ” (а тем более суверенный народ), несомненно, связывало нацию с определенной территорией, поскольку структура и понятие государства стали теперь по существу территориальными»¹⁹⁸. Комментируя модернизационный контент протестных движений, политического ребела, революций и восстаний, Ш. Эйзенштадт подчеркивает, что предрасположенность и склонность социума к переменам проявляется «прежде всего в характерных ритуалах восстания, в которых социальные отношения оборачиваются вверх дном, высокие становятся низкими и наоборот, не порождая, однако, новой концепции порядка или авторитета. Соответственно, как казалось, процессы изменений в первобытных обществах лишь изредка приводят к возникновению новых культурных символов, концепций социального порядка и новых институциональных комплексов...»¹⁹⁹.

Революция стала мощным стимулирующим фактором для протекания политических и социальных изменений. Польский политолог и социолог Петр Штомпка, комментируя процессы перемен, подчеркивает, что «...изменения внутри системы постепенно накапливаются и, в конце концов, перерастают в изменения самой системы. Как правило, социальные системы имеют специфические ограничения, пороги, переходя которые (т.е. превосходя по экстенсивности, интенсивности и своевременности), фрагментарные, частичные сдвиги трансформируют идентичность целостной системы и ведут не только к количественным, но и качественным преобразованиям...»²⁰⁰.

К моменту провозглашения Республики каталонский национализм имел немалый исторический опыт, пройдя в своем развитии ряд этапов, характерных и для других националистических движений. Каталонские националисты стремились закрепить достигнутые раннее результаты, в том числе – и в языковой сфере²⁰¹. Утверждение каталанского языка как

¹⁹⁸ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – С. 33.

¹⁹⁹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 95.

²⁰⁰ Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 2005. – С. 22.

²⁰¹ О достижениях каталонских националистов в языковой сфере см.: Anguerra P. El català al segle XIX. De llegua del poble a llengua nacional / P. Anguerra. – Barcelona, 1996; Badia i Margarit A.M. Llengua i cultura als Països Catalans / A.M. Badia i Margarit. – Barcelona, 1983; Colomines A. El catalanisme i l'Estat. La lluita parlamentària per l'autonomia (1898 – 1917) / A. Colomines. – Barcelona, 1993; Graña I. Le'acció pancatalanista i la llengua. Nostra Parla, 1916 – 1924 / I. Graña. – Barcelona, 1995. На протяжении 1920 – 1930-х годов язык стал важным фактором в развитии и функционировании национализма в общеевропейском контексте. См. подробнее о языковом факторе в развитии национализма в других регионах

официального в Каталонии могло означать первый шаг на пути к фрагментации политического пространства Испании. Комментируя развитие национализма, чешский исследователь Мирослав Хрох указывает на то, что «в промежутке между отправным пунктом любого конкретного национального движения и его успешным завершением можно выделить три структурные фазы... в фазу А энергия активистов национального движения была направлена на тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы и на закрепление этих фактов в сознании соотечественников, однако в целом они не настаивали на том, что восполнение таких пробелов в познании представляет собой специфическую национальную потребность... в рамках фазы В появилось новое поколение активистов, которые отныне пытались завоевать как можно больше сторонников из числа представителей своей этнической группы для реализации планов по созданию будущей нации... поначалу эти активисты не достигали заметных успехов... но позднее... обнаруживали, что аудитория становится все более восприимчивой к их пропаганде. Как только подавляющая часть населения начинала придавать особое значение своей национальной идентичности, формировалось массовое движение, которое я назвал фазой С. Только на этой, финальной фазе обретала жизнь завершенная социальная структура и движение подразделялось на консервативно-клерикальное, либеральное и демократическое крылья, каждое из которых имело свою собственную программу»²⁰².

С другой стороны, каталонский национализм в отличие от кастильского национализма и националистических трендов в других романских государствах развивался не только как политическое (гражданское), но и как преимущественно интеллектуалистское движение, что не привело к возникновению популистского течения²⁰³ в рамках националистического дискурса в Каталонии, где доминировали именно элиты, предпринявшие попытку узурпации и монополизации процесса принятия политических решений в Женералитете (Generalitat). В декабре 1933 года Женералитет инициировал создание правительства Каталонской Республики, что, с одной стороны, было первым шагом к началу каталонизации²⁰⁴ и политиче-

Европы: Лібер Ю. Питання національної ідентичності в містах Радянської України у 20-х роках ХХ ст. / Ю. Лібер // <http://www.franko.lviv.ua/Subdivisions/um/um2-3/Statti/9-LIEBER%20Jurij.htm>

²⁰² О теории М. Хроха см. подробнее: Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // <http://nations.gender-ehu.org/text/Hroh.doc>

²⁰³ О популизме в романских странах в 1930-е годы см.: Poblete Vázquez M. Populismo Latinoamericano: Una Perspectiva Comparada / M. Poblete Vázquez // CSO. – 2006. – Vol. III. – No. 3. – P. 71 – 95.

²⁰⁴ О попытках каталонизации в период Республики см.: Carbonell J. L'escola normal de la Generalitat (1931 – 1939) / J. Carbonell. – Barcelona, 1993.

ской независимости. «Нация, коль скоро она сложилась, тяготеет к созданию своего государства, если у ней его еще нет, а государство, коль скоро оно обрело стабильные границы, становится важным фактором сложения внутри него нации»²⁰⁵, – писал с 1989 году советский исследователь С.А. Арутюнов, анализируя проблемы развития наций. С другой, учреждение Женералитета свидетельствовало о значительных амбициях каталонских националистов, которые подобным в значительной степени символическим политическим актом заявляли о своей готовности принять участие в конструировании политического дискурса новой Испании в целом, если в основу развития таковой будет положена федералистская организация в рамках республиканской модели²⁰⁶. Реакция политических элит кастильской части Испании на попытки федерализации страны была, как правило, негативной. Российская исследовательница Испании С.П. Пожарская склонна интерпретировать ее как «шовинистическую антикаталонскую кампанию»²⁰⁷. Вероятно, именно волна регионализации и активизации региональных национализмов, появление альтернативных движений, которые действуют на региональном уровне²⁰⁸, в значительной степени способствовала консолидации кастильского националистического дискурса, получившего свое воплощение в развитии право-авторитарной модели известной как франкизм.

Провозглашение автономии создавало условия для институционализации националистического каталонского дискурса со всеми вытекающими последствиями подобно тому, как создание советских автономий в Грузии и Чувашии стало важным фактором для проведения националистических модернизаций. Комментируя стремление националистов к институционализации нации и национальной идентичности, Э. Геллнер писал: «в условиях индустриализма и власть, и культура претерпевают стандартизацию, начинают служить основанием друг для друга и в конечном счете смыкаются. Политические единицы обретают четкие очертания, совпа-

²⁰⁵ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. – М., 1989. – С. 95.

²⁰⁶ О федералистских трендах в рамках каталонского национализма см.: Molas I. El partit “extrema izquierda federal” / I. Molas. – Barcelona, 1999. – 28 p.

²⁰⁷ Пожарская С.П. Исторические корни гражданской войны в Испании: взгляд из XXI века / С.П. Пожарская // Испанский альманах / ред. С.П. Пожарская. – М., 2008. – Вып. 1 (Власть, общество и личность в истории). – С. 24.

²⁰⁸ Появление подобных движений характерно для большинства романских государств на современном этапе. В теоретическом плане см.: Casullo N. Sobre Paolo Virno: ¿Qué es lo que políticamente nos está sucediendo en la Argentina? / N. Casullo // RCC. – 2002. – No 24. – P. 16 – 17; Valenzuela Fuentes K. Emergencia de Formas Alternativas de Acción Colectiva / K. Valenzuela Fuentes // CSO. – 2006. – Vol. III. – No 3. – P. 14 – 27.

дающие с границами культур. Каждая культура требует себе политической крыши»²⁰⁹.

Гражданская война (1936 – 1939) стала мощным стимулом для развития каталонского национализма²¹⁰, для сближения культурных, интеллектуальных, политических и социальных трендов. Анализируя особенности процесса националистической консолидации в Каталонии, во внимание следует принимать и то, что в англоязычном национализмоведении высказывается и альтернативная точка зрения, представителем которой, например, является Дж. Бройи. Согласно Дж. Бройи, «логически два понятия нации – как объединения граждан и как культурного сообщества - противоречат друг другу»²¹¹. С другой стороны, история национализма, как правила, внесерийна и антисерийна – поэтому, относительно Каталонии второй половины 1930-х годов мы можем констатировать консолидацию националистического дискурса, которая проявилась в попытках институционализации Каталонии не только политически, но и в культурно-языковом плане. Каталонские радикальные националисты, используя политическую нестабильность, предприняли попытки окончательно унифицировать политический дискурс в Каталонии на принципах каталонского национализма. В период республиканского правительства каталонские радикалы в этом направлении достигли значительных успехов²¹², фактически саботируя решения Мадрида, которые касались Каталонии. В частности, воспользовавшись финансовыми затруднениями центра, вынужденного вести военные действия против войск генерала Ф. Франко, каталонские национали-

²⁰⁹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 198.

²¹⁰ О гражданской войне в контексте развития региональных национализмов см.: Ramos J.L. La afiliación del PSUC durante la guerra civil (1936-1939): volumen, distribución territorial y composición social / J.L. Ramos // Revista HMiC. – 2007. – No V. – P. 237 – 262; Виньяс А. Гражданская война в Испании (1936 – 1939 гг.): современные исследования / А. Виньяс // Испанский альманах / ред. С.П. Пожарская. – М., 2008. – Вып. 1 (Власть, общество и личность в истории). – С. 37 – 49; Пожарская С.П. Исторические корни гражданской войны в Испании: взгляд из XXI века / С.П. Пожарская // Испанский альманах / ред. С.П. Пожарская. – М., 2008. – Вып. 1 (Власть, общество и личность в истории). – С. 15 – 36.

²¹¹ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма / Дж. Бройи // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 225.

²¹² О консолидации каталонского националистического дискурса в период Республики см.: Arrarás J. Historia de la Segunda República española / J. Arrarás. – Madrid, 1970; Azaña M. Defensa de la autonomía de Cataluña / M. Azaña. – Barcelona, 1977; Cierva R. de la, Historia de la guerra civil española. Perspectivas y antecedentes (1898-1936) / R. de la Cierva. – Madrid, 1969; Poblet J.M. Història bàsica del catalanisme / J.M. Poblet. – Barcelona, 1975.

сты, которые контролировали Каталонский Женеалитет²¹³, предприняли попытку почти полного вытеснения кастильского (испанского) языка из системы образования с целью утверждения каталонского в качестве единственного языка средней и высшей школы, а так же государственных учреждений.

С провозглашением Республики в развитии и функционировании каталонского национализма наступил качественно новый этап: значительное развитие получили тенденции, связанные с кризисом и упадком традиционного, на смену которому приходят новые модели и практики политической, социальной и культурной коммуникации. Процесс перестройки политического пространства не ограничивался исключительно активизацией национализма. Политический ландшафт был фрагментирован и дифференцирован. Комментируя особенности последних трендов, Ш. Эйзенштадт подчеркивает, что «увеличивающаяся внутренняя структурная дифференциация; растущая дифференциация и рационализация в символической сфере; интенсификация взаимоотношений между обществами и усиление дифференциации между ними; выделенность центров по отношению к периферии... тенденция к структурной дифференциации была широко признана в научной литературе. Она проявляется прежде всего в возрастающей вычлененности специфических институциональных функций из исходных аскриптивных – родственных и территориальных – общностей и в утверждении этих функций в качестве отдельных видов деятельности и особых ролей. Это приводит к вычленению политической роли субъекта из его принадлежности к локальной общности и к увеличению числа автономных образований (политических, экономических, религиозных, образовательных), которые осуществляют более специализированные функциональные задачи...»²¹⁴. В республиканской Испании процесс дифференциации политического пространства проявился и в разграничении функций центра и периферии. Инициаторами подобных процессов могли выступать и региональные элиты периферии, в том числе – и каталонские националисты.

Провозглашение Республики, создание новых политических институтов в Каталонии в значительной степени способствовали консолидации каталонского националистического дискурса²¹⁵. Каталонский исследова-

²¹³ О Женеалитете как политическом институте и его функционировании в рамках развития националистического дискурса в Каталонии см.: Navarro R. *L'educació a Catalunya durant la Generalitat, 1931-1939* / R. Navarro. – Barcelona, 1979.

²¹⁴ Эйзенштадт Ш. *Революция и преобразование обществ.* – С. 97.

²¹⁵ О каталонском национализме как факторе развития гражданской войны и как одном из основных политических акторов см.: Cruells M. *El separatisme català durant la guerra civil* / M. Cruells. – Barcelona, 1975; Giralt E., Balcells A., Termes J. *Els moviments socials a Catalunya, País Valencià i les Illes* / E. Giralt, A. Balcells, J.

тель В. Гомес Пин в связи с этим подчеркивает, что «культурное отличие Каталонии в годы Республики привело к ее институциональному признанию»²¹⁶. В первой половине 1930-х формируется особый концепт Каталонии как воображаемого сообщества. В 1932 году каталонский националист Ферран Солдевила предложил определять Каталонию как «...территорию, состоящую из Каталонии, Руссильона, Валенсии и Балеарских островов. На всех этих землях живут каталонцы, принадлежащие к особой расе и говорящие на каталанском языке... вот почему эти территории следует называть Каталонскими Землями»²¹⁷. Столь значительная активизация националистического воображения привела к усилению каталонского национализма. Несмотря на это каталонский национализм с присущими ему сепаратистскими настроениями оказался не в состоянии успешно и эффективно конкурировать с кастильским национализмом, который опирался на мощный бэк-граунд идеи государственного единства и последовательной унификации испанского политического пространства.

В период гражданской войны в Испании каталонский национализм был вынужден конкурировать не просто с кастильским национализмом. Он столкнулся с качественно иными вызовами, связанными с развитием движения нового типа – франкизма – испанской версии фашизма. Примечательно, что тенденции к фашизации существовали и в рамках каталонского националистического дискурса²¹⁸, но не получили развития в силу того, что каталонский национализм, имевший к началу 1930-х годов значительный политический опыт, предпринял шаги, направленные на подчинение политического дискурса в Каталонии в то время как фашизация могла привести к маргинализации каталонских националистов. Действия Ф. Франко в период гражданской войны протекали под лозунгами общеиспанского национализма и построения такой модели государственности, где регио-

Termes. – Barcelona, 1978; Escofet F. Al servei de Catalunya i de la Republica / F. Escofet. – Paris, 1973; Fernandez M. Catalanismo y Republica Espanola / M. Fernandez. – Madrid, 1932; Gonzalez Casanova J.A. Federalisme i autonomia a Catalunya (1868-1938) / J.A. Gonzalez Casanova. – Barcelona, 1974; Jackson G. La Republica Espanola y la guerra civil (1931-1939) / G. Jackson. – Princeton, 1967; Molas I. El sistema de partits politics a Catalunya (1931-1936) / I. Molas. – Barcelona, 1974.

²¹⁶ Гомес Пин В. Язык, который устоял / В. Гомес Пин // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 23.

²¹⁷ Soldevila F. Història de Catalunya / F. Soldevila. – Barcelona, 1932. – P. 3.

²¹⁸ О фашистских политических трендах в рамках каталонского национализма 1930-х годов см.: Ucelay-Da Cal E. The Shadow of a Doubt: Fascist and Communist Alternatives in Catalan Separatism, 1919 – 1939 / E. Ucelay-Da Cal. – Barcelona, 2002. – 43 p.

нальным национализмам не было места²¹⁹. В этом отношении каталонских националистов не спас и вполне возможный союз с левыми²²⁰, что, наоборот, заставляло франкистов с еще большим усердием бороться против каталонского национализма, видя в нем не только угрозу единству Испании, но и одним из инструментов коммунистического проникновения. В основе политической идеи франкизма, как испанского варианта «большого» правого романского авторитаризма²²¹, лежали идеи национального единства, примата коллективного над индивидуальным, ценности интегрального политического национализма, который не принимал национальный партикуляризм и региональные политические национализмы, связанные с иными политическими основаниями, в первую очередь – либеральными и гражданскими ценностями.

Победа в гражданской войне Ф. Франко привела к радикальной реорганизации политического пространства в Испании на принципах политического и национального унитаризма, что фактически ликвидировало достижения каталонских националистов. Тем не менее, политический триумф кастильского унитаризма имел временный характер по той причине, что в Каталонии «националистическое политическое действие» привело к «возникновению более связанной системы»²²², то есть оказало модернизационное воздействие на социум, что стало гарантией последующей реанимации и активизации националистического дискурса. Подводя итоги настоящего

²¹⁹ О политических процессах в Испании в конце 1930-х годов см.: Sentís C. ¿“Finís Cataloniae”? El “fin” de una película de “gangsters”, simplemente / C. Sentís // *La Vanguardia Española*. – 1939. – Febrero 17; Vilanova i Vila-Abadal Fr. 1939: la «falsa ruta» de los regionalistas catalanes / Fr. Vilanova i Vila-Abadal // *ETF*. – 1996. – Serie V. – Vol. 9. – P. 189 – 205.

²²⁰ О контактах между националистами и левыми в Каталонии см.: Nin i Perez A. *Socialisme i Nacionalisme, escrits republicans socialistes i comunistes* / A. Nin i Perez. – Barcelona, 1985.

²²¹ На протяжении 1930 – 1960-х годов политическое пространство романских государств сталкивалось с мощными правоавторитарными политическими вызовами. В Италии правые контролировали политический дискурс с 1922 по 1944 год. Мощные правые тренды в развитии политической культуры имели место в Португалии, Румынии, а так же в Бразилии, политическая динамика в которой может быть соотнесена с аналогичными процессами в романских государствах Европы. О правой традиции в романском мире см.: Luiz de Souza R. *Nacionalismo e autoritarismo em Alberto Torres* / R. Luiz de Souza // *Sociologias*. – 2005. – No 13. – P. 302 – 323; Marson A. *A ideologia nacionalista de Alberto Torres* / A. Marson. – São Paulo, 1979; Martins J. *Capitalismo e tradicionalismo* / J. Martins. – São Paulo, 1975; Souza F.M. de, *Raízes teóricas do corporativismo brasileiro* / F.M. de Souza. – Rio de Janeiro, 1999; Tovaes J.N. *Autoritarismo e dependência: Oliveira Vianna e Alberto Torres* / J.N. Tovaes. – Rio de Janeiro, 1979.

²²² Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма / Дж. Бройи // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 221.

раздела, следует принимать во внимание ряд факторов, которые оказывали существенное влияние на развитие институционализировавшегося в политическом поле Испании каталонского националистического дискурса. Каталонская националистическая традиция в первой четверти XX века и в период между двумя мировыми войнами была обязана национальному каталонскому возрождению XIX столетия, идейное наследие которого активно использовалось каталонскими интеллектуалами для выдвижения и обоснования политических лозунгов. В каталонском националистическом дискурсе сосуществовали как культурные, так и политические тренды. Вероятно, первые в начале XX века доминировали.

Политизация каталонского национализма, его трансформация из движения преимущественно культурного, языкового и литературного в совокупность политических трендов состоялась в период роста региональных альтернативных национализмов на территории Южной и Юго-Восточной Европы²²³ между двумя мировыми войнами. Именно на протяжении 1920 – 1930-х годов в Каталонии формируется политический националистический дискурс, который развивался как многоуровневый феномен, имевший правые и левые (социалистические) измерения при условии сохранения значительной роли культурного, языкового и литературного национализма. В Испанской Республике каталонский национализм резко расширил границы политического поля, в рамках которого националисты могли выступать участниками политического процесса. С провозглашением автономии Каталонии были созданы основы не только для развития каталонского национализма, но и постепенной институционализации каталонского националистического дискурса: в перспективе течение, которое до этого имело маргинальный политический статус могло стать магистральным политическим трендом, конструирующим и выстраивающим политическое пространство специально для себя и под себя.

С другой стороны, каталонский национализм, региональный националистический проект в Каталонии для межвоенного периода оказались радикальными и модерновыми политическими трендами, которые слабо соотносились с доминировавшим в политической жизни страны традиционализмом. Именно победа правых, сторонников Франсиско Франко, стала главным подтверждением того, что испанский (кастильский) социум в целом не готов к столь радикальной перестройке политического пространства Испании, проекты которого предлагались каталонскими национали-

²²³ Активизация региональных национализмов и протестных движений против политики унификации, исходящей от центра, имела место не только в Испании, но и в других регионах Европы между двумя мировыми войнами. О процессах развития региональных национализмов в многонациональных государствах с этнически выделенными регионами и отличными от центра перифериями см.: Stančić N. Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću / N. Stačić. – Zagreb, 2002.

стами. На смену автономизации пришла политика последовательной унификации политического ландшафта, которая сопровождалась попытками дефрагментации политического, культурного и языкового поля Испании в целом.

ГЛАВА 2

КАТАЛОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ОТ АВТОРИТАРИЗМА К ДЕМОКРАТИИ

§ 1. Каталонский национализм – политическая оппозиция авторитаризму

Победа в гражданской войне Франсиско Франко привела к установлению в Испании правоавторитарного режима²²⁴, который предпринял попытки сознательной перестройки политического дискурса в стране. Испания к началу 1940-х представляла собой несостоявшееся национальное государство, которое на протяжении первой 1900 – 1930-х годов в условиях роста национальных движений в регионах трансформировалось в многонациональное. Российский исследователь Н.В. Кошкарлов подчеркивает, что «многонациональность современного государства – явление неустранимое, а, следовательно, и решение национальной проблемы надо искать не только вне, но и в пределах этого государства»²²⁵. Каталонский исследователь Жозеп Коломер полагает, что «Испания – это наиболее явный пример неудавшейся попытки строительства национального государства. Кастильское ядро исторически было слишком мелким и относительно слабым для того, чтобы создать национальное государство под своим языковым и культурным патронатом, способным ассимилировать совокупность народов на этой территории. Территориальная унификация Испании в значительной степени отстаёт от таковой французского государства и от ассимиляции, достигнутой другими крупными странами Европы»²²⁶.

Именно поэтому придя к власти франкисты, которые имели связи с унификаторским кастильским национализмом, предприняли попытку исправить ошибки допущенные кастильскими политическими элитами в предыдущие периоды. Ими была предпринята попытка унификации

²²⁴ О политическом характере режима Ф. Франко см.: Linz J.J. An Authoritarian Regime: Spain / J.J. Linz // *Cleavages, Ideologies and Party Systems* eds. / E. Allardt, Y. Littunen. – Helsinki, 1964. – P. 291 – 341.

²²⁵ Кошкарлов Н.В. Этничность. Этнос. Нация. Национализм / Н.В. Кошкарлов // <http://credonew.ru/content/view/305/27/> См. также: Бунаков М.Ю., Лукин В.Н. Национализм и национальная идентичность в условиях глобализации: проблемы концептуализации / М.Ю. Бунаков, В.Н. Лукин // <http://credonew.ru/content/view/553/31/>

²²⁶ Коломер Ж.П. Империя и свобода / Ж.П. Коломер // *Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей* / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 27.

политического пространства в стране, что впрочем не привело к ожидаемым результатам, но лишь на более чем три десятилетия законсервировало ситуацию. В период правления Ф. Франко чрезвычайную популярность обрели националистические кастильскоцентричные версии испанской истории, в рамках которых формировался образ единой и неделимой Испании – «европейской и христианской, от Галисии до Страны Басков, от Арагона до каталонских графств»²²⁷. Доминирование подобных настроений в период авторитаризма в Испании, вероятно, свидетельствует о правоте российского исследователя А. Смирнова, полагающего, что «национализм – необычная идеология, отличающаяся от всех остальных идеологий своей теоретической бедностью. Сравнение национализма с другими идеологиями (либерализмом, консерватизмом, социализмом) всегда оказывается не в его пользу, так как он не способен дать самостоятельного ответа ни на один ключевой вопрос социальной жизни. Но такое сравнение само по себе не имеет большого смысла, потому что национализм, в отличие от других идеологий, выполняет иные задачи, связанные, прежде всего, с обоснованием гегемонии особой формы воображения общества – нации»²²⁸. Вероятно не следует исключать, что подобная слабость испанского кастильского национализма стала стимулирующим фактором для активизации политически протестных движений и актуализации политического несогласия не только в категориях политических (классовых) идеологий, но и в контексте националистических движений.

Стратегия франкизма, направленная на унификацию политического и языкового пространства Испании, стала не только результатом слабости проекта Испании как политической нации, но и была обреченной на поражение. Именно она обеспечила появление политической оппозиции и в силу того, что Ф. Франко оказался не в состоянии трансформировать Испанию в национальное государство, используя значительные потенциалы, которые характерны для этого типа государства. В частности Й. Тамир полагает, что «национальное государство обладало способностью создавать хрупкое равновесие между интересами всех классов... тайной силой национального государства была его способность укрепления межклассовой коалиции, обеспечивавшей социальную сплоченность»²²⁹. Политические элиты франкистской Испании были в большей степени обеспокоены не выстраиванием классового мира, а подовление националистических вызовов со стороны регионов. Именно поэтому, среди

²²⁷ Родригес Адрадос Ф. Испанизм? / Ф. Родригес Адрадос // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 50.

²²⁸ Смирнов А. Национализм: нация = коллективное действие: пустое означающее / А. Смирнов // <http://magazines.russ.ru/logos/2006/2/sm15.html>

²²⁹ Тамир Й. Класс и нация / Й. Тамир // <http://magazines.russ.ru/logos/2006/2/ta3.html>

основных конкурентов авторитарного режима, которые не принимали подобную унификацию, были не только левые, но и региональные националисты²³⁰, ставившие под сомнение легитимность нового режима не только в силу его авторитарного характера, но и в виду того, что Ф. Франко пошел на полную ликвидацию тех успехов, которых достигли региональные националисты в период республики.

Комментируя тактику авторитарных режимов в отношении политических вызовов, связанных с национализмом, канадская исследовательница Т. Раковска-Хармстоун подчеркивала, что «рост сил национализма является ответом на политику интеграции и ассимиляции, националистическим вызовом центральному руководству, которое отвечает этот выклик действиями, еще более стимулирующими национализм»²³¹. Стремление кастильских элит проводить политику унификации и ассимиляции привело к ответной националистической реакции и в Каталонии. С другой стороны, американский историк Дж. Мюллер полагает, что две мировые войны, вызванные национализмом, оказались серьезным испытанием для Европы, которая во второй половине XX века, по его мнению, сознательно пошла на отказ от национализма²³² как одного из важнейших политических принципов. Политическая динамика европейских периферий, в частности – Каталонии, во второй половине XX столетия свидетельствует об обратном.

Удержание Каталонии и сохранение Каталонии в составе Испании, контроль каталонского политического и интеллектуального пространства имели принципиальное значение для авторитарного режима Ф. Франко и Испании как государства с большим проблемным потенциалом в деле строительства политической нации. Российский исследователь В. Мартьянов полагает, что в подобных обществах «нация-государство все более упирается в высокие стены своей исторической и цивилизационной

²³⁰ Региональные националисты составляли основу политической оппозиции и в других авторитарных режимах. См. подробнее: Бажан О.Г., Данилюк Ю.З. Опозиція в Україні (друга половина 50-х – 80-ті рр. XX ст.) / О.Г. Бажан, Ю.З. Данилюк. – Київ, 2000; Бажан О.Г., Данилюк Ю.З. Український національний рух: основні тенденції і етапи розвитку (кінець 1950-х – 1980-ті роки) / О.Г. Бажан, Ю.З. Данилюк. – Київ, 2000; Курносков Ю. Инакомислення в Україні (60-ті – перша половина 80-х рр. XX ст.) / Ю. Курносков. – Київ, 1994; Касьянов Г. Незгодні: українська інтелігенція в русі опору 1960 – 80-х років / Г. Касьянов. – Київ, 1995; Русначенко А.М. Національно-визвольний рух в Україні: середина 50-х – початок 1990-х років / А.М. Русначенко. – Київ, 1998.

²³¹ Rakowska-Harmstone T. The Dialectics of Nationalism in the USSR / T. Rakowska-Harmstone // Problems of Communism. – 1974. – Vol. VXXIII. – No 3. – P. 4.

²³² Мюллер Дж. Мы и они. Устойчивость этнического национализма / Дж. Мюллер // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 61.

ограниченности, не позволяющей ей распространиться на все человечество в целом»²³³. Подобные проблемы почти неизбежно вели к активизации региональных национализмов. Возможное отделение Каталонии или радикальная смена ее статуса, направленная на федерализацию Испании, попытки чего имели место во второй половине 1930-х годов, ставила под сомнение основные принципы испанской государственности²³⁴, которая в предшествующий период основывалась на кастильском этноцентризме и навязывании кастильской идентичности национальным регионам. Конструкторы и форматоры авторитарного политического режима в Испании словно стремились не замечать, что важнейшими политическими игроками в Каталонии являются не только идеологически маркированные тренды и течения, но и нации, в том числе и некастильские. Мирослав Хрох подчеркивает, что «нация составляет неотъемлемый фон новейшей европейской истории»²³⁵. Политическая унификация, сознательная маргинализация каталонского и других региональных национализмов привела к тому, что дефиниция понятия «национализм» во франкистской Испании является размытой.

В этом контексте мы, вероятно, можем согласиться с российским политологом В.С. Малаховым, который подчеркивает, что «национализма как такового не существует. Существуют различные идеологические ответы на различные политические вопросы»²³⁶. Унифицируя политический дискурс в Испании, конструируя новое политическое пространство, связанную с ним политическую культуру и идентичность, кастильские политические элиты, будучи носителями кастильского

²³³ Мартьянов В. Строительство политической нации и этнонационализм / В. Мартьянов // <http://magazines.russ.ru/logos/2006/2/ma7.html>

²³⁴ В данном контексте возможны несколько параллелей между Испанией конца 1930-х – середины 1970-х годов и Советским Союзом: 1) и Украинская ССР и Кастилия принудительно, по мнению значительной части местных интеллектуалов, удерживались в составе инокультурных и иноязычных государств; 2) во внимание следует принимать не только определенную культурную, языковую и религиозную близость кастильцев и каталонцев, русских и украинцев, но и то, что 3) Каталония в Испании, Украинская ССР в Советском Союзе относились к числу наиболее развитых с экономической точки зрения регионов. О статусе экономически развитых, но вместе с тем периферийных и подчиненных регионов, см.: Субтельний О. Україна. Історія / О. Субтельний. – Київ, 1993. – С. 591 – 608.

²³⁵ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 121 // <http://nations.gender-e.hu/text/Hroh.doc>

²³⁶ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов. – М., 2005. – С. 9.

этнического и испанского гражданского национализмов²³⁷, предприняли попытку разрушить региональные политические тренды, которые окончательно оформились в период существования республики, пытавшейся институционализировать региональные национализмы путем создания автономий. На протяжении 1940 – 1950-х годов роль универсального инструмента для контроля над политическим дискурсом играло насилие и репрессии²³⁸, направленные против каталонских националистов.

Преследования каталонских националистов со стороны авторитарного режима Франсиско Франко, связанного с кастильскими националистами²³⁹, были вызваны не только собственно устойчивым кастильским националистическим сентиментом, но и особенностями развития национализма (точнее – национализмов) в Испании в целом. Национализм и модернизация принадлежат к числу параллельно и одновременно протекающих процессов. Испания вступила в эпоху национализма и модернизации (или – националистической модернизации) позднее чем другие европейские государства. Э. Геллнер, комментируя феномен замедленного националистического и модернизационного развития, подчеркивал, что «наиболее жестокой является та фаза национализма, которая сопровождает... индустриализацию и распространение индустриализма. Создается неустойчивая социальная ситуация, где острое политическое, экономическое и образовательное неравенство образует цепь болезненных, часто пересекающихся несоответствий. Одновременно возникают новые, согласующиеся с культурой политические единицы. При условии, если эти многочисленные и сведенные воедино неравенства более или менее совпадают с очевидными, понятными и заметными всем этническими и культурными несоответствиями, вновь возникшие единицы неизбежно встают под этнические знамена... индустриализация неизбежно приходит в разные районы и охватывает разные группы в разное время. В результате та взрывчатая смесь, которую представляет собой ранний индустриализм (переселения, подвижность, резкое неравенство, не освященное временем и обычаем), проникает во все трещины и изломы культурной дифференциации, где бы они ни пролегли. Лишь в редких случаях там, где есть почва для активизации национализма, способного связать болезненные противоречия времени с жизнеспособными потенциальными государствами,

²³⁷ Об испанском гражданском национализме, а так же его этнических (кастильских) трендах см.: Arbós X., Puigsec C. *Franco i l'espanyolisme* / X. Arbós, C. Puigsec. – Barcelona, 1980.

²³⁸ О политических репрессиях в Каталонии см.: Pagès P. *Les presons franquistes al Principat de Catalunya* / P. Pagès // ETD'Н. – 2001. – Novembre 13 – 19. – P. 54 – 58.

²³⁹ О связях Ф. Франко и его режима с испанским (кастильским) национализмом см.: Arbós X., Puigsec A. *Franco i l'Espanyolisme* / X. Arbós, A. Puigsec. – Barcelona, 1980.

удается избежать обострения. Нарастающая волна модернизации захлестывает мир, заставляет почти каждого в тот или иной момент ощутить на себе несправедливость обращения с собой и увидеть виноватого в представителе другой «нации»²⁴⁰. Ситуация в Испании осложнялась и тем, что кастильский и каталонский национализмы в одинаковой мере испытали на себе развитие замедленной культурной и социальной динамики, что создавало неясность в перспективах развития национализма, не исключая двух противоположных вариантов – радикализации через этнизацию или гражданской институционализации.

По мнению самого Ф. Франко и теоретиков режима, местные национализмы были связаны с политическими вызовами, способными поставить под сомнение легитимность того типа государства, которое строилось в рамках авторитарной модели. Комментируя отношения региональных националистов недоминирующей нации с националистами доминирующей (численно, политически или экономически) группы, исследователь национальных движений Сеппо Лаллукка полагает, что попытки представителей меньшинства не только институционализировать, но и сохранить свою идентичность воспринимаются как «безответственное мифотворчество»²⁴¹. С другой стороны, региональные национализмы, обладая значительным мобилизационным потенциалом, были в состоянии сформировать новые или реанимировать старые националистические политические культуры, а так же националистические идентичности, которые в качестве приоритетной рассматривали идею лояльности собственной нации и сообществу, но не политическому режиму, что в перспективе могло привести к потере легитимности авторитарным режимом в глазах граждан Испании. В этом контексте каталонский национализм – политическая идеология, связанная с «гомогенной культурой людей, которые проживают в тесной ассоциации на данной территории, разделяющих веру в собственную отличность от других»²⁴². Вероятно, мадридские (кастильские) политические элиты осознавали, что среди антисистемных внутренних вызовов наиболее опасны те, что были связаны с региональными национализмами – особенно с теми, которые успели приобрести значительный политический опыт в период республики, пытавшейся институционализировать региональный националистический дискурс в Каталонии и Стране басков. В свою очередь каталонские националисты так же не питали иллюзий в

²⁴⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991. – С. 119 – 120.

²⁴¹ Лаллукка С. Формирование национальных движений на окраинах империй / С. Лаллукка // Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX века. Сборник докладов / ред. С. Лаллукка, Т. Молотова, К. Куликов. – Ижевск, 2000. – С. 6.

²⁴² Witton J.F. Nationalism and Internationalism / J.F. Witton // The Encyclopedia Americana. – NY – Chicago – Washington, 1961. – Vol. 19. – P. 749.

отношении режима Ф. Франко, осознавая, что именно с ним связана ликвидация националистических достижений и завоеваний республиканского периода.

Национализм, получив опыт политического участия в условиях относительной либерализации, оказывается более способным к сопротивлению властям, чем националистические движения без опыта политической борьбы. Украинский политолог И. Лысяк-Рудныцкий полагал, что в авторитарных режимах протестный политический национализм развивается по инерции, унаследованной от раннего периода, более или менее свободного, политического участия²⁴³. Комментируя подобную ситуацию Э. Хобсбаум подчеркивает, что «демократизация политики как таковая (т. е. превращение подданных в граждан) способна породить популистское сознание, в некоторых аспектах почти неотличимое от национального и даже шовинистического патриотизма, ибо если «эта страна» в известном смысле «моя», то я с большей готовностью ставлю ее выше других стран, в особенности если жители последних лишены прав и свобод истинного гражданина»²⁴⁴. С другой стороны, каталонские националисты в период правления Ф. Франко не имели единой и четко сформулированной политической программы, руководящих органов, институционализированных форм участия, политических партий²⁴⁵. В подобной ситуации их ориентиром являлась почти исключительно борьба как самоцель, направленная против авторитаризма, национализма доминирующей нации и на национальное освобождение собственной национальной группы.

В этой ситуации каталонский национализм в условиях авторитарного режима имел немало общего с националистическими протестными движениями в других недемократических режимах. Каталонский национализм стимулировался и осознанием провала единого испанского политического и идентичностного эксперимента. Каталонский исследователь Ж. Коломер полагает, что «в течение долгого времени отношения Каталонии и Испании строились на принципах “империи и свободы”... империи – в коллективном образовании в Европе и Америке и свободы во – внутренних делах, которыми в Каталонии ведали собственные представительные институты на основе кортесов и Женералитета. Во

²⁴³ См.: Лисяк-Рудницький І. Політична думка українських радянських дисидентів / І. Лисяк-Рудницький // Лисяк-Рудницький І. Нариси з історії нової України / І. Лисяк-Рудницький. – Львів, 1991. – С. 79 – 98.

²⁴⁴ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – С. 134.

²⁴⁵ О подобных особенностях развития националистических движений в условиях авторитаризма см.: Ільницький Р. Стан і перспективи визвольної справи в Україні (Оцінка «Українського демократичного руху») / Р. Ільницький // Матеріали конгресу української вільної думки. – Мюнхен, 1973. – Кн. 2. – С. 48 – 86.

многим именно распад испанской империи в течение XIX века привел к тому, что проект создания испанского национального государства потерял привлекательность и поддержку. Политический каталонизм возник как поиск альтернативы краху и осознанию провала испанского здания и взял курс на построение альтернативной каталонской нации, каталонского государства и даже каталонской империи»²⁴⁶.

Политические неурядицы в Испании на протяжении первой половины XX века, в значительной степени неудавшаяся и незавершенная революция, гражданская война и тем более победа франкизма, установление авторитарного режима – все эти события каталонскими интеллектуалами не только соотносились с их собственным политическим опытом, но воспринимались как доказательство того, что Испания является европейской периферией и аутсайдером в деле модернизации и строительства национального государства, основанного на идее политической нации, ценностей прав и свобод человека. Политический республиканский опыт, а так же наличие социальной памяти об относительно свободном политическом участии оказались важными факторами, которые способствовали националистической консолидации в Каталонии, мобилизации масс именно под националистическими опытами. В первую очередь политический режим Франсиско Франко, который получил поддержку со стороны кастильских националистов²⁴⁷, направил свои усилия не только на формирование особой авторитарной политической культуры лояльности и подчинения²⁴⁸, но и на уничтожение самого очевидного достижения каталонских националистов, связанного с использованием каталонского языка в государственном управлении. Подобная политика оценивается каталонскими исследователями как направленная на унификацию и гомогенизацию культурного и языкового пространства Испании²⁴⁹. Именно поэтому в рамках конфронтации националистов с режимом Ф. Франко одной из целей первых было не только противостоять унификации, но и «обретение контроля и использо-

²⁴⁶ Коломер Ж.П. Империя и свобода. – С. 27.

²⁴⁷ О кастильских националистических трендах в период правления Ф. Франко см.: Blas Guerrero A. Sobre el nacionalismo español / A. Bla Guerrero. – Madrid, 1989.

²⁴⁸ О феномене авторитарной политической культуры см.: Шыманец В. Аўтарытарныя культуры / В. Шыманец // <http://arche.bymedia.net/2001-4/syman401.html>

²⁴⁹ Crespi i Vallbona M. L'activitat festiva popular en l'era de la mundialització: el cas de Catalunya / M.Crespi i Vallbona. – Barcelona, 2002. Tesi doctoral. Universitat de Barcelona. – P. 168.

вание статусных возможностей государственной власти»²⁵⁰, а задачей второго – не допустить реализации планов своих оппонентов из каталонского националистического лагеря.

Каталонский исследователь В. Гомес Пин, комментируя политику франкистского режима в отношении каталанского языка, пишет, что «наступили... темные годы франкизма. В отсутствие договора с новым режимом – несмотря на согласие широкого сектора каталонской буржуазии, подверженной настоящей шизофрении между экономическими интересами и тем, что франкизм представлял в культурном плане, – аспекты, которые, как казалось, характеризовали Каталонию, стали объектом систематических гонений. Если быть конкретнее, каталонский язык был совершенно исключен из официального использования и ограничен исключительно домашней сферой. Допускались лишь те элементы культуры, которые можно было отнести к фольклору, такие, как традиционные каталонские танцы и музыка, признанные официальной пропагандой и допущенные на региональных мероприятиях в единой Испании»²⁵¹. Авторитарный режим жестко регламентировал применения языков на территории Испании²⁵², утвердив в качестве единственного официального языка кастильский. Именно поэтому, первые мероприятия франкизма в Каталонии были направлены на лингвистическую кастилизацию региона и вытеснение каталонского языка²⁵³. Российский исследователь Испании А.Н. Кожановский полагает, что франкисты вели политику «искоренения каталанского языка отовсюду, кроме частной жизни», а политика франкизма в целом определялась им как ассимиляторская²⁵⁴.

Один из теоретиков режима Ф. Франко, Х. Арейльс, подчеркивал, что основу политики Испании будут составлять автаркия²⁵⁵, а так же испанская

²⁵⁰ Бунаков М.Ю., Лукин В.Н. Национализм как фактор глобальных рисков: тенденции политического анализа / М.Ю. Бунаков, В.Н. Лукин // <http://credonew.ru/content/view/536/31/>

²⁵¹ Гомес Пин В. Язык, который устоял / В. Гомес Пин // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 23.

²⁵² О преследовании каталанского языка в Испании в период правления Ф. Франко см.: Benet J. Catalunya sota el regim franquista. Informe sobre la persecucio de la llengua i la cultura de Catalunya pel regim del general Franco / J. Benet. – Paris, 1973; Benet J. L'intent franquista de genocidi cultural contra Catalunya / J. Benet. – Barcelona, 1995; Ferrer i Girones F. La persecucio politica de la llengua catalana / F. Ferrer i Girones. – Barcelona, 1985.

²⁵³ О Каталонии в период правления Ф. Франко и каталонском национализме см.: Benet J. Catalunya sota el régim franquista / J. Benet. – Paris, 1973.

²⁵⁴ Кожановский А.Н. Народы Испании во второй половине XX века (опыт автономизации и национального развития) / А.Н. Кожановский. – М., 1993. – С. 73.

²⁵⁵ Problemos técnicos de importancia económica en la nueva organización de España. – Barcelona, 1940. – P. 481.

модель корпоративизма²⁵⁶, выстраивая которую режим Франко ориентировался на авторитарный политический опыт и авторитарные политические традиции Италии и Бразилии. Комментируя подобные националистические практики, Э. Геллнер писал, что «гигантская, дорогостоящая стандартизованная система образования перерабатывает целиком весь человеческий материал, которому предстоит влиться в общество, превращая это биологическое сырье в социально приемлемый культурный продукт. Подавляющую часть затрат на образование берет на себя государство или представляющие его местные власти. В конечном счете только государство (или чуть более широкий сектор, включающий также некоторую часть «общественности») может вынести на своих плечах тяжелое бремя этой ответственности, одновременно осуществляя контроль за качеством продукции в этой важнейшей из всех отраслей – в производстве социально приемлемых человеческих существ, способных делать необходимую для этого общества работу. Это становится одной из главных задач государства. Общество необходимо гомогенизировать, и руководить этой операцией могут только центральные власти»²⁵⁷.

В рамках официального политического дискурса во франкистской Испании внимание акцентировалось на «обеспечении единства в политической сфере»²⁵⁸. В этих новоочерченных границах политического пространства для каталонского национализма почти не оставалось места. Кроме этого франкистский режим воспринимал репрессии²⁵⁹ как универсальное средство борьбы с проявлениями политического, языкового и культурного регионализма. Поэтому каталонский национализм постепенно трансформировался в политически символическое движение, активно используя символ нации в качестве основного элемента в борьбе и полемике с кастильскими националистами. С другой стороны, каталонский национализм испытал немалые трудности в поиске союзников для борьбы против авторитаризма. Комментируя ситуацию, каталонский исследователь Жозеп Коломер пишет, что «испанский либерализм всегда тяготел к объединению государства, нации и демократии. Традиционно поддерживалось мнение о том, что нужно было создать мощное испанское государство для того, чтобы уже из недр его построить прочную испанскую нацию, что только в ис-

²⁵⁶ О феномене корпоративизма в романских странах см.: Viera E. *Autoritarismo e corporativismo no Brasil* / E. Viera. – São Paulo, 1981.

²⁵⁷ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // *Путь: международный философский журнал*. – 1992. – № 1. – С. 22.

²⁵⁸ Paris Eguilaz H. *El Estado y la economica* / H. Paris Eguilaz. – Madrid, 1940. – P. 11.

²⁵⁹ О репрессивной политике режима Ф. Франко в отношении региональных националистических и протестных движений см.: Arostegui J. *Violencia y política en España* / J. Arostegui. – Madrid, 1994; *España bajo el franquismo* / ed. J. Fontana. – Barcelona, 1986.

панском национальном государстве мог сформироваться суверенный субъект для демократии. Но такая точка зрения не соответствует действительности. Государство, нация и демократия – это три совершенно разных понятия, которые не всегда идут вместе»²⁶⁰. Поэтому каталонские националисты в своем противостоянии с франкистским режимом оказались в почти полном одиночестве, хотя некоторые испанские авторы настаивают на том, что «испанский национализм либерального толка легко уживался с региональными национализмами»²⁶¹. Именно это способствовало постепенной радикализации национализма, оказав влияние на то, что после падения франкизма каталонские националисты взяли курс на развитие национального типа общества в Каталонии, будучи не в состоянии достичь компромисса с кастильскими политиками.

Каталонский национализм в условиях авторитарного режима мигрировал из сферы политики в сферу культуры и языка. Народная культура и язык относятся к числу тех категорий, которых в наибольшей степени связаны с этничностью²⁶². При этом каталонский национализм в условиях политических преследований и стремлений франкистского режима уничтожить каталонскую идентичность как политическое явления не подвергся значительной радикализации и не трансформировался в этнический национализм²⁶³. Проявления каталонского национального / националистиче-

²⁶⁰ Коломер Ж.П. Империя и свобода / Ж.П. Коломер // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 27.

²⁶¹ Блас Герреро А. де, Отношения между различными типами национализма в Испании / А. де Блас Герреро // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 38.

²⁶² О проблемах этничности в развитии национализма и о соотношении этнических трендов с политическими подробнее см.: Kymlicka W. *Misunderstanding Nationalism* / W. Kymlicka // *Theorizing Nationalism* / ed. R. Beiner. – Albany, 1999. – P. 131 – 140; Schopflin G. *Nationalism and Ethnicity in Europe, East and West* / G. Schopflin // *Nationalism and Nationalities in the New Europe* / ed. C.A. Kupchan. – Ithaca, 1995. – P. 37 – 65; Sekulić D. *Etničnost kao društvena konstrukcija* / D. Sekulić // *МЕТ*. – 2007. – Vol. 23. – No 4. – S. 347 – 372; Yack B. *The Myth of the Civil Nation* / B. Yack // *Theorizing Nationalism* / ed. R. Beiner. – Albany, 1999. – P. 103 – 118.

²⁶³ О феномене этнического национализма см.: Connor W. *Nation-Building or Nation Destroying?* / W. Connor // *World Politics*. – 1972. – Vol. 24. – P. 319 – 355; Connor W. *The Politics of Ethnonationalism* / W. Connor // *Journal of International Affairs*. – 1973. – Vol. 27. – No 1. – P. 1 – 20; Connor W. *A Nation is a Nation, is a State, is an Ethnic Group, is a ...* / W. Connor // *Ethnic and Racial Studies*. – 1978. – Vol. 1. – No 4. – P. 377 – 397; Connor W. *Eco- or Ethno-Nationalism* / W. Connor // *Ethnic and Racial Studies*. – 1984. – Vol. 7. – P. 342 – 359; Connor W. *Ethnonationalism* / W. Connor // *Understanding Political Development* / eds. S. Huntington, M. Woiner. – Boston, 1989. – P. 196 – 220; Connor W. *When is a*

ского чувства обрели эпизодический характер, ограничиваясь, главным образом, культурной и интеллектуальной сферой²⁶⁴. Комментируя эту особенность национализма как движения с чрезвычайно мощным адаптивным потенциалом, К. Вердери указывает на то, что «национализм представляет собой политическое применение символа нации при помощи дискурса и политической деятельности, а также чувство, которое заставляет людей реагировать на его применение. В самой своей сути национализм есть гомогенизирующий, дифференцирующий или классифицирующий дискурс, или приведения к однородности: он адресует свой призыв людям, которых предположительно что-то объединяет друг с другом, противопоставляя их тем людям, которых, опять же предположительно, ничто не связывает между собой. В современных видах национализма такими наиболее важными общими вещами служат определенные формы культуры, традиции и особая история»²⁶⁵.

В рамках франкистского политического дискурса каталонцы перестали восприниматься как национальное меньшинство, став для кастильских националистов региональной версией кастильской идентичности. Комментируя подобный феномен, Э. Геллнер писал, что «в условиях модернизации с бывших специализированных меньшинств снимаются правовые ограничения, но одновременно они лишаются и своего монопольного права, а также защищенности. Их прежний опыт и ориентация часто дают им возможность действовать с большим успехом в условиях полной экономической свободы для всех. Их знания также оказываются весьма полезными. Но в то же время их прежний опыт вырабатывался в условиях политического бессилия и подчинения общинному праву на самозащиту. Это и была цена, заплаченная ими за первоочередное право овладения профессией: они вынуждены были смириться со своей политической и военной беспомощностью, чтобы получить доступ к тем средствам, которые в дурных руках становились слишком могущественными или опасными»²⁶⁶.

Попытки подавления каталонского национализма и разрушения каталонского националистического дискурса во франкистский период не привели к его ликвидации, способствуя обратному: усилению конфронтации между политическими кастильскими элитами и каталонскими националистами. В настоящем контексте автор солидарен с отечественным исследователем национализма В.С. Малаховым, который определяет национали-

Nation? / W. Connor // *Ethnic and Racial Studies*. – 1990. – Vol. 13. – No 1. – P. 92 – 103.

²⁶⁴ Некоторые публикации могут быть интерпретированы как спорадические проявления каталонского национализма. См.: Carrera i Pujal J. *Historia politica de Catalunya en el siglo XIX* / J. Carrera i Pujal. – Barcelona, 1957 – 1959: in 7 vols.; Fabregas X. *Teatre catala d'agitacio politica* / X. Fabregas. – Barcelona, 1969.

²⁶⁵ Вердери К. Куда идут нации и национализм. – С. 298.

²⁶⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 113.

стический дискурс как «закрепленный в языке способ упорядочения социальной реальности»²⁶⁷. Основу националистического движения в Каталонии в период правления Фр. Франко составляли местные каталонские интеллектуалы²⁶⁸. Американская исследовательница Монсеррат Гуйбернау полагает возможным, принимая во внимание значительную степень национальной консолидации Каталонии, определять каталонский национализм в период существования авторитарного режима в Испании как «национализм без государства»²⁶⁹. В рамках авторитарного режима Ф. Франко каталонский национализм столкнулся с новыми политическими вызовами, определившими основную стратегию развития и функционирования каталонского националистического дискурса, важнейшей задачей для которого становится сохранение региональной идентичности в условиях унификационной политики авторитарного режима.

В условиях авторитарного политического режима мадридские элиты стремились магистральным политическим трендом в Испании сделать кастильский национализм, для чего региональные национализмы, нередко связанные с сепаратистскими движениями, были подвергнуты сознательной маргинализации. В этом контексте национализм трансформировался в «совокупность политических идеологий и движений, использующих в качестве символа нацию»²⁷⁰. Комментируя в теоретическом плане тренды маргинализации Ш. Эйзенштадт подчеркивает, что «...возросшие расположенность к изменениям и потенциал способности к преобразованию рассматриваемых нами обществ наиболее явно проявляются в возникновении четко определенных движений, таких, как восстание, инакомыслие, протест, а также в достижении более высокого уровня выражения политической борьбы... складывались определенно выраженные движения изменений и ориентации протеста...»²⁷¹. Израильский исследователь акцентирует внимание и на том, что «организаторами таких движений могли выступить носители моделей культурного порядка или выразители солидарности различных коллективов. Первые поддерживали особую культурную ориентацию, вторые – социальный код (иерархию в противовес равенству,

²⁶⁷ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов. – М., 2005. – С. 122.

²⁶⁸ Об интеллектуалах в недемократических режимах см.: Лінднэр Р. Беларускія гісторыкі пад Сталіным. Калектыўна-біяграфічны нарыс нацыянальнай гістарыяграфіі (1870 – 1945) / Р. Лінднэр // <http://www.lingvo.minsk.by/~bha/05-02/LIND.htm>

²⁶⁹ Об этом концепте см. подробнее: Breuilly J. Nationalism and the State / J. Breuilly. – Manchester, 1982; Guibernau M. Nationalism and Intellectuals in Nations without States: the Catalan Case / M. Guibernau. – Barcelona, 2003.

²⁷⁰ См.: Коротева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В.В. Коротева. – М., 1999. – С. 132.

²⁷¹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 100.

принуждение в противовес солидарности или поощрительным мерам и т.п.). В то же время возникали и движения инакомысля, которые нередко были направлены на переосмысление оснований господствующих культурных моделей и традиций. А в процессе формирования институтов, прежде всего в экономической и образовательной сферах, выдвигались и организаторы нового типа»²⁷². Большинство из перечисленных выше атрибутов в Каталонии периода франкизма обладал каталонский национализм, способный под лозунгами каталонского национализма и защиты идентичности сплотить каталонцев для решения не только национальных, но и политических задач.

Сопrotивление каталонских националистов имело место на протяжении всего периода существования авторитарного франкистского режима. Само сохранение каталонской нации и политической идентичности стало результатом того, что к моменту установления диктатуры каталонские националисты имели немалый политический опыт, а сами каталонцы были стабильным сообществом, в том числе и воображаемым. Американский исследователь Б. Андерсон, определяя нацию, пишет, что «поступая так, как обычно поступают в антропологии, я предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»²⁷³. С одной стороны, «...оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-понации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности...»²⁷⁴. С другой стороны, нация ежедневно и ежечасно воображается своими интеллектуалами. Активные националистические практики и рефлексии каталонских националистов обеспечили каталонскую идентичность достаточным потенциалом для функционирования и воспроизводства. Первые попытки консолидации каталонских националистов следует датировать 1940-ми годами – периодом, когда кастильские политические элиты наиболее активно выстраивали и конструировали новый авторитарный политический дискурс.

В этой ситуации каталонские националисты, консолидировавшиеся вокруг организаций «D'Estat Català» и «Front Nacional de Catalunya», не могли успешно конкурировать с режимом, который активно применял против них репрессии. Попытка каталонских националистов консолидировать каталонский националистический дискурс путем создания новой организации «Consell Nacional de Catalunya»²⁷⁵ не принесла ожидаемых поли-

²⁷² Там же. – С. 101.

²⁷³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 28.

²⁷⁴ Там же. – С. 29.

²⁷⁵ О деятельности этих организаций см.: Díaz i Escilíes D. L'independentisme català durant l'autarquia franquista / D. Díaz i Escilíes // El temps d'història. – 2005. – Abril 12 – 18. – P. 21 – 25.

тических результатов. Политическое пространство в Испании 1940 – 1950-х годов контролировалось франкистским режимом, который выступил в качестве главного конструктора нового политического поля, вытесняя за его пределы всех, кого было невозможно интегрировать в новый политический дискурс, в том числе – и каталонских националистов. Единственным достижением каталонского националистического движения на данном этапе было сохранение (правда, в ослабленном виде) Института каталонских исследований, который оказался единственной институцией, занимавшейся публикацией книг (крайне ограниченными тиражами) на каталанском языке. Активизация каталонского национализма начинается в середине 1960-х годов: параллельно с этим формируется «большой» антифранкистский политический дискурс, движущей силой которого были левые²⁷⁶.

В подобной ситуации функционирование и воспроизводство националистического дискурса в Каталонии было в значительной степени осложнено. Националистическое из политической сферы дрейфовало в сферу культуры и языка. Анализируя феномен каталонского национализма во франкистской Испании, следует принимать во внимание его протестный характер, направленный против официальной политической доктрины. Комментируя подобную особенность национализма, Б. Андерсон подчеркивает, что «я всего лишь предполагаю, что для понимания национализма следует связывать его не с принимаемыми на уровне самосознания политическими идеологиями, а с широкими культурными системами, которые ему предшествовали и из которых – а вместе с тем и в противовес которым – он появился...»²⁷⁷. Средством поддержания идентичности и формой развития каталонского национализма в 1940 – 1950-е годы было переиздание классических произведений каталонской литературы на каталанском языке, что интерпретировалось властями как изучение местного фольклора, хотя подобные публикации были немногочисленны в виду того, что кастильские политические элиты видели консолидационный потенциал каталанского языка как основы националистического движения, направленного против Мадрида. В этой ситуации периодические издания на каталанском языке, которые имели преимущественно культурно-литературную направленность были каналом выражения и популяризации каталонской идентичности. Это, в частности, относится к таким журналам как «Poesia» (1944 – 1945), «Ariel» (Ариэль, 1946 – 1951) и «Dau al set» (1948 – 1956). Мадридская цензура видела латентный националистический характер этих

²⁷⁶ Об оппозиционных политических трендах см.: Mateos A. *Comunistas, socialistas y sindicalistas ante las elecciones del «Sindicato Vertical», 1944-1967* / A. Mateos // RFGH. – 1987. – No 1. – P. 379 – 411.

²⁷⁷ Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. – С. 33.

изданий. Поэтому, срок их существования был крайне непродолжительным.

С другой стороны, в рамках каталонского националистического дискурса развивалась и особая модель политической, исторической, национальной и социальной контр(анти)памяти, основные усилия форматоров которой были направлены против попыток режима Ф. Франко полностью унифицировать политический дискурс в Испании путем культивирования политической лояльности, которая имела серьезные основания в виде кастильского национализма, антикоммунизма и политического мифа о победе в гражданской войне против испанского (и стоящего за ним мирового – советского) коммунизма. Примечательно, что в своей полемике с кастильскими националистами каталонские использовали в наибольшей степени политический, но не чисто этнический ресурс. Этот фактор свидетельствует о том, что этнические тренды и тенденции к этнизации²⁷⁸ и радикализации не получили сколь бы то ни было значительного развития в рамках каталонского национализма. Комментируя особенности развития политического дискурса этнонационализма, российский исследователь В. Мартьянов подчеркивает, что «этнонационализм содержит аксиому о тождестве нации и этноса. В итоге уравниваются и соизмеряются между собой государство-нация и этнос, современность и прошлое, политическое целое и часть, что логически недопустимо. Подобное равенство асимметрично»²⁷⁹.

В противовес подобным концепциям в рамках каталонского национализма предлагались совершенно иные версии и интерпретации истории гражданской войны. В этом отношении каталонская идентичность была не только республиканской, но и не менее политизированной, чем проявления официальной лояльности. Франкисты и каталонские националисты имели разных героев. Комментируя этот националистический феномен, Б. Андерсон пишет, что «у современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата.

²⁷⁸ Об этнических / этнизированных трендах в национализме см.: Connor W. Beyond Reason: The Nature of the Ethnonational Bond / W. Connor // *Ethnic and Racial Studies*. – 1993. – Vol. 16. – No 3. – P. 374 – 389; Connor W. Ethnonationalism: The Quest of Understanding / W. Connor. – Princeton, 1994; Connor W. Elites and Ethnonationalism: The Case of Western Europe / W. Connor // *Nationalism in Europe: Past and Present* / eds. J. Beramendi, R. Maiz. – Santiago de Compostela, 1994. – P. 349 – 361; Connor W. Ethnic Identity: Primordial or Modern? / W. Connor // *Separatism* / eds. T. Anderson, B. Bull, K. Duvold. – Bergen, 1997. – P. 27 – 40; Connor W. Homelands in a World of States / W. Connor // *Understanding Nationalism* / eds. M. Guibernan, J. Hutchinson. – Oxford, 2001; Connor W. Nationalism and Political Illegitimacy / W. Connor // *Ethnonationalism in the Contemporary World* / ed. D. Conversi. – L. – NY., 2003. – P. 24 – 50.

²⁷⁹ Мартьянов В. Строительство политической нации и этнонационализм / В. Мартьянов // <http://magazines.russ.ru/logos/2006/2/ma7.html>

Публичное церемониальное благоговение, с каким относятся к этим памятникам именно в силу того, что либо они намеренно оставляются пустыми, либо никто не знает, кто в них лежит, поистине не имеет прецедентов в прежней истории»²⁸⁰.

С другой стороны, именно эти образы борьбы 1930-х годов обладали немалой мобилизационной силой, будучи каналом рекрутирования новых сторонников националистического движения. В этом контексте примечательно и то, что в условиях существования авторитарного режима ненационалистические политические течения в Каталонии не смогли составить основу протестного движения. В связи с подобной способностью национализма к политической мобилизации Б. Андерсон указывает на то, что «культурное значение таких памятников становится еще более ясным, если попытаться представить себе, скажем, Могилу неизвестного марксиста или Памятник павшим либералам. Можно ли при этом избежать ощущения абсурдности? Дело в том, что ни марксизм, ни либерализм не слишком-то озабочены проблемой смерти и бессмертия. И если националистическое воображение проявляет такую заботу, то тем самым предполагается его тесное духовное родство с религиозным воображением»²⁸¹.

Анализируя каталонский национализм во франкистской Испании, следует принимать во внимание и то, что Каталония была относительно развитым с экономической точки зрения регионом. В этой ситуации идеологические стимулы для развития национализма исходили не только из экономических, но и социально-культурных особенностей региона. Комментируя подобный процесс, Э. Геллнер указывал на то, что «национализм объяснялся тем, что экономически и политически отсталое население было способно выделиться в культурном отношении и так оказалось перед националистическим выбором. Но то невыносимое положение, в каком оказываются культурно выделившиеся народы, с началом процесса индустриализации, совсем не отсталые в экономическом отношении (и даже напротив), но лишённые политических прав вследствие своего статуса меньшинства, вытекает из тех же общих предпосылок и ведет к тому же выводу, хотя и особым путем. Сосредоточиться исключительно на экономической отсталости, которая в большинстве типичных случаев, разумеется, имеет значение, значит, исказить нашу позицию. Индустриальный порядок требует внутренней однородности в пределах политических единиц хотя бы в той мере, чтобы обеспечить более или менее беспрепятственную мобильность, и потому лишает «этническое» выделение как его преимущества, так и неудобства и политического, и экономического одновременно»²⁸². С другой стороны, каталонский национализм во франкистской Ис-

²⁸⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 31.

²⁸¹ Там же. – С. 31.

²⁸² Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 117.

пании обладал немалым политическим опытом. Поэтому, каталонские националисты не проявляли особого энтузиазма относительно политической и культурной альтернативы в виде ассимиляции, которая предлагалась им кастильскими националистами.

§ 2. Каталонский национализм: от умеренности к радикализации

В условиях существования авторитарного режима дискурс оппозиционности и антиавторитарного протеста сместился из регламентированной сферы политического в сферу культуры, в первую очередь – литературы и гуманитарных исследований, где степень регламентирования и контроля со стороны государства была несколько меньше, чем в политической жизни социума. Национализм в авторитарных режимах, в национально выделенных регионах играл роль универсального политического языка, способного гарантировать мобилизацию масс, принудив их к политическому участию. Именно в рамках национализма, как полагает Б. Андерсон, «происходил поиск... нового способа, с помощью которого можно было бы осмысленно связать воедино братство, власть и время... ничто так не способствовало ускорению этого поиска и не делало его столь плодотворным как капитализм, открывший для быстро растущего числа людей возможность осознать самих себя и связать себя с другими людьми принципиально новыми способами»²⁸³. В политическом контексте авторитарного франкистского режима роль капитализма принадлежала авторитаризму как политическому феномену с немалым модернизационным потенциалом, сторонники которого стремились подменить им альтернативные политические проекты, представленные региональными национализмами, в том числе – и каталонским.

Каталонский национализм, сохраняя свой политический и гражданский характер, постепенно трансформировался в культурный, что позволило националистическому движению избежать значительной радикализации и, как следствие, маргинализации. С другой стороны, именно эта культурная и интеллектуальная направленность каталонского национализма постепенно оказала значительное влияние на его политизацию. В связи с этим Э. Хобсбаум подчеркивает, что «не связанный с государством национализм при подобных условиях неизбежно принимал *политический* характер. Ведь именно государство представляло собой механизм, который непременно следовало пускать в ход для того, чтобы превратить “национальность” в “нацию” или хотя бы сохранить ее, национальности, нынешний статус перед лицом исторической эрозии и ассимиляции»²⁸⁴. Маргинализация радикалов – неизбежное следствие развитие национализма в независимости от политического опыта его носителей и теоретиков. Комментируя эти процессы в теоретическом плане, Ш. Эйзенштадт подчеркивает, что «попытка переформулирования символических характеристик и институциональных предпосылок могла как вести к расширению объема

²⁸³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 57.

²⁸⁴ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – С. 153 – 154.

критических ориентации и к рационалистическому объективизму, так и быть направлена к сдерживанию и антирационализму. Такие антирационалистские тенденции в социальном и культурном порядке могли найти различное выражение. Они могли вылиться в относительно простой популистский антирационализм и антиинтеллектуализм. В более дифференцированных обществах они могли породить более разработанные сектантско-еретические учения и идеологии протеста, основанные на интеллектуалистском отрицании рациональных или критических предпосылок своих собственных традиций...»²⁸⁵.

Наличие именно мощного культурного тренда в рамках каталонского национализма способствовало выработке защитного механизма, который помог каталонским националистам не только сохранить идентичность, но и потенциал, характерный для национализма как политического движения, претендующего на мобилизацию и направление масс. Культурные формы функционирования националистического дискурса не означали того, что он перестал быть сферой политического протеста. Националистический и антиавторитарный контент характерен для текстов Розы Леверони (1910 – 1985). В частности, для политического / поэтического нарратива Р. Леверони характерны настроения упадочности и кризиса, вызванные тем, что в условиях авторитаризма каталонский культурный дискурс не мог развиваться свободно, подвергаясь политической корректировке в соответствии с авторитарным политическим канонам. Вместо канала для выражения своего националистического и гражданского сентимента каталонские интеллектуалы превратили поэзию в сферу сожаления об упущенных возможностях. Вместо культивирования идентичности каталонские националисты оказались вынужденными «воспевать ангела, покой, улыбку, поцелуй и радость грезы»²⁸⁶.

Мощный националистический сентимент характерен и для творческого наследия одного из крупнейших поэтов Каталонии – Сальвадора Эсприу (1913 – 1985). Подобно другим каталонским интеллектуалам в годы франкизма, не имея возможности открыто выражать свои политические настроения, С. Эсприу облекал их в форму художественных текстов, как правило, стихов. Актуальными оставались и строки, написанные С. Эсприу в 1931 году: «ну конечно, ничего нового! Изю дня в день газеты повторяют давно надоевшую чепуху. За их громкими фразами – то любованье силой,

²⁸⁵ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – С. 102.

²⁸⁶ Леверони Р. Беспоконство / Р. Леверони // Леверони Р. Недосказанная мечта / Р. Леверони / пер. с катал. – СПб., 2004. – С. 27. Более поздние каталонские поэты, в частности – Давид Жоу – выражали в значительной степени аналогичные настроения, позиционируя поэзию как сферу политического участия. Д. Жоу, например, пишет, что именно поэзия «подарила свободу». См.: Жоу Д. К поэзии / Д. Жоу // Жоу Д. Слова из огня и пепла / Д. Жоу / пер. с катал. – СПб., 2004. – С. 19.

которым нас развлекают, пока на медленном огне зреет наше унижение. Народ без государства стремится создать государство, но ведь право на это нужно завоевать и тщательно оберегать его. Ни страх, ни мнимые интересы не могут оправдать пассивного благодушия. Короче говоря, слабому нигде и никогда не было и не будет снисхождения. Уловки властей сбивают нас с толку, и в конце концов мы почти всегда оказываемся в проигрыше. Один вид угнетения сменяется другим, порой еще более жестоким. ... До чего отвратительна чавкающая трясина лживых дифирамбов, фальшивого патриотизма, который постепенно вырождается в шовинизм ... Власть, наша извечная госпожа, охотно терпит и даже поощряет такие словесные излияния, так как они позволяют отвести душу на мелочах. Ну, а с крупными безобразиями мы миримся, поскольку давно разучились мыслить и действовать: от этих опасных занятий нас надежно ограждает правительство»²⁸⁷. В этих словах сокрыт мощный оппозиционный тренд, актуализирующий идею прав и свобод не только гражданина, но и нации, лишенной политической независимости. С другой стороны, то, что С. Эсприу мог позволить себе в начале 1930-х годов, во франкистской Испании было немислимо. Поэтому сфера политического и национального протеста С. Эсприу, как каталонского националиста, сместилась в сферу поэзии.

Значительное внимание поэт уделял сохранению каталанского языка, который был изгнан франкистами и кастильскими националистами из общественной жизни. Поэтому в одном из стихотворений С. Эсприу есть полные боли слова о трудности сбережения родного языка: «мы сохранили слова нашего языка, мой народ и я»²⁸⁸. В другом своем произведении С. Эсприу писал: «Среди вражды мы сберегали Слово. Плевал в лицо нам гаер площадной, а Слово было кровью, и родной язык взывал из времени былого»²⁸⁹. В ряде случаев деятельность каталонских националистов встречала у С. Эсприу весьма критические оценки: «Как ты сегодня, так же, как и ты, мы возводили на сыром песке тот замок, что давно слизнуло море своим собачьим влажным языком. Мы всё еще на кромке побережья, а вдоль воды проносится со свистом лохматый дым шальных товарняков, и кто-то вслед глядит прощальным взглядом. На башне Очарованных Блаженных тень часового чутко охраняет незыблемый покой своих господ. Как нищие слепцы, мы тычем палкой в сухой колодец обмелевших снов и ждем напрасно, что случится чудо. Ночные горы в клубуках тумана под своды тьмы уходят друг за другом. Вдали звонят – по нашим временам»²⁹⁰.

²⁸⁷ <http://www.ice-nut.ru/spain/spain121.htm>

²⁸⁸ Espriu S. My People and I / S. Espriu // http://www.escriptors.cat/autors/esprius/pagina.php?id_text=2576

²⁸⁹ Эсприу С. Спасибо и за то, что подают... / С. Эсприу // <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/2/esp.html>

²⁹⁰ Эсприу С. Как ты сегодня, так же, как и ты... / С. Эсприу // <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/2/esp.html>

По мнению С. Эсприу, каталонский национализм и методы борьбы против авторитарного режима нуждались в обновлении. В одном из своих текстов иносказательно он описал застой в каталонском движении, оказавшемся в плену прежних политических иллюзий и неспособного к радикальным переменам.

Для текстов С. Эсприу характерно наличие идеи пагубности франкизма и авторитаризма для Каталонии. Годы франкизма в поэтическом нарративе С. Эсприу – период упадка, невозможности свободного развития каталонского языка и культуры: «Дом и надежды около моря. Корма над волною. Свобода синих дорог, и корабль, на котором я был капитаном. Глаза мои знали пространство покоя и мерный порядок маленькой родины. Я должен тебе рассказать, как это страшно, когда об окно разбивается ливень! Отныне черная ночь нависла над нами. Черные скалы зияют зевом крушенья. Пленник песни, разве смогу повернуть я штурвал к рассвету? Около моря были мой дом и надежды»²⁹¹. В другом стихотворении С. Эсприу развивает похожие идеи: «присели у решетчатой калитки тишайшим летним вечером. Смеркалось. Фонарь светил растерянно и тускло, и медленно катился по оврагам далекий лай собак с окраин ночи. А ночь была во всем – в холмах и в звуке шагов, когда впотьмах случайный путник, приблизясь, обдавал неясным страхом. Один сказал: Я видел, как сегодня кружили низко ласточки над полем. К дождю, должно быть, – отозвался кто-то. А я прикрыл глаза и вдруг увидел всю вереницу милых мне умерших и понял, как пуста без них дорога, а дни идут и канут друг за другом в сыпучие, зыбучие пески»²⁹².

Франкистская диктатура, политические и национальные ограничения способствовали росту пессимизма в рамках культурного национализма в Каталонии. Обеспокоенный возможной ассимиляцией и уничтожением языка, С. Эсприу писал: «Нас память ведет по старому следу. Но в ущелье радости до сих пор мы не встретили новых колодцев, следа речушек или озер. В небе черно от ворон. Над пустыней жестокий напев безмолвие рвет: “За народ человек умирает, за ничто умирает народ”»²⁹³. В этом контексте образ прошлых ушедших поколений чрезвычайно важен. Вводя его в свои тексты, С. Эсприу стремился показать преемственность между различными поколениями каталонских националистов. С другой стороны, подобные настроения можно рассматривать как проявление уверенности автора в том, что каталонский политический национализм потерпел лишь временное поражение.

²⁹¹ Эсприу С. Около моря / С. Эсприу // <http://www.ice-nut.ru/spain/spain121.htm>

²⁹² Эсприу С. Присели у решетчатой калитки / С. Эсприу // <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/2/esp.html>

²⁹³ Эсприу С. Нас память ведет по старому следу / С. Эсприу // <http://www.ice-nut.ru/spain/spain121.htm>

Основы каталонского национализма во франкистской Испании поддерживались местными каталонскими националистами-интеллектуалами, в первую очередь – гуманитариями. Благодаря усилиям националистов-интеллектуалов в Каталонии доминировала не этноцентричная, а культурно-укорененная модель политической нации, определяемая Э. Смитом как «гражданская нация интеллигенции». Комментируя роль интеллектуалов в процессе поддержания и культивирования идентичности, британский исследователь указывает на ряд факторов, среди которых – территориальность («политическая благосклонность не просто к определенным границам, но к определенному пространственному и социальному размещению между другими нациями. Основой этой благосклонности является вера в важность места проживания и близости»), участие граждан («все национализмы, по крайней мере в теории, допускают активное участие всех граждан в националистической деятельности. На практике такое участие часто сурово ограничено. Для территориальных националистов настоящий вес имеет только активное участие всех граждан... это – форма территориального популизма, призыв... к каждому потенциальному гражданину нации»), идея гражданства («эта черта свойственная не только территориальным нациям... заметную роль играет в территориальных нациях и национализмах... гражданство используют не только для того, чтобы отметить членство в нации и отличать “нас” от “них”, а еще в большей степени для того, чтобы превзойти претензии конкурентных идентичностей») и гражданское образование («потенциально это важнейшая черта территориального национализма и идентичности, которую он пытается создать»²⁹⁴). В этом контексте каталонский национализм – классический пример национализма с доминирующими культурно-политическими трендами, основными форматорами которых выступали представители каталонского интеллектуального сообщества.

Каталонские национально ориентированные авторы во франкистской Испании осознавали всю глубину национального поражения в борьбе против франкизма. Поэтому, Каталония в Испании Ф. Франко предстает лишь как «отражение счастливого вчера»²⁹⁵, связанного, в том числе – и с каталанским языком. В период франкистской диктатуры языковой контент приобрел чрезвычайно важное значение для развития каталонского национализма, с одной стороны, и политики кастильского центра, с другой. От-

²⁹⁴ Сміт Е.Д. Національна ідентичність / Е.Д. Сміт. – К., 1994. – С. 124 – 125.

²⁹⁵ Леверони Р. Элегии мрачных дней / Р. Леверони // Леверони Р. Недосказанная мечта / Р. Леверони / пер. с катал. – СПб., 2004. – С. 89. Столь неаттрактивный образ Испании характерен и для политического нарратива более поздних каталонских авторов. Например, Давид Жоу пишет: «родился я в Испании. В те годы был запрещен язык и не было свободы, а были жертвы, были палачи». Жоу Д. Испания / Д. Жоу // Жоу Д. Слова из огня и пепла / Д. Жоу / пер. с катал. – СПб., 2004. – С. 45.

личная ситуация сложилась в рамках, например, французского националистического дискурса. Комментируя подобную особенность французского национализма, Э. Хобсбаум писал, что «в принципе язык не имел ничего общего с принадлежностью к английской или французской нации; французские же эксперты, как мы убедимся в дальнейшем, упорно отвергали всякую попытку превратить разговорный язык в критерий национальности: национальность, по их мнению, определялась исключительно французским гражданством. Язык, на котором говорили эльзасцы или гасконцы, не имел отношения к их статусу “членов французского народа”»²⁹⁶. Кастильские националисты, в отличие от французских, были более амбициозны, стремясь к полной унификации периферий, распространяя кастильскую политическую идентичность не только в виде испанского гражданства и популяризации идеи принадлежности к испанской политической нации, но и стремясь проводить политику полной унификации периферий в виде их унификации с кастильскоязычными регионами.

Во франкистской Испании каталонский национализм в качестве основного противника столкнулся с испанским вариантом авторитаризма. Как национализм, так и авторитаризм формируют различные политические культуры, а так же связанные с ними политические идентичности и лояльности. Лояльность режиму в значительной степени отличалась от лояльности идее нации. С другой стороны, сами концепты «нация» и «политический порядок» в неменьшей степени соотносились с проблемой легитимности. Каталонские националисты не ставили под сомнение легитимность существования каталонской нации в то время, как легитимность авторитарного политического режима вызывала среди националистов серьезные сомнения. Ослаблению официальной авторитарной модели идентичности и легитимности поспособствовали каталонские националистически ориентированные интеллектуалы. В рамках каталонского национализма во франкистской Испании авторитаризм превратился не просто в объект политической критики, но и едких насмешек, своеобразной националистической сатиры. В частности каталонский писатель Хесус Монкада писал о франкистах и их противниках почти как о различных биологических видах, иронизируя по поводу того, что «оба вида сосуществуют... с точки зрения анатомии неразличимы... размножаются одинаковым образом, орудия освоили одни и те же»²⁹⁷. В этой конкуренции легитимностей между национализмом и авторитаризмом второй постепенно начинает уступать свои позиции. Параллельно националистическая риторика находила не только понимание, но и поддержку среди каталонцев, что, вероятно, оказало значительно внимание на востребованность политических ценностей каталон-

²⁹⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – С. 34.

²⁹⁷ Монкада Х. Происхождение видов / Х. Монкада // Море и горы. Антология современного каталонского рассказа / ред. Е. Зернова. – СПб., 2006. – С. 103.

ского национализма в поставторитарной транзитной Испании во второй половине 1970-х – в 1980-е годы.

В каталонском поэтическом дискурсе франкистского периода как особой формой политического участия утвердился образ умирающей Каталонии, которая не выдерживает конкуренции со своими соседями; страны городов, «ностальгирующих по лесам»²⁹⁸, теряющих старые патриархальные традиции в условиях модернизации. В этой ситуации идеализировалась старая Каталония «деревенских домов»²⁹⁹. Каталония без свободы, Каталония в Испании Франко, по мнению националистически ориентированных каталонских интеллектуалов, превратилась в почти безжизненное пространство, «опустевший дом», в котором «некогда жильцами были жизнь и любовь, но как ослепший глаз окно показывает всю наготу печального жилища». Каталония «превратилась» в «сироту в саду растущей пальмы»³⁰⁰. Каталония в рамках подобного националистического дискурса трансформируется в несостоявшееся государство, которое «проживает жизнь среди химер, не замечая собственного счастья»³⁰¹, но, не утратив надежды на национальное освобождение и возрождение: «отныне у твоих мечтаний, вне всякого сомненья, цвет печали, ты будешь тосковать по саду детства, по опустевшему, покинутому дому»³⁰². С другой стороны, Р. Леверони полагала, что в случае сохранения национальной памяти и активной гражданской позиции каталонцев, национальная культура, традиции и язык будут сохранены: «иду по улице воспоминаний... мы – среди чужих людей – столь одиноки! Но все же остается пальма детства – залогом незабвенья и надежд»³⁰³. Подобные нарративы, вероятно, свидетельствуют о том, что поэтический дискурс функционировал как форма политического участия,

²⁹⁸ Леверони Р. Осень / Р. Леверони // Леверони Р. Недосказанная мечта / Р. Леверони / пер. с катал. – СПб., 2004. – С. 37.

²⁹⁹ Леверони Р. Деревенский дом / Р. Леверони // Леверони Р. Недосказанная мечта / Р. Леверони / пер. с катал. – СПб., 2004. – С. 39. Поэтические и политические наследники Р. Леверони в значительной степени трансформировали этот нарратив. Например, для каталонского поэта Д. Жоу Каталония – не умирающая, но расцветающая страна, которой он благодарен за «природу, язык и сладость доброго общенья». Давид Жоу сформулировал в своих текстах одновременно поэтический и политический лозунг в духе гражданского национализма: «я Каталонию встречаю как весну, и цель моя – стране своей служенье». См.: Жоу Д. Каталония / Д. Жоу // Жоу Д. Слова из огня и пепла / Д. Жоу / пер. с катал. – СПб., 2004. – С. 35.

³⁰⁰ Леверони Р. Опустевший дом / Р. Леверони // Леверони Р. Недосказанная мечта / Р. Леверони / пер. с катал. – СПб., 2004. – С. 73.

³⁰¹ Леверони Р. Беспокойство. – С. 27.

³⁰² Леверони Р. Опустевший дом. – С. 75.

³⁰³ Леверони Р. Опустевший дом. – С. 75.

протеста и выражения своего несогласия с политикой ассимиляции, проводимой Мадридом.

В рамках советской исследовательской традиции доминировали интерпретации, связанные с влиянием классовой борьбы на рост региональных национализмов. В частности, советские исследователи середины 1970-х годов полагали, что «подъем классовой борьбы способствовал возрождению националистических движений в Каталонии»³⁰⁴. Таким образом, в рамках советского научного дискурса доминировало социально маркированное восприятие антифранкистского протестного движения в Каталонии³⁰⁵. Феномен каталонского национализма был прочитан советскими исследователями в первую очередь как социальное, и во вторую – националистическое. На протяжении 1960-х годов каталонский национализм оперировал в первую очередь культурными и языковыми лозунгами в виду того, что выдвижение сугубо политических требований было осложнено. В условиях существования авторитарного режима дискурс национального и националистического «мигрировал» из сферы политику в сферу культуры. В рамках американской политологии высказывается мнение, что каталонский национализм функционировал в виде небольших неформальных объединений каталонских интеллектуалов, которые занимались «поддержанием ключевых компонентов каталонской идентичности», пытаясь одновременно стимулировать развитие каталонской версии «высокой» политической культуры³⁰⁶, что вело к конфронтации с Мадридом, кастильские элиты которого стремились унифицировать политический дискурс Испании, положив в его основу кастильскую модель. В этой ситуации интеллектуальное сообщество становится носителем националистической идеологии³⁰⁷.

Американская исследовательница Монсеррат Гуйбернау определяет стратегию каталонских националистов в сфере поддержки каталонской идентичности как «культурную резистенцию»³⁰⁸. Проявлением активиза-

³⁰⁴ См.: Караваев А.П. Подъем рабочего и общедемократического движения в начале 1960-х годов / А.П. Караваев // Испания, 1918 – 1972. Исторический очерк / ред. И.М. Майский. – М., 1975. – С. 422.

³⁰⁵ См. подробнее: Баранова Т.Н. Антифранкистское движение во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов / Т.Н. Баранова // Испания, 1918 – 1972. Исторический очерк / ред. И.М. Майский. – М., 1975. – С. 456.

³⁰⁶ Guibernau M. Nationalism and Intellectuals in Nations without States: the Catalan Case / M. Guibernau. – Barcelona, 2003. – P. 14.

³⁰⁷ Об этом процессе в теоретическом плане см.: *Els intellectuals i el poder a Catalunya (1808-1975)* / ed. J. Casassas. – Barcelona, 1999.

³⁰⁸ Guibernau M. Nationalism and Intellectuals in Nations without States. – P. 13. О феномене политической резистенции см.: Fabre J., Huertas J.M., Ribas A. *Vint anys de resistència catalana (1939 – 1959)* / J. Fabre, J.M. Huertas, A. Ribas. – Barcelona, 1978.

ции каталонского национализма стало издание 25 мая 1962 года манифеста, который подписали 115 представителей каталонской культуры и науки. В этом документе каталонские националисты выдвигали требования не только культурной и интеллектуальной либерализации, связанной со снятием ограничений на использование каталонского языка, но и выступали за начало политической демократизации. На протяжении второй половины 1962 года, а так же в 1963 году отношения между каталонскими националистами (консолидовавшимися вокруг преимущественно культурных организаций и научных институций, среди которых наиболее влиятельными были «Omnium Cultural», «Amics de la Poesia», «Estudi», «Miramar»³⁰⁹) и властями Испании в значительной степени ухудшились. Кастильские националистические радикалы, наблюдавшие усиление каталонского национализма, приняли решение первыми начать активные действия против своих конкурентов в Каталонии. В этой ситуации 22 декабря 1963 года кастильские радикалы в Барселоне совершили нападение на здание, где размещался штаб одной из каталонских националистических организаций. Полагая, что это приведет к усилению в Каталонии кастильских националистических трендов, кастильские радикальные националисты добились обратного: 23 декабря 1963 года в Барселоне состоялись митинги под каталонскими националистическими лозунгами, направленными на защиту каталанского языка и отмену ограничений, связанных с его использованием.

На протяжении 1940 – 1950-х годов Каталония подвергалась сознательной кастилизации. В этой ситуации каталонскими националистами кастильцы и кастильские националисты воспринимались как своеобразные «универсальные чужие». Комментируя использование образов «чужого» / «другого» Ивар Нойманн указывает на то, что «чужие», которые воспринимаются как «социологические маргиналы» играют важную роль «в формировании коллективной идентичности»³¹⁰. В 1960-е годы Мадрид пошел на некоторые уступки национально ориентированным интеллектуалам в Каталонии, разрешив изучение местного языка и истории. Комментируя важность языкового фактора для националистов, П. Чаттерджи полагает, что именно в сфере национального языка «нация провозглашает свою независимость»³¹¹, то есть трансформируется из традиционного сообщества в политическую нацию граждан, в том числе – граждан-националистов. С другой стороны, Мадрид жестко следил и контролировал, чтобы подобные научные изыскания не трансформировались в проявления политического и

³⁰⁹ Guibernau M. Nationalism and Intellectuals in Nations without States. – P. 18.

³¹⁰ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М., 2004. – С. 38.

³¹¹ Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает? / П. Чаттерджи // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 288.

националистического протеста, оставаясь в первую очередь этнологическими штудиями. В частности, в рамках подобной стратегии Мадрид разрешил крайне ограниченное использование преследуемого ранее каталанского языка, позволив некоторым периодическим изданиям, выходящим на территории Каталонии, публиковать материалы на каталанском языке. С другой стороны, подобные публикации не должны были составлять более 20 %³¹².

Фактическое признание каталонского языка со стороны Мадрида было признанием поражения кастильскими националистами, которые имели реальный шанс направить языковое воображение региональных интеллектуалов в нужном направлении, но в Испании этого не произошло. Комментируя языковой фактор в развитии национализма Б. Андерсон пишет, что «государственные языки – в процессе, который, по крайней мере вначале, был в основном незапланированным, приобретали все большую власть и все более высокий статус. Так, английский язык вытеснил из большей части Ирландии гэльский, французский припер к стенке бретонский, а кастильский отеснил на обочину каталанский. В таких государствах, как Британия и Франция, где к середине века по сугубо внешним причинам сложилось относительно высокое соответствие языка государства и языка населения, общее взаимопроникновение, на которое указывалось выше, не имело драматических политических последствий»³¹³. Кастильские националисты оказались не в состоянии провести лингвистическую и политическую кастилизацию этнически выделенных регионов, повторив националистический триумф английских и французских интеллектуалов-националистов. С другой стороны, подобная политика центра способствовала тому, что каталанский «язык стал главным маркером национальной идентичности»³¹⁴ в Каталонии. Поэтому, этнический и языковой регионализм составили основу националистической оппозиции авторитаризму, в том числе – и в Каталонии.

Радикализация кастильского национализма привела к возрождению организованного националистического движения в Каталонии, которое выдвигало не только культурно-языковые, но и политические лозунги. Радикализация каталонского национализма связана с появлением этнонационалистических тенденций. Комментируя рост этнического национализма в Европе 1970-х годов, Энтони Смит подчеркивает, что «даже на Западе среди старых европейских наций возродился этнонационализм... с конца 1960-х годов значительную часть Европы охватила волна националистиче-

³¹² Подробнее о языковой ассимиляции в Каталонии, точнее – ее попытках см.: Кожановский А.Н. Народы Испании во второй половине XX века. – С. 77.

³¹³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 98.

³¹⁴ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М., 2004. – С. 32.

ских движений, которые своей целью ставили автономию или создание независимого государства... волна этнонационализмов способствовала переоценке национальных идентичностей»³¹⁵. С другой стороны, каталонский национализм обретает черты протестного движения. В январе 1964 года каталонские националисты в преддверии празднования 25-летия взятия Барселоны франкистскими войсками уничтожили большинство плакатов и щитов, посвященных этому событию. В сентябре того же года в Барселоне вновь прошли демонстрации под каталонскими националистическими лозунгами.

Начало 1970-х годов было отмечено активизацией каталонского национализма. В 1970 году каталонские националисты вынудили Мадрид пойти на уступки: Комиссия по образованию и науки разрешила использовать каталанский язык в дошкольном и начальном образовании. Борьба за каталанский язык имела принципиальное значение для каталонских националистов. Комментируя роль языка в развитии националистических движений Г. Балакришан, подчеркивает, что «язык – это нечто хорошо знакомое и естественное; следовательно, в сознании большинства моноязычного человечества он глубочайшим образом связан с тем, кем по сути является человек, говорящий на нем... прочность подобных культурных образований обуславливает образ нации»³¹⁶.

В 1971 году в Барселоне состоялась каталонская ассамблея (*Assemblea de Catalunya*), в которой приняли участие представители различных политических партий – от левых (коммунисты и социалисты) до правых (христианские демократы, монархисты). В результате работы Ассамблеи каталонские националисты выработали программу, основные положения которой сводились к амнистии политических заключенных, возобновлению разрешению возвращения в Каталонию националистов из Европы и Америки, полному восстановлению гражданских прав и свобод, развитию сотрудничества между различными этническими группами Испании с целью реставрации демократии в регионе³¹⁷. Ассамблея прошла в атмосфере доминирования политической риторики, которая сочеталась с националистическими лозунгами³¹⁸. Все участники Ассамблеи, за исключением монархистов, указали на необходимость не только демократизации Испании, но и территориально-административной реформы, которая позволила бы Каталонии трансформироваться не в автономию, но независимую республику. Против этого предложения выступили представители монархический

³¹⁵ Сміт Е.Д. Національна ідентичність / Е.Д. Сміт. – К., 1994. – С. 133.

³¹⁶ Балакришан Г. Национальное воображение / Г. Балакришан // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 275.

³¹⁷ Guibernau M. Nationalism and Intellectuals in Nations without States. – P. 20.

³¹⁸ Об Ассамблее см. подробнее: Batista A., Playa Maset J. *La Gran Conspiració: crónica de l'Assemblea de Catalunya* / A. Batista, J. Playa Maset. – Barcelona, Empúries, 1991.

партий, указав на то, что наиболее оптимальным вариантом развития Каталонии в демократической Испании будет предоставление ей широкой автономии. В 1973 году Каталония пережила очередную националистическую волну³¹⁹, связанную с массовыми акциями протеста, участники которого требовали прекратить преследования каталанского языка.

К 1970-м годам каталонские националисты декларировали две задачи: сохранение каталонской идентичности и восстановление каталонской автономии. Вероятно, наибольшее значение имела идентичностная задача. Комментируя задачи, которые стояли перед каталонским и подобными ему националистическими движениями, британский исследователь Энтони Смит подчеркивает, что «в процессе народнокультурной мобилизации возникают новые отношения и коммуникации... там, где преобладали семейные и этнические способы передачи ценностей, символов, мифов и воспоминаний, а также сплочения новых поколений в пределах этих традиций, влияние народнокультурной мобилизации, осуществляемый интеллигенцией, должно было создать новый способ национальной коммуникации и сплочения, при котором этнические ценности, мифы и воспоминания становятся основой политической нации и политически мобилизованного сообщества... интеллектуалами в союзе с определенными классами создается новая национальная идентичность, которая распространяет реконструированную этническую народную культуру во все классы сообщества. Эта идентичность тоже имеет свои гражданские элементы; члены сообщества теперь превращаются в граждан политической этнонации и начинают определять себя и в сугубо территориальном аспекте... основой такого вида национальной идентичности остается верность корням; национальная идентичность, созданная интеллектуалами и интеллигенцией среди прежнего вертикального этнического сообщества, пытается не отступать от своей этнической культуры и этнических границ... этнический национализм создает политическую нацию»³²⁰.

Опасаясь усиления не только каталонского национализма, но и появления альтернативных гражданских и этнонаций, Мадрид пошел на крайне ограниченные уступки: не разрешив преподавание каталанского языка в государственных школах, бала прекращена практика преследования пре-

³¹⁹ Российский исследователь Испании А.Н. Кожановский полагает, что подобные процессы можно определить как «этнизующие волны». См.: Кожановский А.Н. Испанский случай: этнические волны и региональные утесы / А.Н. Кожановский // Национализм в мировой истории / ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – М., 2007. – С. 246. Автор настоящей работы считает, что сам термин «этнос» связан в большей степени с советской этнографической наукой и не соответствует испанской специфике. Вероятно, корректнее анализировать политические нации на территории Испании и соответственно волны различных национализмов – как политических, так и этнических.

³²⁰ Сміт Е.Д. Національна ідентичність. – С. 138.

подавания и изучения каталанского частным образом. Эрик Хобсбаум, комментируя подобный маневр правящего большинства в отношении недоминирующего меньшинства, подчеркивает, что «на деле обучение на языках, отличных от стандартного национального языка, традиционно отдавалось на откуп частным инициативам»³²¹. Подобные уступки были частично вызваны и озабоченностью центра относительно того негативного и неаттрактивного имиджа Мадрида, который складывался в регионах, в том числе – и в Каталонии, где кастильцы «опрокидывали порядок просто потому, что они – другие»³²². Демократизация или приверженность демократическим лозунгам занимают традиционно важное место в идеологическом арсенале политического (гражданского) национализма. В связи с этим Э. Хобсбаум подчеркивает, что «сам по себе процесс демократизации помогал государствам и правительствам разрешить чрезвычайно важную проблему, а именно приобрести легитимность в глазах своих граждан, даже если последние имели причины для недовольства. Этот процесс мог усилить и даже заново создать чувство государственного патриотизма»³²³.

Демократизация политического режима в позднефранкистской Испании была поверхностной и незначительной. Тем не менее, ограниченная модернизация воспринималась кастильскими националистами как возможность консолидировать националистический дискурс в Испании, сделав его более интегрированным и способным реагировать на вызовы со стороны периферийных региональных национализмов. Восприняв языковые уступки центра как проявление слабости Мадрида, представители каталонского националистически ориентированного интеллектуального сообщества³²⁴, самостоятельно (без согласия центральных властей) инициировали использование каталанского языка в общеобразовательной школе. Подобный шаг свидетельствовал о значительной радикализации каталонского националистического дискурса, теоретики и форматоры которого в условиях начавшего кризиса франкистского режима пошли на открытое противостояние с кастильскими элитами, что свидетельствовало об их устремлениях сменить свой статус с маргинального меньшинства на политическую элиту регионального уровня.

К середине 1970-х годов каталонский националистический дискурс обрел значительный политический опыт, что вело к его постепенно трансформации в политический контр-дискурс, который начинает более активно

³²¹ Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность / Э. Хобсбаум // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С. 37.

³²² Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М., 2004. – С. 45.

³²³ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – С. 143.

³²⁴ Об интеллектуалах и их роли в развитии национализма см.: Gouldner A. The future of intellectuals and the rise of the New Class / A. Gouldner. – L., 1979.

противостоять доминировавшему на том этапе в Испании кастильскому политическому и этническому национализму. Параллельно с формированием контр-дискурса каталонские интеллектуальные сообщества становятся реальной политической силой в регионе, что выражалось в их трансформации в «потенциальную элиту»³²⁵. В этой ситуации каталонские интеллектуалы-националисты начинают тяготиться подобным статусом, осознавая, что окончательное превращение из элиты потенциальной в правящую остается исключительно вопросом времени на фоне углубления кризисных тенденций в развитии авторитарного режима. Ко второй половине 1970-х годов каталонские националисты начали предъявлять свои претензии на участие в политических процессах в Каталонии, добившись разрешения использовать каталанский язык в государственных учреждениях в качестве языка обращения.

С другой стороны, Мадрид настоял на сохранении кастильского в качестве единственного языка делопроизводства. Кроме этого каталонские националисты добились разрешения записывать имена в документах не в кастильской, а в каталонской форме, что свидетельствовало, во-первых, о том, что ассимиляционистские мероприятия Мадрида не принесли существенных результатов, и, во-вторых, об этнизации каталонского националистического дискурса, который временно с политических вопросов переключился на проблемы, связанные с этничностью и идентичностью, а именно – на каталанский язык.

В этом контексте очевидна еще одна, модернизирующая, функция каталонского национализма. Комментируя связь национализма и модернизационных процессов Й. Тамир полагает, что «будучи наиболее действенной силой модернизации, он сумел связать задачу модернизации с обещаниями стабильности и преемственности... национализм создавал ощущение безопасности и близости, столь необходимое в мире, переживающем стремительные перемены. Он облакал модернизацию в старую и знакомую одежду и делал ее привлекательной для тех, кого она могла испугать»³²⁶. В испанском случае на позднем этапе правления Ф. Франко мы можем констатировать кризис модели испанской политической нации и идентичности в ее авторитарной версии. В условиях кризиса испанского проекта как кастильского испанская нация-государства не смогла справиться с вызовами региональных национализмов, которые были не только протестными движениями, но и источниками перемен.

Модернизационный контент национализма состоял в том, что националистическое движение выступало как фактор не только социальных, но и политических изменений. Национализм выступал не только как фактор

³²⁵ Guibernau M. Nationalism and Intellectuals in Nations without States. – P. 16.

³²⁶ Тамир Й. Класс и нация / Й. Тамир // <http://magazines.russ.ru/logos/2006/2/ta3.html>

формирования идентичности и возникновения идеи политической (гражданской) нации. Связь национализма и демократии неоднократно подчеркивалась исследователями. Грузинский политолог Гия Нодиа³²⁷ и российский исследователь В.С. Малахов солидарны в том, что «национализм и демократию можно разделить лишь теоретически – практически они, как правило, неразделимы»³²⁸. Национализм оказался мощным фактором политических перемен, в том числе и демократизации. Национализм в Каталонии сыграл свою роль не только в деконструкции официального авторитарного франкистского дискурса, но и в формировании политически альтернативной модели, основанной в одинаковой степени на идеях, как политического национализма, так и гражданских свобод, то есть тех ценностей, которым в рамках официального дискурса в Испании до середины 1970-х годов не было места.

³²⁷ Nodia G. Nationalism and Democracy / G. Nodia // Nationalism, Ethnic Conflict, and Democracy / eds. L. Diamond, M. Plattner. – Baltimore – L., 1994. – P. 3 – 20.

³²⁸ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов. – М., 2005. – С. 132.

ГЛАВА 3

КАТАЛОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ

§ 1. Каталонский национализм в транзитном обществе

Новый этап в развитии националистического дискурса в Каталонии начинается со смертью Ф. Франко, хотя первые попытки заявить о том, что политику Центра в отношении регионов следует менять, имели место и ранее³²⁹. «Все тираны и диктаторы рано или поздно обнаруживают, что подавление общественного недовольства приносит плоды лишь до определенного момента и медленная эрозия их власти неизбежно открывает дорогу демократии...»³³⁰, – подчеркивает польский исследователь П. Штомпка. Демократизация в Испании стала возможной не только благодаря смерти Ф. Франко, но и в контексте кризисных тенденций, которые начали доминировать в рамках кастильского национализма, связанного с правыми политическими идеологиями столь востребованными в 1940 – 1960-е годы и ставшими столь же неаттрактивными в глазах испанских граждан во второй половине 1970-х годов. Анализируя кризис кастильского националистического дискурса, американский политолог Х. Линц полагает, что он оказался настолько глубоким, что от Мадрида, традиционно ассоциируемого с кастильским национализмом, отвернулись ранее лояльные центру региональные политические элиты³³¹.

С другой стороны, кризисные тенденции в рамках кастильского национализма привели к активизации региональных национализмов. В связи с этим норвежский американский политолог Ивар Нойманн указывает на то, что «затяжная гегемония национализма делает коллективные идентичности, основанные на этническом принципе, особенно подверженными по-

³²⁹ Gonzales Cezanova J.A. Catalunya en la España moderna / J.A. Gonzales Cezanova // DB. – 1977. – Agosto 2.

³³⁰ Штомпка П. Социология социальных изменений. – С. 22.

³³¹ Линц Х. Испанская демократия и государство автономий / Х. Линц // КФ. – 2007. – № 3 – 4. – С. 155. См. также докторскую диссертацию Питэра Энтони Эрцеговаца, посвященную аналогичным процессам в Ирландии, Стране басков и Хорватии, защищенную в 1998 году, но сохраняющую свою актуальность и в настоящее время. См.: Ercegovac P.A. Competing National Ideologies, Cyclical Responses: the Mobilisation of the Irish, Basque and Croat National Movements to Rebellion Against the State / P.A. Ercegovac. – University of Sydney, 1998. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy. Department of Government and Public Administration.

литизации»³³². В Каталонии второй половины 1970-х годов политизации способствовала в большей степени не каталонская идентичность, а ее либерализация, вылившаяся в политизацию. Смерть диктатора и демократизация испанского общества³³³, которая за ней последовала, позволили региональным элитам, в том числе и каталонским националистам, подобно националистам в других регионах Испании³³⁴, существенно расширить сферу своей активности, вновь став полноправными участниками политического процесса.

Начало политической демократизации Испании было воспринято каталонскими националистами как возможность восстановления статуса автономии, утраченного в годы существования франкизма³³⁵. С другой сто-

³³² Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М., 2004. – С. 30.

³³³ Настоящий раздел не является специальным исследованием, посвященным проблемам политического транзита в Испании. Проблемы транзита затрагиваются в контексте развития каталонского национализма. О транзите в Испании см.: Barrera C. Sin mordaza. Veinte años de prensa en democracia / C. Barrera. – Madrid, 1995; Guillamet J. Premsa, franquisme i autonomia. Crònica catalana de mig segle llarg (1939-1995) / J. Guillamet. – Barcelona, 1996. О демократизации в теоретическом плане см.: Ростой Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д.А. Ростой // Полис. – 1996. – № 5. – С. 5 – 15; Шмиттер В. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / В. Шмиттер // Полис. – 1996. – № 5. – С. 16 – 27; Харитонов О.Г. Генезис демократии (попытка логики реконструкции транзитологических моделей) / О.Г. Харитонов // Полис. – 1996. – № 5. – С. 70 – 79. Вероятно, следует признать классическим исследование политического транзита, выполненное американскими авторами Хуаном Линцем и Алфредом Степаном. См.: Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe / J. Linz, A. Stepan. – Baltimore – L., 1996. В период работы над настоящим исследованием автор использовал сербский перевод, в рамках которого шестая глава посвящена политическому транзиту в Испании. См.: Linc H., Stepan A. Demokratska tranzicija i konsolidacija. Južna Evropa, Južna Amerika i postkomunistička Evropa / H. Linc, A. Stepan. – Beograd, 1998. – S. 113 – 142.

³³⁴ Fernández J.M. Convèrgencia Democràtica de Catalunya i el món sindical (1974 – 1990) / J.M. Fernández. – Barcelona, 2006 (Universitat de Barcelona, Tesis Doctoral). – 595 p.; Pérez Nieto E.G. El partido Andalucista: origen y evolución de un partido regionalista / E.G. Pérez Nieto. – Granada, 2006 (Universidad de Granada, Tesis Doctoral). – 339 p.

³³⁵ О политических дискуссиях относительно судьбы Каталонии во второй половине 1970-х годов см.: Alba V. Els problemes del moviment obrer a Catalunya / V. Alba. – Barcelona, 1977. Аналогичные настроения существовали и в других регионах. О развитии политического и культурного регионализма и регионально маркированного национализма в Испании см.: Pérez Nieto E.G. El Partido Andalucista. Origen y evolución de un partido regionalista / E.G. Pérez Nieto. – Granada, 2006. Tesis Doctoral. Universidad de Granada.

роны, демократизация дала националистам возможность вновь вернуть каталонский язык в сферу государственного управления, а так же образования. После смерти испанского диктатора страна столкнулась с новыми вызовами – региональными национализмами³³⁶, а так же с кастильским национализмом и регионализмом. Во второй половине 1970-х годов, в ранний период демократизации, в Каталонии состоялось своеобразное националистическое возрождение³³⁷, а в стане националистов царил эйфория. Волна каталонского национализма оказалась настолько мощной, что захлестнула не только национально ориентированные партии и движения в Каталонии, но и группировки, имевшие ярко выраженную идеологическую основу, например – левых.

В развитии каталонского националистического дискурса в постфранкистской Испании, переживающей процесс политического транзита, демократизации³³⁸, следует выделять несколько этапов, а именно: 1) вторая половина 1970-х – первая половина 1980-х годов – восстановление автономии Каталонии и активизация каталонского национализма; 2) вторая половина 1980-х годов – период относительной стагнации националистического каталонского дискурса; 3) 1990-е годы – период очередного националистического ренессанса на фоне всеевропейской активизации националистических движений; 4) 2000-е годы – активизация националистического дискурса в контексте вызовов глобализации и актуализации идеи создания национального и независимого каталонского государства. В российской политологической литературе неоднократно высказывалось мнение, что дискриминационная политика со стороны авторитарного режима Ф. Франко стала мощным стимулом для активизации националистических движений в транзитном испанском обществе второй половины 1970-х – начала

³³⁶ О региональных националистических движениях в Испании в период демократизации см.: Aguilar Fernández P. *Política y ética, memoria e historia: las peculiaridades del caso vasco en el contexto español* / P. Aguilar Fernández. – [n.p.], 1998. – 25 p.; Linz J.J. *Conflicto en Euskadi* / J.J. Linz. – Madrid, 1986; Llera F.J. *Postfranquismo y Fuerzas Políticas en Euskadi. Sociología Electoral del País Vasco* / F.J. Llera. – Bilbao, 1984

³³⁷ О феномене роста национализма в Каталонии во второй половине 1970-х годов см.: Acosta Sanches J. *Andalucía. Reconstrucción de una identidad y la lucha contra centralismo* / J. Acosta Sanches. – Barcelona, 1978.

³³⁸ Относительно завершенности процессов демократизации в Испании в политологической литературе высказываются различные точки зрения. Например, российский политолог И.М. Бусыгина в 2003 году указывала на то, что переход не закончен в виду того, что процессы трансформации централизованного государства и закрепление «собственной модели децентрализованного государства» не завершены. См.: Бусыгина И.М. *Практика территориально-политического строительства в Испании и России: попытка сравнительного анализа* / И.М. Бусыгина // КФ. – 2003. – № 3. – С. 32.

1980-х годов. Каталония имела и другие стимулы для реанимации политического регионализма.

К середине 1970-х годов Каталония принадлежала к числу наиболее развитых и модернизированных в плане экономического развития регионов Испании, где после смерти Ф. Франко политические партии начинают формироваться и развиваться более динамичными темпами³³⁹. Относительно высокие экономические показатели сочетались с развитой региональной культурной и языковой традицией. Иными словами националистические устремления каталонских регионалистов-националистов, в отличие от интеллектуалов других регионов, имели не только политические и чисто идеологические, но и экономические основания. Тем не менее, определяющим фактором были не экономические, а идентичностные, связанные с существованием каталонской нации – как в политическом, так и этническом смысле³⁴⁰. В этом контексте регионалистское движение в Каталонии и участие каталонских националистов в преобразовании политического пространства испанской государственности, активное включение Каталонии в процесс регионализации Испании было комплексным процессом в виду того, что каталонская регионализация³⁴¹ в отличие от других

³³⁹ О партийной системе в Испании на раннем этапе демократического транзита см.: Linz J.J. *El sistema partitico spagnolo* / J.J. Linz // *RItSP*. – 1978. – Vol. VIII. – No 3. – P. 363 – 414.

³⁴⁰ В этом контексте предположение известного российского испаниста А.Н. Кожановского о том, что каталонцы – это «народ-этнос» и «этническая общность, ареал расселения которой поделен между несколькими странами» (Кожановский А.Н. *Испанский случай: этнические волны и региональные утесы* / А.Н. Кожановский // *Национализм в мировой истории* / ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – М., 2007. – С. 229), выглядят методологически устаревшим и неубедительным (сам термин «народ-этнос» является искусственным, если не абсурдным) и политически некорректным (насколько в праве российский, то есть иностранный, исследователь, сводить до уровня «этнической общности» то сообщество, которое само позиционирует себя в качестве нации). В этом контексте автор отдает себе отчет в том, что используемая им методология в корне отлична от той, которой придерживается значительная часть представителей исследовательского сообщества в России. С другой стороны, А.Н. Кожановский признает и то, что при изучении Испании «подходы Ф. Барта и Б. Андерсона оказываются значительно более плодотворными» чем... «трактовки с использованием научного инструментария исследователей-примордиалистов» (Кожановский А.Н. *Испанский случай: этнические волны и региональные утесы*. – С. 257). Вопрос о том, в какой степени советская и постсоветская нормативная историография (к которой принадлежит и А.Н. Кожановский) отличны от примордиализма является дискуссионным.

³⁴¹ О процессе регионализации в Испании и в Европе см.: Botella J. *The Spanish "New" Regions: Territorial and Political Pluralism* / J. Botella // *IPSR*. – 1989. – Vol. 10. – No 3. – P. 263 – 271; García de Enterría E. *El futuro de las autonomías*

испанских региональных национализмов была не только процессом националистического возрождения, инспирированного националистами-интеллектуалами, но и имела объективные социальные и экономические основания.

Осознав усиление каталонского национализма, опасаясь того, что националисты окажутся в состоянии самостоятельно конструировать и выстраивать политический дискурс в регионе, Мадрид в 1975 году предпринял первые шаги к ограниченной институционализации каталонского националистического дискурса в контексте политической демократизации в Испании в целом и в рамках попыток решения территориальных проблем³⁴². В частности в декабре 1975 года Хуан Карлос, который приступил к исполнению обязанностей главы государства, заявил о том, что создание автономий может оказать позитивное влияние на развитие Испании. В феврале 1976 года в Испании была создана специальная комиссия, призванная разработать план административной реформы для четырех провинций, которые входили в каталонский языковой ареал³⁴³. Подобные мероприятия со стороны мадридских элит в Каталонии были встречены весьма скептически, что привело к активизации местного радикального каталонского национализма и началу в 1976 году массовых демонстраций, которые проходили под националистическими каталонскими и антимадридскими лозунгами.

territoriales / E. García de Enterría // España: Un presente para el futuro. – Madrid, 1984. – Vol. II. Las instituciones. – P. 99 – 120; Ježić M. Nešto kulturoloških razmišljanja o regionalizmu u Hrvatskoj i Evropi / Mislav Ježić // DI. – 1992. – Br. 1. – S. 13 – 24; Montero J.R., Torcal M. Autonomías y Comunidades Autónomas en España: Preferencias, dimensiones y orientaciones políticas / J.R. Montero, M. Torcal // REP. – 1990. – No 70. – P. 33 – 91; Morata Fr. Institucionalización y rendimiento político del estado autonómico / Fr. Morata // REP. – 1992. – No 76. – P. 255 – 297; Vallés J.M., Cuchillo M. Decentralisation in Spain: a review / J.M. Vallés, M. Cuchillo // EJPR. – 1988. – Vol. 16. – No 3. – P. 395 – 407.

³⁴² О демократизации как факторе развития национализма в теоретическом плане см.: Kymlicka W. Federalismo, nacionalismo y multiculturalismo / W. Kymlicka // RIFP. – 1996. – No 7. – P. 20 – 54; Schwarzmantel J. Nacionalismo y democracia / J. Schwarzmantel // RIFP. – 1994. – No 3. – P. 18 – 38; Edwards S. Reconstructing the Nation: The Process of Establishing Catalan Autonomy / S. Edwards // Parliamentary Affairs. – 1999. – Vol. 52. – No 4. – P. 666 – 676.

³⁴³ О языковом факторе в развитии каталонского национализма в транзитном обществе см.: Guardiola C. Per la llengua. Llengua i cultura als països catalans / C. Guardiola. – Barcelona, 1980; Laitin D.D. Linguistic Revival: Politics and Culture in Catalonia / D.D. Laitin // Comparative Studies in Society and History. – 1989. – Vol. 31. – No 2. – P. 297 – 317. Shabad G., Gunther R. Language, Nationalism, and Political Conflict in Spain / G. Shabad, R. Gunther // Comparative Politics. – 1982. – Vol. 14. – No 4. – P. 443 – 477.

В этой ситуации резкой активизации националистического дискурса Мадрид был вынужден в 1977 году пойти, с одной стороны, на институционализацию отношений пост-франкистских элит с политической оппозицией, что нашло свое выражение в принятии т.н. пактовой модели³⁴⁴, и, с другой, на организацию демократических выборов, результаты которых продемонстрировали, что в Каталонии усилились политические партии, выступавшие за восстановление каталонской автономии. Во второй половине 1970-х годов усиление каталонского национализма³⁴⁵ стало настолько очевидно для Мадрида, что политические элиты центра более не решались затягивать решение проблем, связанных с территориальным статусом Каталонии, местные элиты³⁴⁶ которой проявляли не только большую активность, но и демонстрировали свою готовность самостоятельно конструировать политическое пространство в регионе. С другой стороны, процесс политической демократизации испанского общества и модернизации политической системы, начавшийся во второй половине 1970-х годов было невозможен без решения территориальных проблем³⁴⁷.

В середине 1990-х годов российский политолог И.В. Данилевич полагал, что вынужденные уступки Мадрида регионам стали сознательно попыткой минимизировать негативные последствия «возникновения проблем в национальной сфере»³⁴⁸, которые сложились в рамках функционирования системы «центр – периферия», в которой столица играла роль центра, а ре-

³⁴⁴ В конце 1977 года правящие элиты и представители политической оппозиции подписали во дворце Монклоа пакт (т.н. «пакт Монклоа»), касавшийся правил политического действия и участия в транзитной Испании. См.: Данилевич И.В. Государство и институты гражданского общества в период перехода от авторитаризма к демократии (Чили, Португалия, Испания) / И.В. Данилевич. – М., 1996; Хенкин С.М. Политика пакта: испанские иллюстрации / С.М. Хенкин // Полис. – 1996. – № 5. – С. 129 – 135. О раннем этапе демократического транзита в Испании см.: Фадеев Д.А. Опыт политики переходного периода. Испания после Франко / Д.А. Фадеев // Полис. – 1991. – № 5. – С. 121 – 127. О пактовой модели см.: Sanchez O. Beyond Pacted Transitions in Spain and Chile: Elite and Institutional Differences / O. Sanchez // Democratization. – 2003. – Vol. 10. – No 2. – P. 65 – 86.

³⁴⁵ О каталонском национализме на раннем этапе политического транзита см.: Vilar P. La Catalogne dans L'Espagne moderne / P. Vilar. – Paris, 1977; Vilar P. Cataluña en la España moderna / P. Vilar. – Barcelona, 1978.

³⁴⁶ О политических элитах в контексте политического транзита в Испании и развитии региональных национализмов см.: Sorbets C. Elites politiques, elections locales et partis politiques / C. Sorbets. – Barcelona, 1993. – 16 p.

³⁴⁷ О демократизации в Испании см. подробнее: Хенкин С.М. Испания после диктатуры (социально-политические проблемы перехода к демократии) / С.М. Хенкин. – М., 1993.

³⁴⁸ Данилевич И.В. Автономизация Испании / И.В. Данилевич // Полис. – 1995. – № 5. – С. 121.

гионы выступали в качестве политических аутсайдеров³⁴⁹. 29 сентября 1977 года правительство А. Суареса приняло декрет-закон, который привел к созданию на территории Каталонии Исполнительного Комитета, что стало первым шагом на пути к восстановлению каталонской автономии³⁵⁰. После этого в Каталонии было создано собственное правительство, которому перешла часть прерогатив центра. Разделение полномочий между политическим центром и сложившимися политическими и культурными регионами³⁵¹, создание в них действительно автономного местного самоуправления с собственными конституционными актами и политическими институтами в подобной ситуации воспринималось как элемент политики демократизации. Полномочия местной каталонской администрации оставались ограниченными: Каталония была лишена права самостоятельно формировать свои представительные органы, что резко сужало сферу влияния каталонских националистов. При этом столь ограниченные меры Мадрида не предохранили Каталонию от доминирования националистических партий – они лишь отсрочили политический триумф каталонского национализма.

С другой стороны, уступки Мадрида 1977 года не означали полного восстановления автономии для Каталонии: для региона наступил период т.н. «предавтономии» в виду того, что автономный статус мог быть институционализирован только после принятия новой Конституции. Вероятно, на этапе предавтономии Каталония может быть интерпретирована в категориях квазигосударственности: в регионе авторитарное наследие играло существенную роль в политической жизни, возросло значение фактора национализма в политических процессах. С другой стороны, важнейшим фактором, который способствовал выделению Каталонии и регионализации испанского политического пространства был, вероятно, географиче-

³⁴⁹ В теоретическом плане об этом см.: Karatani K. *Beyond Capital-Nation-State* / K. Karatani // RM. – 2008. – Vol. 20. – No 4. – P. 569 – 595.

³⁵⁰ Об автономизации и территориальной реформе в контексте демократического транзита во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов см.: Losada A. *National identity and self-government in Spain: The Galician case* / A. Losada // NEP. – 1999. – Vol. 5. – No 3. – P. 142 – 163; Parks J., Elcock H. *Why do regions demand autonomy?* / J. Parks, H. Elcock // RFS. – 2000. – Vol. 10. – No 3. – P. 87 – 106; Santacana Torres C. *Política y ordenación territorial en Cataluña durante la transición y la autonomía* / C. Santacana Torres // АНС. – 2004. – No 20. – P. 223 – 236; Vilar J., Gonzalez Martinez C. *Constitución y Territorio en la España Contemporánea* / J. Vilar, C. Gonzalez Martinez // АНС. – 2004. – No 20. – P. 13 – 20.

³⁵¹ В теоретическом плане об отношениях центра и периферии см.: Maiz R. *Democracy, federalism and nationalism in multinational states* / R. Maiz // NEP. – 1999. – Vol. 5. – No 3. – P. 35 – 60; Oliveira S.M. *Discourses of Identity at the Spanish / Portuguese Border: Self-Identification Strategies of Centre and Periphery* / S.M. Oliveira // NI. – 2002. – Vol. 4. – No 3. – P. 245 – 256.

ский фактор в виду того, что в функционировании квазигосударственных акторов значительную роль играет «преимущественно географическая обусловленность существования данного политического образования»³⁵². Во второй половине 1970-х годов правящие элиты предприняли шаги, направленные на то, чтобы допустить институционализацию политического регионализма, связанного с региональными национализмами, в наименьшей степени. Именно поэтому не произошло возвращения в конституционной модели 1930-х годов, которая фактически предусматривала федерализацию Испании.

Именно в результате политических маневров кастильских элит, которые вынужденно лавировали между кастильскими национализмом и региональными националистическими вызовами, была принята новая испанская Конституция, ставшая, по мнению американского политолога Хуана Линца, успешной попыткой создания «новой демократии и нового типа государства»³⁵³. Одной из центральных идей Конституции стала идея существования в Испании политической испанской нации. Именно поэтому преамбула к Конституции открывается от имени «испанской нации». Именно эта испанская нация в первой статье Конституции фигурирует как «носитель национального суверенитета и источник государственной власти», оставляя за абстрактным политическим сообществом решение принципиально важных вопросов и увязывая именно с ним функционирование регионов, обладающих значительной спецификой. С другой стороны, авторы Конституции были вынуждены признать, что наряду с испанцами, как политической нацией, на территории Испании проживают и другие народы. Вместе с тем, во второй статье делались значительные уступки регионам, которым гарантировалась автономия при сохранении политического и территориального единства Испании. Испанская Конституция выдержана в первую очередь в интересах политического центра и связанных с ним кастильскоязычных регионов. Об этом свидетельствует третья статья Конституции, которая в качестве государственного языка объявляет кастильский, указывая на то, что «все испанцы обязаны его знать». Остальные языки, согласно Конституции, не имеют общегосударственного статуса, являясь «официальными в соответствующих автономных сообществах»³⁵⁴.

³⁵² Лукичев П.Н., Скорик А.П. Квазигосударственность / П.Н. Лукичев, А.П. Скорик // Полис. – 1994. – № 5. – С. 139 – 142.

³⁵³ Линц Х. Испанская демократия и государство автономий / Х. Линц // КФ. – 2007. – № 3 – 4. – С. 147.

³⁵⁴ О региональных языках и языковых правах в Испании см. подробнее: Poggeschi G. The linguistic struggle in the Almost Federal Spanish System / G. Poggeschi // The Constitutional and political Regulation of Ethnic Relations and Conflicts. – Ljubljana, 1999. – P. 313 – 324; Poggeschi G. Linguistic Rights in Spain / G. Poggeschi // Minority Rights in Europe. European Minorities and Languages. – Hague, 2001. – P. 85 – 102.

Четвертая статья разрешила Автономным Сообществам использование своей собственной символики при условии равноправного представления в ней в общественных местах и государственных учреждениях общенациональной испанской символики.

Важность Конституции состояла в том, что она фактически легализовала националистическое движение в Каталонии, позволив ему институционализироваться в виде политических партий. Это стало возможным в силу шестнадцатой статьи Конституции, гарантировавшей «свободу идеологии». Несмотря на то, что Конституция Испании не провозглашает страну федерацией³⁵⁵, в тексте Основного Закона присутствуют элементы асимметричного федерализма. Хорватский исследователь В. Катуранич полагает, что процесс демократизации, с одной стороны, активизация национальных движений, с другой, привели к трансформации Испании в «полуфедерацию», для которой характерны тенденции децентрализации³⁵⁶. С другой стороны, следует принимать во внимание, что в испанской политологии Испании интерпретируется не как страна с элементами федерализма в территориальном устройстве, но как составное государство³⁵⁷. Статья 137 Конституции Испании предусматривает существование на ее территории муниципий, провинций и Автономных Сообществ³⁵⁸, которые обладают различными правами. С другой стороны, статья 138 указывает на то, что различный статус провинции и Автономного Сообщества не наделяет последнее экономическими преимуществами перед первым. Согласно Конституции, условием для создания Автономного Сообщества наличие общих черт в языке, культуре и традиции провинций, образующих АС. При этом Статья 145 значительно ограничила права АС, запретив им объединяться в федерации в рамках Испании. Статья 148, тем не менее, разрешала АС развивать и поддерживать собственные языки, традиции и культуры, отличные от кастильского языка и традиций.

³⁵⁵ Об этом аспекте испанского права в контексте политической регионализации см.: Gerre Landín M. Las Comunidades Autónomas en la Constitución española de 1978 / M. Gerre Landín // RJC. – 1979. – No 2. – P. 53 – 86.

³⁵⁶ Katunarić V. Centar, periferija i regionalizam: “tvrda” europska postmoderna / V. Katunarić // DI. – 1992. – Br. 1. – S. 9.

³⁵⁷ См. подробнее: Вернье Ж. Испания как составное государство / Ж. Вернье // КФ. – 2003. – № 3. – С. 61 – 76. См. так же: Ardittis S. Belgijski federalni put / S. Ardittis // МР. – 1998. – Vol. 50. – No 3 – 4. – S. 413 – 421; Moreno L., Arriba A., Serrano A. Multiple identities in decentralized Spain: The case of Catalonia / L. Moreno, A. Arriba, A. Serrano // RFS. – 1998. – Vol. 8. – No 3. – P. 65 – 88.

³⁵⁸ Об АС в теоретическом плане см.: Арбос Марин К. Отношения между государством и автономными сообществами / К. Арбос Марин // КФ. – 2003. – № 3. – С. 77 – 87; Роман Мартин Л. Учредительная система автономных сообществ / Л. Роман Мартин // КФ. – 2003. – № 3. – С. 88 – 98; Ажа Т. El sistema juridico de las Comunidades Autonomas / Т. Ажа – Madrid, 1986.

После принятия новой испанской Конституции в Каталонии началась разработка автономного статута, а 25 октября 1979 года в регионе прошел референдум, утвердивший Статут³⁵⁹. Статут АС Каталонии выдержан в духе умеренного политического каталонского национализма. В преамбуле Статута доминирует идея континуитета и непрерывности в развитии государственной и политической традиции в Каталонии. Основной текст Статута открывается с декларации того, что Каталония и каталонцы являются национальностью, институционализированной в Автономное Сообщество в соответствии с Конституцией Испании. Националистический контент заметен в Статье 3 Статута, которая объявляет каталонский язык на территории Каталонии официальным наряду с испанским, который, согласно Статуту, является официальным в Испании. В этом контексте проводится идея отделенности Каталонии от Испании: если не политической, то языковой и культурной. Статут легализовал и политические символы каталонского национализма – флаг, состоящий из четырех красных полос на желтом фоне. Статья 29 Статута в значительной мере способствовала институционализации каталонского национализма, трансформации каталонцев из исторической нации с уникальными языковыми и культурными традициями в политическую нацию. В Статье 29 декларировалось, что Автономное Сообщество Каталония имеет свои органы власти – парламент и правительство, возглавляемое президентом.

Таким образом, к началу 1980-х годов каталонский национализм, в демократической Испании, нередко на фоне активизации региональных и регионалистских политических трендов в романских странах³⁶⁰, определяемой в западной политологии в качестве «регионализованного государства»³⁶¹, достиг значительных успехов в институционализации нацио-

³⁵⁹ О статутах АС и их роли в процессах демократического транзита см.: Кастелла Андриу Ж.М. Статут автономии в испанском государстве автономий / Ж.М. Кастелла Андриу // КФ. – 2003. – № 3. – С. 42 – 60; Aguado Renedo C. El Estatuto de Autonomía y su posición en el ordenamiento jurídico / C. Aguado Renedo. – Madrid, 1996; Aja Fernández E. Estado autonómico. Federalismo y hecho diferenciales / E. Aja Fernández. – Madrid, 1999; Alberti Rovira E. Estado autonómico e integración política / E. Alberti Rovira // Documentación Administrativa. – 1992 – 1993. – No 232 – 233. – P. 223 – 246.

³⁶⁰ О регионализме в романских странах в теоретическом плане см.: Favretto I. Alle radici della svolta autonomista, carocci / I. Favretto. – Roma, 2004; Il rapporto centro-periferia. Il caso di Bologna, Il Mulino / ed. M. Cammelli. – Bologna, 2004; Verso il federalismo. Normazione e amministrazione nella riforma del Titolo V della Costituzione / ed. V. Cerulli Irelli, C. Pinelli. – Bologna, 2004. – 336 p.

³⁶¹ Линц Х. Испанская демократия и государство автономий / Х. Линц // КФ. – 2007. – № 3 – 4. – С. 160. Известный политолог Майкл Китинг так же полагает, что Испания эволюционирует по направлению к регионализованному госу-

националистического дискурса, что дало возможность каталонским националистам на протяжении 1980-х годов консолидировать каталонское общество³⁶², подготовив его для националистических мобилизаций 1990-х годов. С другой стороны, анализируя каталонский националистический дискурс 1980-х годов, следует принимать во внимание тенденции к его постепенной радикализации. В каталонском национализме выделяется совокупность радикальных трендов, сторонники которых не только разделяли ценности этнического национализма, но и культивировали идею полного отделения Каталонии от Испании и построения гомогенного каталонского национального государства.

Этнические радикалы в Каталонии 1980-х годов, которые противостояли умеренным националистам культурно-интеллектуалистского толка³⁶³, группировались вокруг организации «Terra Lliure» («Свободная земля»). Появление и деятельность радикальных групп в Каталонии стимулировалась в 1980-е годы политикой Мадрида³⁶⁴, который стремился остановить процесс автономизации и создать преграды для развития каталонской идентичности – в первую очередь, каталанского языка. Организация «Terra Lliure» созданная в 1979 году, стала известной после акции 1981 года, в ходе которой в Каталонии вывешивались нелегальные плакаты «Som una Nació» («Мы – одна нация»), а так же террористических актов, совершенных в 1980-е годы в Барселоне и других каталонских городах. Появление подобных организаций, которым оказалось тесно в рамках конституционного поля, обострило отношения в Каталонии между носителями каталан-

дарству. См.: Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе / М. Китинг // Логос. – 2003. – № 6. – С. 80.

³⁶² О каталонском националистическом дискурсе и достижениях в процессе политического транзита в 1980-е годы см.: Fabregat E. Estado, etnicidad y biculturalismo / E. Fabregat. – Barcelona, 1984; Woolard K.A. Double Talk: Bilingualism and the Politics of Ethnicity in Catalonia / K.A. Woolard. – Stanford, 1989; Spain: Conditional Democracy / eds. Ch. Abel, N. Torrents. – L., 1984.

³⁶³ О культурных и интеллектуальных трендах в развитии каталонского национализма, связанных с развитием националистического воображения и уникального образа Каталонии как региона органически связанного с европейскими культурными традициями см.: Arenas C., Carbe N. Les avantguardes a Europa i a Catalunya / C. Arenas, N. Carbe. – Barcelona, 1989; Aviñoa X. La musica i el modernisme / X. Aviñoa. – Barcelona, 1985; Cacho Viu V. Els modernistes i el nacionalisme cultural. Antologia / V. Cacho Viu. – Barcelona, 1984; Freixa M. El Modernisme a Catalunya / M. Freixa. – Barcelona, 1991; Molas J. La literatura catalana d'avantguarda 1916-1938 / J. Molas. – Barcelona, 1983; Rafols J.F. Modernismo i modernistes / J.F. Rafols. – Barcelona, 1982.

³⁶⁴ Например, в 1983 году Мадрид отказался признать Закон о нормализации каталанского языка. См. подробнее: Пуиг М.С. Испанский язык и языки Испании / М.С. Пуиг // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / под. ред. Е.П. Чельшева. – СПб., 2003. – С. 154 – 155.

ского и кастильского языков, отношения между которыми и ранее развивались по конфликтному сценарию.

Чем была вызвана радикализация политического каталонского национализма? Анализируя эту проблему, во внимание следует принимать то, что радикализация каталонского националистического дискурса в 1980-е годы не явилась единичным фактом. На протяжении конца 1980-х – 1990-х годов Европа пережила несколько волн этнизации различных региональных национализмов. Комментируя этот процесс, чешский исследователь М. Хрох подчеркивает, что ренессанс национализмов не следует сводить исключительно к либерализации политического пространства, связанного с демократическим транзитом. По мнению М. Хроха, националистические взрывы 1980 – 1990-х в большей степени продолжили традицию ранних региональных национализмов, которые ставили перед собой нереализуемые тогда, но по-прежнему актуальные политические цели. Таким образом, формула М. Хроха сводится к тому, что «новый национализм резюмирует старый»³⁶⁵. С другой стороны, британский политолог Д. Конверси полагает, что демократизация в Испании в этом измерении способствовала «радикализации конфликтов»³⁶⁶ в регионах с этнической и языковой спецификой. С другой стороны, в 1980-е годы в рамках каталонского националистического дискурса, в контексте роста внесистемных и / или антисистемных движений, которые активно апеллировали к политическим ценностям национализма и демократии³⁶⁷, активизируются организации, которые

³⁶⁵ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / М. Хрох // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 134 – 135 // <http://nations.gender-ehu.org/text/Hroh.doc>

³⁶⁶ Conversi D. The Smooth Transition: Spain's 1978 Constitution and the Nationalities Question / D. Conversi // *NI*. – 2002. – Vol. 4. – No 3. – P. 224.

³⁶⁷ Об активизации внесистемных движений, связанных с функционированием гражданского общества, с одной стороны, но не чуждых националистической идеологии, с другой, в теоретическом плане см.: Flickinger H.-G., Sobottka E.A. *Movimentos sociais e democracia* / H.-G. Flickinger, E.A. Sobottka // *CRCS*. – 2004. – Vol. 4. – No 1. – P. 5 – 10; Flickinger H.-G. *Movimentos sociais e a construção do Político* / H.-G. Flickinger // *CRCS*. – 2004. – Vol. 4. – No 1. – P. 11 – 28; Karamichas J. *Key Issues in the Study of New and Alternative Social Movements in Spain: The Left, Identity and Globalizing Processes* / J. Karamichas // *SESP*. – 2007. – Vol. 12. – No 3. – P. 273 – 293; Luís de Sousa Bonfim W. *O aprofundamento da democracia no Brasil: tendências, conflitos e dinâmica* / W. Luís de Sousa Bonfim // *CRCS*. – 2004. – Vol. 4. – No 1. – P. 73 – 94; Newman S. *Ethnoregional parties: A comparative perspective* / S. Newman // *RFS*. – 1994. – Vol. 4. – No 2. – P. 28 – 66. О политических процессах в Испании в контексте активизации деятельности партий и движений, в том числе – и националистических см.: Mota F. *Cultura política y opinión pública en las CCAA.: un examen del sistema político autonómico en España (1984-1996)* / F. Mota. – Barcelona, 1998. – 63 p.

подобно «Terra Lliure», выступали за отделение Каталонии, но не придерживались террористических методов.

В 1980-е годы, когда в условиях демократизации были достигнуты определенные политические результаты³⁶⁸, национальные радикалы не смогли монополизировать националистический дискурс, будучи вынужденными делить его с более умеренными националистами, которые группировались вокруг ряда организаций, среди которых «Exèrcit Popular Català», «Front d'Alliberament Català», «Partit Socialista d'Alliberament Nacional», «Independentistes dels Països Catalans». Вероятно, причины неудачи радикального этнического национализма, оперировавшего лозунгами, апеллирующими к этническим традициям («Independència o mort!» – «Независимость или смерть!», «Visca la lluita armada!» – «Да здравствует вооруженная борьба!», «Una sola nació, Països Catalans!» – «Одна нация – каталонские земли!»), а не политическим и гражданским ценностям, следует искать и в том, что на протяжении XX века каталонский национализм развивался и функционировал как именно гражданский с мощным культурным трендом³⁶⁹, связанным с изучением и реставрацией каталонских народных традиций, что стимулировало националистическое воображение каталонских интеллектуалов, в значительной степени предохраняя их от этнизации и радикализации.

В целом, политические процессы в транзитном социуме Каталонии указывают на то, что демократизация и появление возможностей для свободного политического участия и волеизъявления не означают завершение эры национализма³⁷⁰. Политический опыт, опыт политического участия, наличие традиций политического диалога, то, что испанский исследователь Т. де ла Куадра Сальседо определил как «волю к согласию в условиях переходного периода»³⁷¹ – все эти факторы оказали существенное влияние

³⁶⁸ О результатах процессов демократического тразита в Испании к середине 1980-х годов см.: Buse M. La nueva democracia en España. Sistema de partidos y orientación del voto (1976-1983) / M. Buse. – Madrid, 1984; Cotarelo R. Transición y Consolidación democrática en España, (1975 – 1986) / R. Cotarelo. – Madrid, 1992.

³⁶⁹ Проявлением развития культурных трендов в рамках каталонского национализма могут служить публикации, посвященные каталонской народной культуре и традициям. См.: Amades J. Costumari catalá: in 5 Vols. / J. Amades. – Barcelona, 1982; Amades J. Folklore de Catalunya / J. Amades. – Barcelona, 1980; Amades J. Guia de les festes tradicionals de Catalunya. Itinerari per tot l'any / J. Amades. – Barcelona, 1980; Artís-Gener A. Festes populars a Catalunya / A. Artís-Gener. – Barcelona, 1980.

³⁷⁰ О национализме в период перехода к демократии см.: Нодия Г. Национализм и демократия / Г. Нодия // <http://old.russ.ru/antolog/predely/4/dem1-1.htm>

³⁷¹ Куадра Сальседо Т. де ла, Статут в лабиринте и воля к консенсусу / Т. де ла Куадра Сальседо // Испания – Каталония: империя и реальность / сост. Е. Ви-сенс. – М., 2007. – С. 19.

на то, что каталонский националистический дискурс в незначительной степени подвергся этнизации и радикализации, продолжив свое функционирование как совокупность политических трендов. Вероятно, важнейшим фактором было то, что каталонский националистический дискурс существовал в транзитном обществе, которое трансформировалось в гражданское³⁷², не развиваясь, в отличие от Центральной и Восточной Европы, в этнизирующемся или этнизированном социуме.

³⁷² О процессах политической трансформации и факторе национализма в контексте развития гражданского общества см.: Threlfall M. Reassessing the Role of Civil Society Organizations in the Transition to Democracy in Spain / M. Threlfall // Democratization. – 2008. – Vol. 15. – No 5. – P. 930 – 951.

§ 2. «Каталония – нация» и «Каталония – не Испания»: современный каталонский национализм

На протяжении 1990-х годов в Каталонии, которая к тому времени обрела уникальный опыт политического участия в рамках государства автономий³⁷³, несмотря на прогнозы о том, что успехи в демократизации приведут к разрешению национальных проблем и, что возникнет новая система ценностей³⁷⁴, в рамках которой нация и национальная идентичность станут устаревшими понятиями, имел место своеобразный националистический ренессанс³⁷⁵, связанный, по мнению М. Китинга, с активизацией

³⁷³ О развитии автономии в контексте политического транзита и развития региональных национализмов см.: Aragón Reyes M. El Estado autonómico ¿modelo indefinido o modelo inacabado? / M. Aragón Reyes // *Autonomies*. – 1995. – No 20. – P. 187 – 195; Balaguer Callejón F. La constitucionalización del Estado Autonómico / F. Balaguer Callejón // *Anuario de Derecho Constitucional y Parlamentario*. – 1997. – No 9. – P. 129 – 160; Cruz Villalón P. La Constitución territorial del Estado / P. Cruz Villalón // *Autonomies*. – 1991. – No 13. – P. 61 – 68.

³⁷⁴ О дискуссиях относительно отмирания нации как анахронизма и постнациональных идентичностях см.: Lane J.-E., Reber Fr. The Post-Modern Society: Which are the Basic Value-Orientations? / J.-E. Lane, Fr. Reber // *STCI*. – 2008. – Vol. 1. – No 1. – P. 6 – 20.

³⁷⁵ О развитии националистического дискурса в Каталонии в 1990-е годы см.: Guibernau M. Catalan Nationalism: Francoism, transition and democracy / M. Guibernau. – NY., 2004; Esteva Fabregat C. La cuestión nacional catalana en la España contemporánea / C. Esteva Fabregat // *Alteridades*. – 1997. – No 7. – P. 35 – 53; Esteva Fabregat C. Acculturation and Urbanization of Immigrants in Barcelona: A Question of Ethnicity or a Question of Class? / C. Esteva Fabregat // *The Processes of Urbanism* / eds. J. Aschenbrenner, R. Collins. – Haya – París, 1978. – P. 159 – 194; Llobera J.R. The idea of Volksgeist in the formation of Catalan nationalist ideology / J.R. Llobera // *Ethnic and Racial Studies*. – 1983. – Vol. 3. – No 2. – P. 332 – 350; McRoberts K. Catalonia: Nation Building without a State / K. McRoberts. – NY., 2001; Payne S.G. Nationalism, Regionalism and Micronationalism in Spain / S.G. Payne // *JCH*. – 1991. – Vol. 26. – No 3 – 4. – P. 479 – 491; Smith A., Mar-Molinero C. The Myths and Realities of Nation-Building in the Iberian Peninsula / A. Smith, C. Mac-Molinero // *Nationalism and the Nation in the Iberian Peninsula: Competing and Conflicting Identities* / eds. A. Smith, C. Mar-Molinero. – Washington, 1996. – P. 1 – 33. С другой стороны, следует принимать во внимание и то, что гуманитарные науки в Испании 1990-х годов пережили рост интереса к проблемам, связанным с изучением национализма. Об этом, например, свидетельствует появление как оригинальных (Delannoï G., Taguieff P. *Teorías del Nacionalismo* / G. Delannoï, P. Taguieff. – Barcelona, 1993; Núñez Seixas X. *Movimientos nacionalistas en Europa* / X. Núñez Seixas. – Madrid, 1998), так и переводных (Gellner E. *Nacionalismo* / E. Gellner. – Barcelona, 1998; Hobsbawm E. *Naciones y nacionalismo desde 1780* / E. Hobsbawm. – Barcelona, 1992; Keating M. *Naciones contra el Estado* / M. Keating. –

регионалистских политических движений³⁷⁶, которые начали играть роль нового актора, характеризуясь стремлением к перестройке политического пространства Европы, в том числе – и Испании. В Каталонии к началу 1990-х годов было немало националистов. Каталонский исследователь Сальвадор Хинер рисует типичный портрет среднестатистического каталонского националиста: «любому националисту нация, его нация, онтологически необходима. Для ярого националиста нет случайных наций. Своя нация всегда обязательна. У нации есть качества, которые распространяются на сообщество и определяют его. Думать иначе для него невыносимо. Родина – это разделенный очаг, чья священная аура требует отдачи и ритуала, подобных тем, которые требует любой земной бог. Любая нация священна. Нет ни одной нации, у которой не было бы ауры, какой бы незначительной она ни была»³⁷⁷.

На фоне «националистического ренессанса» в Европе (в рамках которого различные виды идентичности, по словам Э. Хобсбаума, показали и доказали, что они «способны овладевать умами»³⁷⁸), активизации регионалистских движений в Испании, каталонские этнические радикалы из движения «Terra Lliure» пошли в 1995 году на самороспуск, уступив место более умеренным каталонским националистам, которые в конституционных рамках прилагали значительные усилия, направленные на популяризацию и укрепление каталонской нации и каталонской идентичности, на повышение престижности и статуса каталонского языка, стремясь популяризовать каталонский язык³⁷⁹ (в том числе и активно конкурируя с кастиль-

Barcelona, 1996; Habermas J. *Identidades nacionales y postnacionales* / J. Habermas. – Madrid, 1998) работ.

³⁷⁶ Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе. – С. 81. Активизация региональных национализмов и протестных движений имела место не только в Испании, но и в других регионах Европы. См.: Cifrić I., Nikodem Kr. *Relacijski identiteti. Socijalni identitet i relacijske dimenzije* / I. Cifrić, Kr. Nikodem // DI. – 2007. – Br. 3. – S. 331 – 358; Cifrić I., Nikodem Kr. *Relacijski identiteti. Socijalni identitet i relacijske dimenzije* / I. Cifrić, Kr. Nikodem // DI. – 2007. – Br. 3. – S. 331 – 358; Nilodem K. *Religijski identitet u Hrvatskoj. Dimenzije religijskog identiteta i socio-ekološke orijentacije* / K. Nikodem // *Socijalna ekologija*. – 2004. – Br. 13. – No 3 – 4. – S. 257 – 285; Rogić I. *Hrvatski nacionalni identitet i društvene elite* / I. Rogić // *Hrvatski identitet u Europskoj uniji* / ured. S. Balaban. – Zagreb, 2003. – S. 13 – 51.

³⁷⁷ Хинер С. Два лица нации / С. Хинер // *Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей* / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 44

³⁷⁸ Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе / Э. Хобсбаум // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 338.

³⁷⁹ О языковых трендах в развитии и функционировании националистического дискурса см.: Astudillo E. *Lenguaje, evolución y nacionalismo a propósito del libro “Lenguas en guerra”* / E. Astudillo // *ARIF*. – 2006. – No 2. – P. 7 – 19; Barrera González A. *Lengua, identidad y nacionalismo en Cataluña durante la transición* / A. Barrera González // *RAS*. – 1997. – No 6. – P. 109 – 137; Bernecker W.L., Brinkmann

ским), а так же историю, написанную не в категориях региональной истории, но национальной истории³⁸⁰. Каталонские интеллектуалы были озабочены защитой прав автономии перед политическими амбициями центра³⁸¹.

Подобная стратегия каталонского национализма приобрела особую актуальность во второй половине 1990-х годов в виду того, что в 1996 году победу на парламентских выборах одержала идейная наследница франкистского режима Народная Партия Х.М. Аснара³⁸², с которым связаны ис-

S. La difícil identidad de España. Historia y política en el cambio de milenio / W.L. Bernecker, S. Brinkmann // *Iberoamericana*. – 2004. – No 15. – P. 85 – 102; Guibernau M. Nationalism and Intellectuals in Nations without States: the Catalan Case / M. Guibernau. – Barcelona, 2003. – 30 p.

³⁸⁰ Anguera P. Nacionalismo e Historia en Cataluña: Tres propuestas de debate / P. Anguera // *Nacionalismo e historia* / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 73 – 87; Carreras Ares J.J. De la compañía a la soledad: el entorno europeo de los nacionalismos peninsulares / J.J. Carreras Ares // *Nacionalismo e historia* / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 7 – 28; Forcadell Álvarez C. Las fantasías históricas del aragonesismo político / C. Forcadell Álvarez // *Nacionalismo e historia* / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 143 – 160; Corcuera Atienza J. Historia y nacionalismo en el caso vasco: De la invención de la Historia a los derechos que de la Historia se derivan / J. Corcuera Atienza // *Nacionalismo e historia* / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 53 – 72; González de Molina M. El andalucismo político 1915-1998. ¿Un andalucismo imposible? / M. González de Molina // *Nacionalismo e historia* / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 89 – 116; Peiró Martín I. Valores patrióticos y conocimiento científico: la construcción histórica de España / I. Peiró Martín // *Nacionalismo e historia* / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 29 – 52. Ruiz Torres P. Nacionalismo y ciencia histórica en la representación del pasado Valenciano / P. Ruiz Torres // *Nacionalismo e historia* / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 117 – 142; Villares Paz R. Reflexiones sobre la Historia y su enseñanza / R. Villares Paz // *Nacionalismo e historia* / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 161 – 170.

³⁸¹ О каталонском национализме в контексте противостояния центра и периферии см.: Harvgreaves J. Freedom for Catalonia? Catalan Nationalism, Spanish Identity and the Barcelona Olympic Games / J. Harvgreaves. – NY., 2000. – 183 p.; Keating M. Nations Against the State: The New Politics of Nationalism in Quebec, Catalonia and Scotland / M. Keating. – NY., 2001 (см. так же синтетическую версию англоязычных публикаций на испанском языке: Keating M. Regionalismo, autonomía y regímenes internacionales / M. Keating. – Barcelona, 1993. – 13 p.); Linz J. Early State-Building and Late Peripheral Nationalisms Against the State: the Case of Spain / J. Linz // *Building States and Nations: Analyses by Region* / eds. S.N. Eisenstadt, S. Rokkan. – Beverly Hills, 1973. – P. 32 – 116; Llobera J.R. Foundations of National Identity: from Catalonia to Europe / J.R. Llobera. – NY., 2004.

³⁸² Бухармедова Л.М. Аснар: консерваторы у власти (1996 – 2004) / Л.М. Бухармедова // *Испанский альманах* / ред. С.П. Пожарская. – М., 2008. – Вып. 1 (Власть, общество и личность в истории). – С. 295 – 328. См. так же: Bosco A. Da

панские элиты, склонные ориентироваться на ценности кастильского политического национализма, что предусматривает режим достаточно жесткой оппозиции с региональными движениями и национализмами³⁸³. В частности Э. Фоссас Эспадалер подчеркивал, что «каталонская нация столетиями имела собственные институты власти, бывшие неотъемлемой частью ее большой самобытности»³⁸⁴. В 2000-е годы каталонский национализм, подобно национализмам в других регионах Испании³⁸⁵, претерпел значительную актуализацию в контексте вызовов, как регионализации, так и глобализации, что было связано с озабоченностью каталонских националистов растущими темпами глобализации, отказом молодежи от национальных ценностей в пользу испанского универсализма. В этой ситуации происходит активизация радикальных и этнических трендов в рамках каталонского националистического дискурса. Этнизации национализма в Каталонии способствовал и общий рост этнического радикализма в современной Европе³⁸⁶, и вызовы глобализации. В связи с последними один из теоретиков каталонского национализма Жорди Пужоль констатировал, что «глобализация может поставить под сомнение будущее каталонцев как народа. Мы можем раствориться во всемирном потоке»³⁸⁷.

Franco a Zapatero. La Spagna dalla periferia al cuore dell'Europa / A. Bosco. – Bologna, 2005.

³⁸³ О регионализме в теоретическом плане см.: Bifulco R. *Le regioni* / R. Bifulco. – Bologna, 2004; Bobbio L. *I governi locali nelle democrazie contemporanee* / L. Bobbio. – Roma – Bari, 2004.

³⁸⁴ Фоссас Эспадалер Э. Автономия Каталонии / Э. Фоссас Эспадалер // Этнические и региональные конфликты в Евразии. – М., 1997. – Кн. 3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов / ред. Б. Коппитерс, Э. Ремакль, А. Зверев. – С. 276.

³⁸⁵ О национализмах в Испании см.: Alland A. *Catalunya, One Nation, Two States: An Ethnographic Study of Nonviolent Resistance to Assimilation* / A. Alland. – NY., 2006; Villodres C.B. *Los nacionalismos independentistas, en estado agónico irreversible* / C.B. Villodres // *Diario la Torre*. – 2007. – November, 19.

³⁸⁶ О развитии этнического национализма в современной Европе и соотношении этнической и политической идентичностей подробнее см.: Giordano B. *Italian regionalism or “Padanian” nationalism – the political project of the Lega Nord in Italian politics* / B. Giordano // *PG*. – 2000. – No 19. – P. 445 – 471; Giordano B., Roller E. *A comparison of Catalan and ‘Padanian’ nationalism: more similarities than differences?* / B. Giordano, E. Roller // *JSEB*. – 2001. – Vol. 3. – No 2. – P. 111 – 130; Newell J. *The Scottish National Party and the Italian Lega Nord – a lesson for their rivals* / J. Newell // *EJPR*. – 1994. – No 26. – P. 135 – 153; Sekulić D. *Gradanski i etnički identitet: slučaj Hrvatske* / D. Sekulić // *Politička misao*. – 2003. – Br. 40. – No 2. – S. 140 – 166; Zeman Z. *Identitetske strategiji: u potrazi za smislom* / Z. Zeman // *DI*. – 2007. – Br. 6. – S. 1015 – 1029.

³⁸⁷ Пужоль Ж. Глобализация и самобытность / Ж. Пужоль // *КФ*. – 2002. – № 1. – С. 59.

С другой стороны, сам Жорди Пужоль полагал, что радикальная этнизация каталонского национализма будет иметь негативные последствия. Ж. Пужоль полагает, что каталонский национализм и каталонизм (оба понятия в его понимании идентичны) должен перестать быть только каталонским региональным политическим движением, став испанским феноменом в целом. По мнению М. Пужоля, в каталонизме сокрыт значительный модернизационный потенциал, который может быть использован при выстраивании региональной и национальной политики в Испании в целом³⁸⁸. Значительную роль в функционировании националистического дискурса на протяжении 1990-х продолжали играть и политические тренды. В декабре 2003 года президентом Каталонии стал Паскуаль Марагалл. В марте 2004 года на общеиспанских выборах победу одержали социалисты Хосе Луиса Родригеса Сапатеро, который в октябре 2004 года инициировал консультации между Мадридом и представителями автономных сообществ, в том числе – и Каталонии.

Проявлением активизации национального движения в Каталонии стала широкая деятельность различных национальных и националистических партий. В Каталонии национализм оказался универсальным политическим языком. В этой ситуации националистический дискурс характерен как для классических националистов, так и для различных партий, спектр идеологических предпочтений которых варьируется от либерализма до социализма. Подобные ненационалистические идеологии в Каталонии нередко развиваются, имея националистический бэк-граунд. Часть каталонских националистов подчеркивает свою преемственность с более ранними националистическими движениями и группировками, активно действовавшими в Республике, но запрещенными в период франкистской диктатуры. Это относится, например, к *Esquerra Republicana de Catalunya*. Партия, созданная на фоне демократизации, позиционирует себя в качестве наследницы националистов 1930-х годов, которые в течение некоторого времени контролировали политический дискурс Каталонии³⁸⁹. Теоретики партии полагают, что социально она является левой, но национально – каталонской. В своей политической программе *Esquerra Republicana de Catalunya* уделяет значительное внимание проблемам гражданских прав и свобод. Партия разделяет республиканские идеи каталонских националистов 1930-х годов, полагая необходимым мирными средствами добиваться создания независимой Каталонии с республиканской (*Estat Catalá*) формой правления³⁹⁰. С другой стороны, теоретики партии склонны позиционировать себя и в качестве каталонских националистов, которые воспринимают каталонцев как отдельную нацию (*Nació Catalana*), что вызывает недовольство Мадрида,

³⁸⁸ Пужоль Ж. Глобализация и самобытность. – С. 61.

³⁸⁹ ERC's history. – [n.d.], [n.p.]. – 3 p.

³⁹⁰ Summary of the ERC's Statement of Ideology. – [n.d.], [n.p.]. – 2 p.

склонного культивировать ценности единой испанской гражданской нации³⁹¹.

Среди умеренных националистических политических партий в современной Каталонии особое место занимает объединение *Convergència*, политическая программа которого включает декларирование необходимости развития демократии, защиты прав и свобод, а так же умеренные националистические лозунги. Значительное внимание идеологи и теоретики *Convergència Democràtica de Catalunya* уделяют европейской интеграции, точнее – включенности Каталонии в евроинтеграционные процессы. Идеологи партии позиционируют свой национализм как «прогрессивный и интеграционный», что, по их мнению, должно стимулировать более активное участие Каталонии как региона в европейской интеграции. Каталонские националисты полагают, что европейский интеграционный проект по целому ряду показателей является наиболее привлекательным в отличие от политических стратегий, которые используются мадридскими элитами. Каталонские умеренные националисты полагают, что Мадрид в Каталонии руководствуется в первую очередь интересами Кастилии и, поэтому, не заинтересован в подлинном развитии каталонской идентичности. Европа, как полагают каталонские националисты, наоборот имеет прочный бэк-граунд в виде сохранения и поощрения национального своеобразия, свободного развития региональных идентичностей в политической, языковой и культурной сферах. В программных документах партии декларируется, что Каталония является историческим европейским регионом, а сами каталонцы – европейцами. Поэтому, история, политика и культура Каталонии неотделимы от большого европейского проекта³⁹².

Национализм играет значительную роль и в функционировании левых партий в Каталонии. Среди левых националистических партий выделяется *Partit Socialista d'Alliberament Nacional dels Països Catalans*. В своей политической программе *PSdANdPC* сочетает не только идеи марксизма, ленинизма, но и каталонского национализма, а также политического и культурного панкатолизма, оппозиционируя себя Мадриду, который в одинаковой степени для левых каталонских националистов ассоциируется с национальным и экономическим угнетением³⁹³. Лидеры *PSdANdPC* склонны позиционировать историю Каталонии как историю нескольких столетий

³⁹¹ Declaració ideològica d'Esquerra Republicana de Catalunya. – [n.d.], [n.p.]. – 20 p.

³⁹² 13e Congrés de Convergència. Text refós. Ponència 3. Catalunya e Europa i al món. – [n.d.], [n.p.]. – 50 p.

³⁹³ Contra l'imperialisme, independència es pau! Manifest del PSAN en motiu de les diades del 9 d'octubre i de l'Aplec del Puig del 2001 // http://www.psan.net/pagina.php?id_article=28; Ara mes que mai: independència. Manifest del PSAN en motiu de les diades de l'onze de setembre, el nou d'octubre i l'Aplec del Puig del 2002 // http://www.psan.net/pagina.php?id_article=73

постоянной борьбы против Мадрида за сохранение национальной культуры, идентичности и языка³⁹⁴. Теоретики и идеологи PSdANdPC отвергают идею сохранения единства Испании, полагая, что автономия и признание культурных особенностей региона являются частью политики уступок центра периферии. Вместо развития в составе Испании левые националисты настаивают на необходимости выхода Каталонии из состава Испании³⁹⁵. В своей политической деятельности PSdANdPC уделяет особое внимание не только социальным и экономическим проблемам, но и идее каталонской политической независимости³⁹⁶, придания особого статуса каталанскому языку³⁹⁷, подчеркивая, что Каталония заслужила право быть независимой и свободной «после трехста лет оккупации»³⁹⁸. Подобные настроения вызывают критическую реакцию со стороны испанских авторов (по инерции стремящихся писать историю Испании не как историю нации, но как историю королевства и управлявших им династий³⁹⁹) которые обвиняют каталонцев в том, что те... оказывали сопротивление попыткам Мадрида присоединить их территории к Кастилии в XVI - XVII веках⁴⁰⁰.

³⁹⁴ L' Independentisme Catala al segle XXI. Conferencia a Mollerussa de Josep Cuia i Marin, dirigent del PSAN i professor de la Universitat de Valencia // http://www.psan.net/pagina.php?id_article=397

³⁹⁵ Reformar Espanya? Independencia! Manifest del PSAN 23-25 abril 2004 // http://www.psan.net/pagina.php?id_article=319

³⁹⁶ Per Catalunya, cap a la independencia, organitzacions d'ambit nacional. Manifest del PSAN en motiu de la diada del 25 d'abril de 2000 // http://www.psan.net/pagina.php?id_article=22

³⁹⁷ El catala, llengua oficial a la Catalunya Nord. Manifest en motiu de la commemoracio del Tractat dels Pirineus del 2002 // http://www.psan.net/pagina.php?id_article=75

³⁹⁸ Salvem Catalunya! Terra, aigua i llibertat. Manifest del PSAN en motiu de les diades de l'Onze de setembre del 2001 // http://www.psan.net/pagina.php?id_article=27; La Catalunya completa avança, independència. Manifest del PSAN en motiu de les diades de l'Onze de setembre, del 9 d'octubre i de l'Aplec del Puig del 2000 // http://www.psan.net/pagina.php?id_article=23

³⁹⁹ Американский исследователь В.Х. Лэйн противопоставляет две схемы исторического воображения – лояльную и оппозиционную. Первая характерна для национализма доминирующих наций, вторая – подчиненных. Основными героями первой являются «империи и королевские династии», второй – «народы и нации». См.: Лейн В.Г. Дати на службі націй: польсько-українська дискусія кінця XIX – початку XX ст. навколо дати заснування університету у Львові / В.Г. Лейн // <http://www.franko.lviv.ua/Subdivisions/um/um2-3/Statti/6-LEIN%20Victor%20Hugo>

⁴⁰⁰ Число кастильских претензий к Каталонии этим не ограничивается. Ф. Родригес Адрадос, например, предлагает краткий список того, в чем, по его мнению, виноваты каталонцы перед Кастилией = Испанией, а именно: «каталонцы винов-

К концу 1990-х годов АС на территории Испании обрели значительный опыт политического участия⁴⁰¹, которое к тому времени успело стать предметом анализа и дискуссий относительно модели автономизации в государстве, которое по Конституции не является федеральным. К середине 2000-х годов проблема расширения прав автономных сообществ и развития региональных националистов успела стать темой для политических дискуссий и дебатов в испанском обществе, как в сфере СМИ⁴⁰², так и академического сообщества⁴⁰³, которое в силу этого обстоятельства обрело

ны... в том, что не были солидарны, когда этого просил граф-герцог, когда Испания потеряла Кубу. Я умалчиваю о других, более свежих моментах. Каталонцам также нельзя приписать заслугу или вину в войне за наследство. Они поддерживали австрийского кандидата на трон, не защищали независимость». См.: Родригес Адрадос Ф. Испанизм? / Ф. Родригес Адрадос // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 51. Доминирование подобных настроений в рамках современной испанской (кастильской) исторической науке, вероятно, подтверждает правоту предположения В.А. Шнирельмана о том, что «политические требования обосновываются ссылками на историю». См.: Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и полтика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 37. См. также: Шнирельман В.А. Ценномть прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика / В.А. Шнирельман // <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/shnirelman-1.htm>; Торбаков И. Историческая наука как инструмент формирования новых государств / И. Торбаков // <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/torbakov-1.htm>

⁴⁰¹ См. подробнее: Safran W. Spatial and functional dimensions of autonomy: Cross-national and theoretical perspectives / W. Safran // NEP. – 1999. – Vol. 5. – No 3. – P. 11 – 34.

⁴⁰² О дискуссиях относительно АС и развития региональных национализмов в Испании см.: Abellán J.L. Las Españas: una idea plural del Estado / J.L. Abellán // El País. – 1998. – January 27; Baroja C. “Los nacionalismos vasco y catalán se fundamentan en textos de segundo orden”: El antropólogo dicta en Madrid un curso sobre las falsificaciones de la historia / C. Baroja // El País. – 1990. – February, 2; Colomer J.M. Catalanizar la izquierda / J.M. Colomer // El País. – 2004. – January 9; Garcia de Cortozar F. Desmontando mitos catalanes / F. Garcia de Cortozar // El Mundo. – 2003. – Noviembre 16; Eberenz R. ¿Qué historia de la lengua? / R. Eberenz // La Corónica. – 2005. – Vol. 34. – No 1. – P. 164 – 175; González Antón L. Falsificación Histórica y reaccionarismo político: Cataluña – al asalto nacionalista / L. González Antón // El Noticeiro de las ideas. – 2006. – No 25; Morodo C., Gómes P. El pacto del PP con los nacionalistas sería bueno, frenaría el secesionismo / C. Morodo, P. Gómes // La Razón. – 2007. – Abril 1; Riquer Permanyer B. de, El uso político de la historia / D. de Riquer Permanyer // El País. – 2005. – December 1.

⁴⁰³ О позиции научного сообщества см.: Díez Medrano J. Divided Nations: Class, Politics, and Nationalism in the Basque Country and Catalonia / J. Díez Medrano Ithaca. – Cornell, 1995; Edwards S. Reconstructing the Nation: The Process of Establishing Catalan Autonomy / S. Edwards // PA. – 1999. – Vol. 52. – No 4. – P. 665 – 676; Guibernau M. Spain: Catalonia and the Basque Country / M. Guibernau //

значительный опыт политического диалога в сфере решения национальных проблем. Испанские (кастильские) политики и исследователи, в большинстве своем, к проекту нового Статута отнеслись смешанно. Спектр оценок варьировался от страха перед каталонским сепаратизмом до политического неприятия каталонизма как такового.

Испанский исследователь Хосе Альваро Хунко, комментируя проект Статута, писал: «некоторые каталонские интеллектуалы и политики удивляются отсутствию поддержки, с которым столкнулся в либеральном и прогрессистском общественном мнении недавний проект статута... я обнаруживаю в тексте проекта статута постоянное присутствие заглавной Каталонии, идентичной себе самой, обремененной историческими правами, всегда обиженной Испанией и одновременно непроницаемой для любого испанского влияния. Создается впечатление, что авторы текста – не депутаты, которые его редактировали и одобрили, а сама Каталония, духовное существо, которое создало язык и культуру, структурировало пейзаж на этой части планеты. Текст напоминает речь епископов, когда они представляют свои требования от имени Бога. Но у церкви есть, по крайней мере, спущенные с неба тексты, которые они используют как оружие, для того чтобы говорить от имени небесных существ. Национализм этим не располагает, но он укореняется во вневременном мире с той же сноровкой»⁴⁰⁴. В этом отношении неприятие проекта Статута кастильскими политиками и интеллектуалами, озабоченными «судьбой испанцев в каталонской автономии»⁴⁰⁵, было связано в большей степени не с политическими и экономическими амбициями Каталонии, а тем, что регион за годы транзита достаточно быстро и успешно трансформировался в политическую нацию, что оказалось неприятной неожиданностью для кастильских националистов.

РА. – 2000. – Vol. 53. – No 1. – P. 55 – 68; Payne S. Catalan and Basque Nationalism / S. Payne // JCH. – 1971. – Vol. 6. – No 1. – P. 15 – 31, 35 – 51; Payne S. Nationalism, Regionalism and Micronationalism in Spain / S. Payne // JCH. – 1991. – Vol. 26. – No 3. – P. 479 – 491; Ross Ch. Nationalism and Party Competition in the Basque Country and Catalonia / Ch. Ross // WEP. – 1996. – Vol. 19. – No 3. – P. 488 – 506; Shabad G., Gunther R. Language, Nationalism, and Political Conflict in Spain / G. Shabad, R. Gunther // CP. – 1982. – Vol. 14. – No 4. – P. 443 – 477; Scagliola Díaz A.A. Cambio en las políticas públicas de la memoria en Cataluña: el pasado como problema / A.A. Scagliola Díaz // ERI. – 2008. – No 7. – P. 301 – 313.

⁴⁰⁴ Альваро Хунко Х. Каталония: взгляд из Испании / Х. Альваро Хунко // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 30.

⁴⁰⁵ Поло Андрес К. Статут и социальная реальность / К. Поло Андрес // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 37.

В сентябре 2005 года парламент Каталонии проголосовал за принятие нового Статута, который разрабатывался в условиях почти полной интеллектуальной монополии каталонских националистов. Комментируя ситуацию, каталонский исследователь К. Поло Андрес указывает на то, что «политические представители Каталонии и Испании даже не попытались наметить в большом политическом договоре ведущие линии проекта статута до его принятия парламентом Каталонии»⁴⁰⁶. В ноябре новый Статут был отправлен в Мадрид, где, в соответствии с испанской Конституцией, ему следовало быть одобренным Кортесами. К тому времени в Мадриде начались демонстрации кастильских националистов, сторонников унитарного государства и противников автономии Каталонии. Противники изменений Статута Каталонии полагали, что он станет первым шагом на пути к провозглашению Каталонии независимым государством. Один из критиков нового Статута, депутат Кортесов от Народной партии Хесус Лопес-Медель полагал, что «главная проблема этого закона состоит в том, что он не соответствует основным принципам испанской конституции – сплоченности и солидарности. В нем много внимания уделено вопросу самоопределения каталонцев, но почти ничего не говорится о том, как эта автономная область будет строить отношения с центральной властью и другими провинциями»⁴⁰⁷.

Новый Статут вызвал волну критики со стороны национально ориентированной части кастильского исследовательского сообщества, которое склонно воспринимать Испанию как в первую очередь именно кастильское государство. По мнению А. де Блас Герреро каталонские националисты, разрабатывая новый Статут, намеренно игнорировали интересы Испании. Кастильские националисты настаивают на том, что Каталонии следует отказать от своих амбиций и принять то, что «ее политическое утверждение нуждается в одобрении остальными частями Испании»⁴⁰⁸. Испанский исследователь Х. Альваро Хунко, полемизируя с каталонскими регионалистами писал: «текст преисполнен плохо скрываемой враждебностью по отношению к Испании. Само слово “Испания” едва упоминается, разве что для того, чтобы определить ее как “многонациональное государство” или чтобы сослаться на “народы Испании”. Это примечательная дерзость, когда пользуешься текстом о самом себе, чтобы давать определения другому. Излюбленный термин статута, когда неизбежны намеки, это “государство”

⁴⁰⁶ Поло Андрес К. Статут и социальная реальность. – С. 36.

⁴⁰⁷ Российская газета. – 2006. – 20 июня (№ 4096)

⁴⁰⁸ Блас Герреро А. де, Отношения между различными типами национализма в Испании / А. де Блас Герреро // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 40. Аналогичная точка зрения характерна и для публикаций других испанских авторов. См.: Дис А. Консенсус неоспариваемой нации / А. Дис // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 41 – 43.

даже без прилагательного “испанское”. И говорится также, что “политическое и географическое пространство сравнения для Каталонии” – это Европейский союз, без упоминания Испании даже в качестве промежуточной ступени. Все это исходит из желания игнорировать Испанию, если не открытую неприязнь к ней. Можно ли удивляться тому, что те, кто ощущает глубокую чувствительную связь с Испанией, чувствуют себя оскорбленными»⁴⁰⁹. Испанский политолог М. Небрера полагает, что новый каталонский Статут противоречит Конституции, а его принятие обусловлено не стремлением реформировать региональное законодательство, но ослабить политическое единство Испании, подготовив тем самым условия для отделения Каталонии⁴¹⁰.

Анализируя проблему каталонского Статута необходимо помнить о важности закона как символа для приверженцев гражданского национализма⁴¹¹. Конституционные акты имеют не только политическое, но и символическое значение для националистов в силу того, что в подобных документах некоторые националисты склонны видеть свидетельство институционализации своей нации как политического сообщества. С другой стороны, во внимание следует принимать особенности территориального устройства Испании, которая в период демократического транзита пошла на существенное расширение прав регионов, что, вместе с тем, не привело к федерализации страны. Именно поэтому ряд авторов склонен оценивать Испанию как страну, где переход к демократии не завершен и как государство, представляющее собой «неинституционализированную федерацию»⁴¹². В рамках подобной системы понятие / концепт «нация» постепенно трансформировался в «мощный символ»⁴¹³. Если мы примем предположение Кэтрин Вердери о нации как символе, то мы можем соотнести с развитием каталонского национализма и ее предположение о том, что «национализм представляет собой политическое применение символа нации при помощи дискурса и политической деятельности»⁴¹⁴. В этой ситуации каталонский национализм подвергся трансформации, связанной с его постепенной фрагментацией, что выразилась в институционализации умеренных и вероятной маргинализации радикалов.

⁴⁰⁹ Альваро Хунко Х. Каталония: взгляд из Испании. – С. 31.

⁴¹⁰ Nebrera M. The Statute of Catalonia: equally unconstitutional, but more confusing / M. Nebrera. – Madrid, 2006. – 9 p. (Papel FAEC. – 2006. – No 27).

⁴¹¹ Подробнее см.: Posavec Z. Ustav bez države / Z. Posavec // PM. – 2000. – Vol XXXVII. – Br. 3. – S. 36 — 46; Vorländer H. Ustav kao simbol i instrument / H. Vorländer // PM. – 2001. – Vol XXXVIII. – Br. 4. – S. 53 – 61.

⁴¹² Colomer J.M. The Spanish “State of Autonomies”: Non-institutional Federalism / J.M. Colomer // WEP. – 1998. – Vol. 21. – No 4. – P. 40 – 52.

⁴¹³ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? / К. Вердери // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 297.

⁴¹⁴ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? – С. 298.

Каталонский Статут 2006 года стал важным шагом на пути большего усиления каталонского национализма. Каталонские интеллектуалы, несмотря на критику со стороны кастильских националистов и сторонников национальной унификации Испании, смогли провести в текст Статута моменты, которые позволяют говорить о Каталонии как о политической нации. В частности, в Статуте содержится утверждение о том, что Каталония является нацией («каталонская нация формировалась продолжительное время за счет вклада энергии многих поколений, многих традиций и культур, нашедших в ней пристанище»⁴¹⁵), которая отличается от кастильской и имеет свою собственную историю («народ Каталонии в течение веков сохранял неизменную склонность к самоопределению, воплощенную в собственных институтах власти, таких как Женералитет, который был создан в 1359 году Кортесами Серверы, и, среди других сводов норм, в принятом специфическом юридическом собрании постановлений, таком как Конституция и другие права Каталонии. После 1714 года было много различных попыток вернуть институты самоуправления. На этом историческом пути есть выдающиеся вехи, такие как Манкомунидад 1914 года, возвращение Женералитета со статутом в 1932 году, его восстановление в 1977 году и статут 1979 года, рожденный вместе с демократией, конституция 1978 года и государство автономий»). В Статуте акцентируется внимание на необходимости развития и защиты каталанского языка («гражданская и ассоциативная традиция Каталонии всегда подчеркивала важность каталонского языка и культуры»), самостоятельном участии Каталонии в европейской интеграции («Каталония, через государство, участвует в строительстве политического проекта Европейского союза, чьи ценности и цели разделяет»⁴¹⁶).

⁴¹⁵ Статут Каталонии, одобренный Конгрессом и Генеральными Кортесами. Окончательный текст (21 марта 2006 г.) // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 74.

⁴¹⁶ Статут Каталонии... окончательный вариант. – С. 75. Анализируя текст Статута, во внимание следует принимать, что его проект был более национально маркирован. Например, преамбула выглядела следующим образом:

«Каталонская нация формировалась продолжительное время за счет вклада энергии многих поколений, многих традиций и культур, нашедших в ней пристанище. Каталония создала язык и культуру, структурировала пейзаж, приютила многие другие языки и культурные проявления, была всегда открыта щедрому взаимобмену, построила систему прав и свобод, обзавелась собственными законами и развила обособленные рамки сосуществования, стремящегося к социальной справедливости

Начиная с 1714 года много было различных попыток восстановить наши институты самоуправления. На этом историческом пути есть выдающиеся вехи, такие как Манкомунидад 1914 года, восстановление Женералитета и статута в 1932 и

Под давлением кастильских националистов в текст Статута были внесены изменения, которые несколько уменьшили полномочия провинции. Несмотря на то, что под давлением Центра текст Статута был изменен, на референдуме 18 июня 2006 года состоялся референдум, в ходе которого 74 % жителей региона высказались положительно, что свидетельствует о наличии устойчивой традиции политического участия в Испании⁴¹⁷ и политического национализма в Каталонии, способного корректировать политическое поле региона в соответствии с растущими амбициями региональных политических элит⁴¹⁸. С другой стороны, следует принимать во внимание, что из текста Статута, одобренного Мадридом, исчезли статьи о Каталонии как государстве⁴¹⁹ в составе Испании, о полной финансовой самостоятель-

1979 годах, в которых было прописано, что Каталония хотела осуществлять, тогда, как и сейчас, свое неотъемлемое право на самоуправление.

Именно в этом смысле статут является хранителем памяти, оберегая, в том числе, и память обо всех тех, кто боролся и кто был изгнан или даже погиб за признание национальных интересов Каталонии и социальных прав каталонцев.

Призвание и право граждан Каталонии свободно определять свое будущее как народ, которые парламент Каталонии неоднократно выражал, соотносятся с национальным самоутверждением, которое исторически представлял институт Женералитата, действовавший до XVIII века и затем восстановленный и сохраненный без перерыва как наивысшее выражение исторических прав, которыми обладает Каталония и которые настоящий статут включает в себя и актуализирует». См.: Предложения по реформе Статута Автономии Каталонии // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 76 – 78.

⁴¹⁷ О политическом участии в Испании в теоретическом плане см.: Torcal M. Actitudes políticas y participación política en España: pautas de cambio y continuidad / M. Torcal. – Madrid, 1995 (Madrid Universidad Autónoma, Tesis Doctoral)

⁴¹⁸ О развитии и функционировании региональных политических элит в Испании см.: Arribas A. Partits i Conformació d'elits polítiques autonòmiques. Transició política i partits polítics al País Valencià / A. Arribas. – Barcelona, 2000. – 36 p.; Capo Giol J. The Local Political Elite in Spain / J. Capo Giol. – Barcelona, 1992. – 22 p.; Molas I. Partis nacionalistes, autonomie et clans en corse / I. Molas. – Barcelona, 2000. – 28 p.

⁴¹⁹ Из окончательного текста Статута исчезло регионалистское и политическое содержание, а именно:

«...настоящий статут устанавливает, что:

Первое: Каталония – это нация.

Второе: Женералитат, восстановленный в 1931 году, никогда не переставал существовать, на собственной земле или в изгнании, благодаря стойкости нашего народа и верности своих руководителей.

Третье: Каталония, подтверждая свои исторические права, развила и имеет особенное положение в том, что касается языка, культуры, гражданских прав и территориального устройства.

Пятое: Каталония считает, что Испания — это многонациональное государство.

ности, о признании каталонского языка единственным государственным⁴²⁰, лишении подобного статуса кастильского языка⁴²¹. Эта идея, столь популярная среди каталонских националистов, имеет значительные основания.

По подсчетам итальянского исследователя Дж. Поггесчи, в Каталонии на каталонском языке в состоянии говорить 90 % населения. Процент понимающих каталонский язык приближается к ста⁴²². С другой стороны, каталонские статистические исследования формируют несколько иную картину владения и использования каталонского языка в Каталонии. В частности, по статистическим данным на 2003 год в Каталонии каталонский

Шестое: Каталония братски сосуществует с народами Испании и солидарна с остальным миром.

Седьмое: Каталонское право применяется предпочтительно». См.: Предложения по реформе Статута Автономии Каталонии // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 76 – 78.

О тенденциях state building на региональном уровне и трансформациях региональных политических институтов regional в state в теоретическом плане см.: Lo Stato moderno in Europa. Istituzioni e diritto / ed. M. Fioravanti. – Roma – Bari, 2004. См. так же: Hirsch J. Stato-nazione, regolazione internazionale e democrazia / J. Hirsch // ABDTP. – 1996. – No 4. – P. 15 – 28; Gugliano A.A. Democracia, participação e deliberação. Contribuições ao debate sobre possíveis transformações na esfera democrática / A.A. Gugliano // CRCS. – 2004. – Vol. 4. – No 2. – P.257 – 283; Ribeiro Dias M. Democracia e novas formas de participação política / M. Ribeiro Dias // CRCS. – 2004. – Vol. 4. – No 2. – P. 205 – 209.

⁴²⁰ См.: Поггесчи Дж. Языковые права в Испании / Дж. Поггесчи // КФ. – 2003. – № 3. – С. 116.

⁴²¹ О роли языка в развитии каталонского национализма см.: Conversi D. Language or race?: the choice of core values in the development of Catalan and Basque nationalisms / D. Conversi // ERS. – 1990. – Vol. 13. – No 1. – P. 50 – 70; Esteva Fabregat C. Contributions a una teoria del bilingüisme / C. Esteva Fabregat // In memoriam Carles Riba. – Barcelona, 1973. – P. 165 – 183; Esteva Fabregat C. Elementos para una fundamentación antropológica del bilingüismo / C. Esteva Fabregat // Ethnica. – 1976. – No 11. – P. 67 – 134; Esteva Fabregat C. Aculturació Lingüística d'Immigrats a Barcelona / C. Esteva Fabregat // TSC. – 1977. – No 1. – P. 81 – 116; Esteva Fabregat C. Immigració i Confirmació Etnica a Barcelona / C. Esteva Fabregat // Quaderns D'Alliberament. – 1978. – No 2 – 3. – P. 47 – 90; Esteva Fabregat C. Ethnocentricity and bilingualism in Catalonia: the state and bilingualism / C. Esteva Fabregat // IJSL. – 1984. – No 47. – P. 43 – 57; Esteva Fabregat C. Estado, Etnicidad y Biculturalismo / C. Esteva Fabregat. – Barcelona, 1984; Esteva Fabregat C. L'ús social de la llengua catalana / C. Esteva Fabregat // PISC. – 1991. – Vol. 3. – No 3. – P. 9 – 17; Nicolás i Amorós M. La història de la llengua catalana. La construcció d'un discurs / M. Nicolás i Amorós. – València – Barcelona, 1998.

⁴²² О языковой ситуации в Каталонии и каталонском национализме см. так же: Poggeschi G. La nuova legge linguistica catalana nel quadro dell'evoluzione dello Stato regionale spagnolo / G. Poggeschi // Le Regioni. – 1998. – No 5. – P. 1107 – 1141.

язык в качестве первого языка определили 40.4 % (кастильский – 53.5 %), в качестве фактора, определяющего национальную принадлежность – 48.8 % (кастильский – 44.3 %), языка общения в быту и дома – 50.1 % (кастильский – 44.1 %) ⁴²³. Каталонский язык занимает твердые позиции в сфере его применения: дома только на каталонском языке говорят 37.2 %, больше на каталонском, чем на других языках – 7.1 % (на кастильском соответственно – 34.4 и 9.9), с друзьями – 24.5 % и 17.8 % (на кастильском – 25.6 и 11.9), с соседями – 29.5 % и 10.6 % (на кастильском – 32.7 и 8.4), с одноклассниками – 27.3 % и 18.0 % (на кастильском – 19.7 и 10.9), с коллегами на работе – 27.5 % и 15.9 % (на кастильском – 22.3 и 10.6) ⁴²⁴. С другой стороны, исследования показали, что в случае обращения на кастильском лишь 7.8 % опрошенных ответят по-кастильски в то время, как 78.6 % ответят по-каталонски, а 12 % – никогда не обращаются к посторонним на кастильском языке ⁴²⁵.

Комментируя эту языковую мозаику в Каталонии, каталонский исследователь С. Хинер, указывает на то, что не следует упрощать ситуацию, как это делают некоторые кастильские авторы, низводя сложную проблему до стремления каталонских националистов вытеснить кастильский язык. По мнению каталонских авторов, часть кастильских исследователей намеренно пытается доказать, что власти Каталонии создали такую ситуацию, при которой «кастильский язык находится в опасности», а каталонские националисты стремятся сделать так, чтобы он «исчез с каталонской карты» ⁴²⁶. В связи с этим Сальвадор Хинер пишет, что «кастильский и каталонский языки являются частью гражданской жизни Каталонии, сосуществуют с непринужденностью и совсем небольшими трениями. В зависимости от окружения у них разный вес... каталонский язык имеет больший вес в школе, но намного больший вес имеет кастильский в средствах массовой информации» ⁴²⁷.

Каталанский язык в Каталонии является одним из важнейших факторов в развитии идентичности, каталонского политического и этнического национализма. Каталонский исследователь Виктор Гомес Пин полагает, что уже на раннем этапе политического транзита, во второй половине 1970-х годов, каталонские националисты и их кастильские оппоненты допустили одну серьезную ошибку, не оформив юридически признание необходимости развития, поддержки, сохранения и культивирования некастильских идентичностей и языков. В связи с этим В. Гомес Пин пишет, что «отойдя от франкизма, следовало бы наметить договор о совместимости

⁴²³ Sociolinguistic Situation in Catalan-Speaking Areas. – Barcelona, 2008. – P. 5.

⁴²⁴ Ibid. – P. 6.

⁴²⁵ Ibid. – P. 7.

⁴²⁶ Хинер С. Языки Испании / С. Хинер // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 46

⁴²⁷ Хинер С. Языки Испании. – С. 46.

каталонской культурной идентичности (в первую очередь ее языка), идентичности испанцев из других регионов и идентичности новых иммигрантов, у которых тоже есть свои собственные культурные проявления. Мы оказались бы в условиях, когда надо было бы взяться за другие вопросы, которые кажутся отложенными навечно, если только нет интереса к тому, чтобы это было по-другому, поскольку хорошо известно, что тот, кто навязывает свои проблемы, предопределяет в некоторой степени наш мир»⁴²⁸. Вероятное заключение своеобразного «культурно-языкового» пакта могло помочь Испании избежать периодических обострений национальных и региональных проблем. Настойчивость центра, влияние унификаторских тенденций не позволили достичь этого во второй половине 1970-х и в 1980-е годы. Поэтому, современная Испания представляет собой государство, где политический центр вынужден сталкиваться с серьезной и аргументированной региональной оппозицией.

С другой стороны, в исследовательской литературе неоднократно высказывалось мнение, согласно которому не следует придавать излишнее внимания языку. В частности, норвежский исследователь Ивар Нойманн полагает, что «свойством, которое делает язык важным носителем национальной идентичности, необязательно является его несходство с другими языками... с точки зрения этимологии, синтаксиса и произношения разница между хорватским и сербским, русским и украинским пренебрежимо мала»⁴²⁹. Столь смелое заявление норвежского автора вызвано, вероятно, элементарным незнанием трех из четырех упомянутых им иностранных языков. Приняв его логику, мы можем предположить, что разница между кастильским и каталанским языками также не столь значительна как, например, между кастильским и испанским и в этой ситуации каталанский язык не может играть важной роли в развитии идентичности и национализма. С другой стороны, именно язык является одним из важнейших инструментов в политической и этнической мобилизации в Каталонии.

На пути каталонских националистов к усилению статуса каталанского языка в Каталонии лежит испанская Конституция, принятая в 1978 году. В частности, согласно Статье 3, «испанский (кастильский) язык является официальным государственным языком. Все испанцы обязаны его знать и имеют право им пользоваться»⁴³⁰. С другой стороны, испанская Конституция создает условия для развития региональных языков: «остальные языки Испании также являются официальными языками в автономиях, согласно их Статутам»⁴³¹. Вместе с тем национальные радикалы в Каталонии пола-

⁴²⁸ Гомес Пин В. Язык, который устоял / В. Гомес Пин // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С.25.

⁴²⁹ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М., 2004. – С. 32.

⁴³⁰ Конституция Испании. Ст. 3, п. 1.

⁴³¹ Конституция Испании. Ст. 3, п. 2.

гают, что центр не заинтересован в выполнении третьего пункта Статьи 3 Конституции: «языковое богатство Испании является культурным достоянием и должно быть предметом особого уважения и защиты»⁴³². Движимые, с одной стороны, каталонским национализмом, а, с другой, озабоченностью о судьбе языка и культуры Каталонии, каталонские националисты предпринимают шаги, направленные на усиление каталонского языка, что воспринимается центром как проявление сепаратизма.

Исходя из приведенных выше статистических данных, заметна тенденция к тому, что каталонский язык более активно применяется в молодежной среде и сфере профессиональной коммуникации, что свидетельствует о значительном потенциале каталонского языка, направленной на сокращение применения кастильского, который, тем не менее, сохраняет роль языка межнационального общения, способствуя развитию в Каталонии билингвизма. Вероятно, именно в силу двуязычного характера Каталонии, в новый Статут вошел и пункт, который предусматривает для жителей Каталонии обязательное знание каталонского языка⁴³³. 19 июля 2006 года, в связи с изменением Статута, был принят закон⁴³⁴, призванный регламентировать внесение изменений в основной закон Каталонии, где особое внимание было уделено и каталонскому языку. В Каталонии 1990 – 2000-х годов каталонский язык перестал быть исключительно литературным или лингвистическим явлением, представляющим интерес для исследователей языка. Каталонский язык подвергся интеграции в политический дискурс, не став инструментом политической мобилизации и средством в политическом инструментарии сторонников этнического национализма. Несмотря на некоторую этнизацию политического дискурса в Каталонии на протяжении 1990 – 2000-х годов в отношениях между каталонским и кастильским сообществами доминировали идеи политической толерантности⁴³⁵, в то время как роль этнических стереотипов и националистических мифов была меньшей по сравнению с другими испанскими регионами, например – Страной Басков. Знание каталонского языка стало важным каналом социальной и политической мобильности. В исследовательской литературе высказывается и другая точка зрения, согласно которой усиление каталонского языка, его политизация имеет скорее негативные, нежели позитивные результаты.

⁴³² Конституция Испании. Ст. 3, п. 3.

⁴³³ См. подробнее текст Статута Каталонии: *Estatut d'autonomia de Catalunya 2006*. – Barcelona, 2006. – 156 p.

⁴³⁴ *Organic Law 6 / 2006 of the 19th July, on the Reform of the Statute of Autonomy of Catalonia*. – Barcelona, 2006. – 131 p.

⁴³⁵ Подробнее см.: Guerin D., Pelletier R. *Cultural nationalism and political tolerance in advanced industrial societies: The Basque country and Catalonia* / D. Guerin, R. Pelletier // *NEP*. – 2000. – Vol. 6. – No 4. – P. 1 – 22.

В частности, И.Л. Прохоренко полагает, что «превращение каталанского о всеобъемлющий язык лишит бедных жителей этого двуязычного региона изначального преимущества владеть одним из немногих крупных разговорных и письменных международных языков»⁴³⁶. Вероятно, тенденции к вытеснению испанского (кастильского) языка из Каталонии не в полной мере отражают политические и языковые процессы, протекающие в регионе, который продолжает оставаться частью Испании, Конституция которой исключительно за кастильским языком признает статус государственного. С другой стороны, конкуренция между кастильским и каталонским языком будет продолжаться и в будущем, но полное вытеснение кастильского языка за пределы политического дискурса Каталонии не сможет состояться в ближайшие двадцать – тридцать лет. Тем не менее, следует констатировать, что владение каталонским языком открыло новые возможности для каталонцев, получивших образование во второй половине 1970-х, или на протяжении 1980 – 2000-х годов, позволив им более активно конкурировать с представителями старших политических поколений или мигрантами из кастильских в языковом плане регионов Испании⁴³⁷.

Политизация языка, превращение каталонского языка в инструмент, негласно и неформально используемый в процессе рекрутирования политических элит, привел, с одной стороны, к большей консолидации каталонского национализма, способствуя, с другой, росту кастильских националистических трендов как реакции на каталонский языковой и связанный с ним политический сепаратизм. Вероятно, наибольшим успехом каталонских националистов стала и некоторая международная институционализация особого статуса Каталонии: регион получил право участвовать в реализации испанской внешней политике в той ее части, что касается членства в Европейском Союзе⁴³⁸. Комментируя подобные достижения нацио-

⁴³⁶ Прохоренко И.Л. Регионы Испании: четверть века в европейском пространстве / И.Л. Прохоренко // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ / под ред. А. Ю. Мельвиля. – М., 2007. – Т. 7 (Испания и Латинская Америка в мировой политике) / ред. А. В. Шестопа, Л. С. Окунева, С. М. Хенкин. – С. 39.

⁴³⁷ Об этом подробнее в социологической перспективе см.: Giner S. *La Societat Catalana* / S. Giner. – Barcelona, 1998.

⁴³⁸ Об участии испанских регионов в европейской интеграции и факторе политического регионализма см.: Аларкон Мартинес М.Д. Международная проекция деятельности регионов / М.Д. Аларкон Мартинес // Территориальная организация в Испании модели институционального развития. Испанский опыт для России: рынок и социальное развитие / отв. ред. А. Захаров. – М., 2005. – С. 26 – 35. О подобном опыте в теоретическом плане см.: Brunazzo M. *Le regioni italiane e l'Unione Europea. Accessi istituzionali e di politica pubblica* / M. Brunazzo. – Roma, 2005; *Lo spazio politico della regione. Cittadinanza, azione di governo e politiche pubbliche* / ed. V.E. Parsi. – Milano, 2004; Vandelli L. *Il sistema delle autonomie*

налистов в испанских регионах, И.Л. Прохоренко подчеркивает, что «процесс европейской интеграции выступил своеобразным катализатором дальнейшего развития процесса автономизации в Испании»⁴³⁹.

Этот процесс оказался, вероятно, необратимым, чем и попытались воспользоваться каталонские националисты. Например, составляя проект нового Статута⁴⁴⁰, каталонские националистически ориентированные интеллектуалы, преодолевая барьеры, созданные Мадридом во второй половине 1970-х годов⁴⁴¹, проявили значительный радикализм, вступив в про-

locali / L. Vandelli. – Bologna, 2004; Viesti G., Prota F. Le politiche regionali dell'Unione Europea / G. Viesti, F. Prota. – Bologna, 2004.

⁴³⁹ См.: Прохоренко И.Л. Регионы Испании: четверть века в европейском пространстве. – С. 36. О регионах Испании в контексте европейской интеграции и интеграции как факторе развития национализма см.: Downs W.M. El Parlament de Catalunya: A Model for Regional Assertiveness in the EU? / W.M. Downs // SESP. – 2003. – Vol. 8. – No 3. – P. 33 – 64.

⁴⁴⁰ В рамках подготовки принятия нового Статута Каталонский Женеалитет провел ряд мероприятий, направленных на популяризацию изменений каталонского законодательства. Женеалитет подготовил специальный Комментарий к Статуту, который касался нововведений. См.: Comparativa entre l'Estatut de 1979 i el nou Estatut. Principals diferències i novetats. – Barcelona, 2006. – 12 p.

⁴⁴¹ Эти барьеры связаны с процедурой разработки местных Статутов, которая ставит регионы в зависимость от центра. В испанской Конституции прописан следующий порядок выработки Статутов:

«В предусмотренном в предыдущем пункте случае процедура разработки статута будет следующей:

- 1) Правительство созывает всех депутатов и сенаторов, избранных в избирательных округах, входящих в состав территории, стремящейся получить самоуправление, с тем чтобы они учредили Ассамблею с единственной целью разработать соответствующий проект автономного статута посредством согласия абсолютного большинства ее членов.
- 2) Принятый парламентской Ассамблеей проект статута направляется в конституционную комиссию Конгресса, которая в течение двух месяцев рассматривает его с помощью и при участии делегации от представляющей проект Ассамблеи, с тем чтобы совместно определить окончательный проект статута.
- 3) В случае достижения такого согласия итоговый текст проекта выносится на референдум среди избирателей провинций, составляющих территорию, предусмотренную проектом статута.
- 4) В случае принятия проекта статута в каждой провинции большинством признанных действительными голосов проект вносится в Генеральные кортесы. На своих пленарных заседаниях обе палаты принимают решение о тексте посредством голосования для ратификации. Принятый статут подписывается королем и обнародуется как закон.
- 5) При недостижении согласия, предусмотренного подпунктом 2 данного пункта, проект статута вносится на рассмотрение Генеральных кортесов в качестве законопроекта. Принятый ими текст выносится на референдум среди избирате-

творечие со второй статьей испанской Конституции. При этом в текст Статута вошли положения финансового характера, которые позволят АС оставлять 50 % собираемых налогов. Проект Статута, содержащий попытки провозгласить Каталонию нацией (в преамбуле, например, отмечалось, что «Каталонская нация формировалась продолжительное время за счет вклада энергии многих поколений, многих традиций и культур, нашедших в ней пристанище... Каталония – это нация»⁴⁴²), стал попыткой ревизии испанской модели государства и нации.

Современный каталонский национализм развивается как совокупность преимущественно умеренных политических течений, которые в значительной степени институционализировались, а сама Каталония приближается к нации-государству, лишенной политического суверенитета. Не исключено, что умеренные националисты могут отказаться от идеи полной независимости, довольствуясь достигнутыми результатами, которым могут позавидовать националисты в национальных республиках, например, в составе РФ. Комментируя подобные тенденции на Западе, Г. Балакришан подчеркивает, что «национальное государство больше не является вектором исторического развития... господствующие направления государственного строительства... выходят за рамки привычных национальных измерений»⁴⁴³.

Конституция Испании основана на идее существования политической испанской нации, признавая за сообществами на территории страны права на сохранение и развитие собственных языков, идентичностей и культурных традиций. Проект Статута стал попыткой каталонских националистов заявить о том, что в Испании наряду с испанской политической нацией, ассоциируемой радикальными националистами исключительно с кастильцами, существует и каталонская политическая нация, институционализированная на региональном уровне⁴⁴⁴, что в перспективе могло способствовать фрагментации политического пространства Испании, сыграв роль

лей провинций, составляющих территорию, предусмотренную проектом статута. В случае принятия большинством признанных действительными голосов в каждой провинции статут подлежит подписанию и опубликованию в установленном предыдущим пунктом порядке». См. Конституция Испании. Ст. 151, пункт 2.

⁴⁴² Цит. по: Висенс Е. От национальности к нации, или уроки национализма / Е. Висенс // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С.9.

⁴⁴³ Балакришан Г. Национальное воображение / Г. Балакришан // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 264.

⁴⁴⁴ Об этом процессе региональной институционализации наций, которые признаются кастильскими интеллектуалами как этнические, но не политические сообщества см. подробнее: Miley Th. Against the Thesis of the “Civic Nation”: The Case of Catalonia in Contemporary Spain / Th. Miley // NEP. – 2007. – Vol. 13. – No 1. – P. 1 – 37.

стимула для активизации попыток отделения Каталонии от Испании. Полемизируя с кастильскими националистами, каталонский политик Ж. Саура указывал на то, что провозглашение Каталонии нацией вовсе не является проявлением сепаратизма и не приведет к ограничению прав кастильцев⁴⁴⁵. Провозгласить Каталонию нацией окончательно каталонские националисты не смогли и были вынуждены ввести в текст Статута компромиссную формулировку, согласно которой «парламент Каталонии... значительным большинством определил Каталонию как нацию»⁴⁴⁶.

На современном этапе каталонский национализм отмечен стремлением его теоретиков позиционировать Каталонию не только как нацию, но и как самостоятельное политическое сообщество. Активную роль в продвижении идеи каталонской идентичности как одновременно национальной и политической играет Женералитет, ведущий активную издательскую деятельность не только на каталанском, но и иностранных языках. Официальные публикации Женералитета на английском, немецком, русском и других языках Европы призваны способствовать в мире восприятию Каталонии не как части Испании, а как отдельной страны. В этом контексте показательным является одно из официальных изданий Женералитета «Каталония, страна с большой буквы», подготовленное помимо каталанского, на нескольких языках. Авторы склонны позиционировать Каталонию как «европейскую страну»⁴⁴⁷, «страну XXI века с собственным языком и самобытной культурой», на территории которой «вековая традиция народных праздников, многообразие ландшафтов и превосходная местная кухня сочетаются с высокими стандартами, соответствующими всем требованиям современности на уровне других стран Европейского Союза, что позволяет нам с уверенностью и надеждой смотреть в будущее»⁴⁴⁸.

Значительное внимание в рамках современного каталонского националистического дискурса уделяется историческим нарративам, что сближает его с другими современными европейскими национализмами⁴⁴⁹, осо-

⁴⁴⁵ См.: Саура Ж. Равенство – это не единообразие / Ж. Саура // Испания – Каталония. Империя и реальность. Сборник статей / сост. Е. Висенс. – М., 2007. – С. 20.

⁴⁴⁶ Цит. по: Висенс Е. От национальности к нации... – С.9.

⁴⁴⁷ Каталония – европейская страна // Каталония, страна с большой буквы. – Барселона, 2008. – С. 2.

⁴⁴⁸ Угет-и-Биоска Ж. Каталония, страна с большой буквы // Каталония, страна с большой буквы. – Барселона, 2008. – С. 1.

⁴⁴⁹ В значительной степени на риторику каталонских националистов похож нарратив, предлагаемый хорватским политологом Мирославом Вуйевичем, который подчеркивает, что «в прошлом хорваты обладали своей собственной государственностью, добровольно входили в состав других государств, в которых сохраняли элементы своей государственности». См.: Vujević M. Nacionalna identifikacija u Hrvatskoj / M. Vujević // DI. – 2007. – Br. 3. – S. 379.

бенно теми, которые относительно недавно в полной мере или ограниченно обновили и / или восстановили свои собственные традиции государственности. В одном из официальных изданий Женералитета подчеркивается, что «история Каталонии охватывает более десяти веков, на протяжении которых на ее территории сменяли друг друга различные культуры – иберы, кельты, древние греки, римляне, вестготы и мусульмане. В XII веке, в результате брачного союза между наследниками династий графов Барселоны и королей Арагона было образовано Королевство Каталонии и Арагона, превратившееся в Средние Века в могущественную морскую и торговую державу. Политическая и юридическая независимость каталано-арагонской Короны сохранилась до 1714 года – года восшествия на престол испанского короля Филиппа V. С этого момента каталонскому народу пришлось бороться за восстановление своих прав и свобод»⁴⁵⁰. В этом контексте каталонские националисты подчеркивают, что Каталония имеет свою уникальную самобытную историю, отличную от исторического процесса в других регионах Испании.

Культурная аргументация каталонских националистов имеет принципиально важное значение в контексте их политической полемики с Мадридом. Каталонские национально ориентированные авторы исходят из того, что политическая идентичность основывается на идее нации как культурной общности. Актуализированная этничность в этом контексте является каналом политизации культурного пространства в Каталонии. Именно культура, в первую очередь – язык, играют роль универсальных индикаторов, которые позволяют выделять каталонцев из всей массы граждан Испании не только как культурную общность, но и как политическое сообщество⁴⁵¹. Особое внимание каталонскими авторами уделяется каталанскому языку («в Каталонии с XII века говорят на собственном языке – каталонском. С восстановлением демократии в 1979 году каталонский и испанский языки были признаны коофициальными языками на территории Каталонии. Формирование каталонского языка восходит к средним векам, и, несмотря на репрессии и запреты на его использование, налагавшиеся в определенные исторические эпохи, он по-прежнему является наиболее распространенным языком среди жителей Каталонии»⁴⁵²) как консолидирую-

⁴⁵⁰ Каталония: страна с тысячелетней историей // Каталония, страна с большой буквы. – Барселона, 2008. – С. 3.

⁴⁵¹ Ряд европейских стран столкнулся с проблемой фрагментации единого гражданского пространства. Каталонские националисты пока не столь активны в идее усреждения особого каталонского гражданства в рамках Испании. В этой ситуации опыт некоторых стран Европы является показательным. См.: Weinar A. Two passports – One Nation? Parliamentary Debates on Multiple Citizenship in Poland / A. Weinar // MET. – 2003. – Vol. 19. – No 2 – 3. – P. 193 – 221.

⁴⁵² Язык, знак самобытности // Каталония, страна с большой буквы. – Барселона, 2008. – С. 3.

щему фактору в развитии каталонской идентичности не только в этническом, но и политическом измерении. По мнению каталонских националистов, Каталония – часть Испании, но не Испания, о чем свидетельствует борьба каталонцев за независимость: «на разных этапах своей истории каталонская нация пользовалась большей или меньшей степенью самоуправления и имела собственные органы власти и свойственные каждой исторической эпохе формы правления»⁴⁵³. В этом контексте показательным является не только символическое обращение к народным традициям, но и стремление позиционировать Каталонию именно в европейском контексте, несмотря на попытки некоторых интеллектуалов выработать особый тип европейской идентичности⁴⁵⁴ и то, что регион входит в ЕС как часть Испании.

Значительная активизация этнических трендов в рамках каталонского национализма в 2000-е годы продемонстрировала, что модель культивирования политической испанской нации в условиях ограниченных уступок регионам является крайне неэффективной. Модель политической нации в современной Испании, как правило, ассоциируется не с Испанией в целом, но лишь с кастильскими регионами страны, что вызывает недовольство и непонимание в перифериях, которые обладают выраженной этнической, языковой и политической спецификой. С другой стороны, полемика, связанная с изменением статута Каталонии, свидетельствует об амбициях каталонских политических элит, консолидирующим фактором для которых является не каталонский этнический, но каталонский *политический* национализм, что отвечает интересам умеренных националистов Каталонии, не противореча и интересам кастильских элит, для которых наиболее опти-

⁴⁵³ Каталония – европейская страна. – С. 2.

⁴⁵⁴ Успехи европейской интеграции и скептический настрой некоторых авторов относительно потенциала наций и национализма не привели к отмиранию национальных идентичностей в Европе. В теоретическом плане о развитии европейской идентичности и ее (co)отношении с национальными идентичностями см.: Bauman Z. Identity in the globalising world / Z. Bauman // SA. – 2001. – Vol. 9. – No 2. – P. 121 – 129; Božić-Vrbančić S. Diskurzivne teorije i pitanje europskog identiteta / S. Božić-Vrbančić // ET. – 2008. – Vol. 38. – S. 9 – 38; Brah A. Re-framing Europe: Gendered Racisms, Ethnicities and Nationalisms in Contemporary Western Europe / A. Brah // Cartographies of Diaspora: Contesting Identities / ed. A. Brah. – L., 1996. – P. 152 – 178; Čačić-Kumpes J. Etničke raznolikosti u Europi i politika kulturnog pluralizma / J. Čačić-Kumpes // Etničnost, nacija, identitet: Hrvatska i Europa / ured. R. Čičak-Chand, J. Kumpes. – Zagreb, 1998. – S. 71 – 83; Čačić-Kumpes J. Politike reguliranja kulturne i etničke različitosti: o pojmovima i njihovoj upotrebi / J. Čačić-Kumpes // MET. – 2004. – Vol. 20. – No 2 – 3. – S. 143 – 159; Čapo Žmegač J. Transnationalisation and Identification among Youth of Croatian Origin in Germany / J. Čapo Žmegač // NUCJEFR. – 2005. – Vol. 42. – No 1. – P. 9 – 24.

мальной является диалог с каталонскими националистами как политическими партнерами или оппонентами, но не этническими радикалами.

Сложно прогнозировать перспективы развития каталонского национализма, но во внимание следует принимать и то, что «возможности воображения сообществ бесконечны, можно ожидать, что политическая карта мира»⁴⁵⁵ и впредь, как полагает, Майкл Биллиг, будет оставаться нестабильной. Современный каталонский националистический дискурс, магистральные тренды которого являются именно политическими (гражданскими) проявляет значительные амбиции, связанные с расширением поля (сферы) деятельности политических элит Каталонии. В отличие от национализма басков, имеющего мощный этнический бэк-граунд и направленного на партикуляризацию баскского политического пространства в его этнических границах, каталонский национализм в 2000-е годы, став всеиспанским политическим феноменом, активно использовался региональными элитами Каталонии как инструмент в полемике с Мадридом, если та касалась не только политических, но в первую очередь экономических проблем, а также – каталонского участия в европейской политике.

⁴⁵⁵ Биллиг М. Нации и языки / М. Биллиг // Логос. Философско-литературный журнал. – 2005. – № 4 (Язык и национальное сознание). – С. 55.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая история Каталонии в XX столетии прошла под знаком перемен – политических, социальных, культурных, интеллектуальных, экономических. В комплексе эти перемены могут быть определены как модернизация. Политическая модернизация в Каталонии, экономические и социальные трансформации в значительной степени предопределили современный облик этой территории. С другой стороны, успех политической и тем более экономической модернизации был невозможен без изменений на уровне социальных и культурных отношений, связей и коммуникаций. Именно изменения, которые протекали на этом уровне, способствовали появлению и развитию новой идентичности, в первую очередь – политической, которая привела к появлению гражданской нации.

Проблема появления новой идентичности или начального этапа ее формирования остается дискуссионной. Вероятно, столь значительные политические, социальные и культурные перемены были невозможны в колониальный период, хотя культурные и социальные условия и предпосылки для постепенной модернизации местных (со)обществ сложились на этапе доминирования старых имперских моделей организации политического пространства и доминирования – в Каталонии на подобный статус претендовали политические нормы и традиции связанные с Мадридом как кастильскоязычным центром. В силу того, что именно европейское влияние оказывало разрушающее воздействие на местные политические культуры. Интеллектуально и культурно успех политической модернизации связан с появлением новых идентичностей, развитием различных идентичностных проектов, которые предлагались местными интеллектуалами в рамках модернистской парадигмы.

История XX века для Каталонии, которая быстро теряла свою традиционность, трансформируясь в нацию, стала историей национализма, националистических движений, которые в качестве своей основной цели ставили создание национального государства, нередко используя при этом политические институты и ценности бывшей метрополии. Анализируя национализм в Каталонии, во внимание следует принимать периферийный статус региона. Феномен территориально-географической и культурной периферийности привел к появлению политического измерения периферийного статуса, что выразилось в замедленных темпах развития современных политических институтов и форм участия. Именно поэтому сферой формирования и позднее доминирования националистического дискурса была культура, в частности – литература.

Процесс формирования каталонского национализма отличался значительной сложностью, что было связано с идентичностным измерением процесса нациостроительства. Эта идентичность, основанная на отноше-

ниях принуждения и доминирования, связана с проблемами развития высокой культуры старых традиционных аристократий – культурных и политических элит. Каталонская идентичность была порождена националистическим движением, которое постепенно становилось массовым и, поэтому, отвергало традиционные модели политической и культурной коммуникации, основанные на культуре принуждения и подчинения, за которой был сокрыт как политический, так и религиозный бэк-граунд.

В интеллектуальной жизни Каталонии в рамках развития национализма постепенно завоевывала позиции модернистская парадигма, которая способствовала развитию нового типа идентичности – современной идентичности современных наций, которые к тому времени «обросла» в большей степени этническими, но не политическими измерениями. Утверждение модернизма в культурной и социальной традиции ознаменовало кризис традиционной идентичностной модели, способствуя утверждению модернистского дискурса, что проявилось в появлении в литературных текстах, которые читались как политические, что связано не только с развитием национализма и появлением новых идентичностей, но и с функционированием авторитарных режимов, которые унифицируя и контролируя политическое пространство, способствовали вытеснению национального их сферы политического в культуру.

Национальность, которая постепенно в условиях идеологического диктата, контроля и цензуры мигрировала из сферы политики в область воспроизводства и функционирования интеллектуального сообщества, артикулировалась в определенном наборе социальных и культурных ценностей, которые доминировали в рамках национализирующихся (со)обществ Каталонии, разделяясь и принимаясь значительной частью местных интеллектуалов-националистов, которые были не просто и не только носителями «высокой культуры», но и обладали особой и уникальной идентичностью, которая имела ярко выраженный гендерный, маскулинный, бэк-граунд. Именно поэтому женщины-националистки как активные политические авторы в этих регионах появятся только на волне политической демократизации 1970 – 1990-х годов в Каталонии. Такая ситуация автоматически исключала женщин из числа активных акторов, даже – в воображаемой социальной реальности литературного текста. Набор социальных ролей женщины Каталонии в националистическом и интеллектуальном дискурсе периода существования авторитарных обществ почти не выходил за пределы семьи и материнства, развиваясь, таким образом, в рамках преимущественно традиционалистской модели. Вероятно, это были даже не социальные роли, а социальные и культурные предписания, принятые недобровольно, а воспринятые в силу доминирования традиции.

Ценности, повлиявшие на формирование женского дискурса в значительной степени оставались традиционными, а общество было затронуто модернизационными процессами в незначительной степени. Новые тен-

денции были связаны с развитием националистического движения и политической оппозиционности. Модернизация каталонского общества, протекавшая на протяжении XX столетия оказалась феноменом почти исключительно маскулинным. Несмотря на то, что модернизация затронула большинство сфер жизни социумов Каталонии – националистические движения в этих регионах развивались как гендерные, то есть мужские. С другой стороны, следует принимать во внимание и то, что модернизация протекала в сфере социальных отношений, что проявилось в вытеснении неформальных акторов и структур, их заменой государственными служащими недемократического режима (на смену которым пришли бюрократы национализирующихся государств и сообществ) как агентами национального государства, претендовавшего на политическую универсальность. Модернизация, таким образом, стала мощным каналом социальных перемен, которые затронули не только пространство политических культур и социальных коммуникаций, но и сферу гендерных отношений.

В рамках модернизации и связанных с ней культурных трендов сложились условия для формирования новой политической идентичности, которая оказалась в состоянии предложить идею гражданской нации, интегрировав политические, гендерные и религиозные тренды. Постепенно в этот концепт единых политических наций интегрировались региональные культурные, политические и этнические тренды, которые в условиях колониального периода существовали в значительной степени изолировано. В рамках модернистской культурной парадигмы сложились условия для принципиального нового понимания и прочтения нации, которая начала осознаваться в значительной степени конструктивистски, как совокупность совпадающих не только этнических и политических. В этом отношении модернизм, как универсальная форма политического, культурного и гендерного языка, безусловно, оказался мощным интеграционным фактором, который способствовал консолидации политического пространства в рамках новой идентичности, носителями которой стали гражданское (или потенциально) гражданское (со)общество в целом.

В этом контексте модернизация и национализм стали мощнейшими факторами для развития националистического воображения, националистической рефлексии и спекуляции. Географическое воображение развивалось как сознательное конструирование пространства специально для себя и под себя. Триумф национализмов привел к тому, что локальные архаичные институты и политические отношения были в значительной степени разрушены и / или трансформированы, а сама периферия интегрировалась в новый государственно-политический контекст авторитарной государственности.

Создание современных наций было осложнено, точнее – отягощено, наличием множественного националистического опыта, за которым стояли различные идентичности, связанные как с идеей политической нации, так и

нации как этнически гомогенного сообщества. Не следует преувеличивать прогрессивное значение модернизации на территории европейских периферий в виду того, что процесс строительства нации и формирования националистического дискурса оказался далеким от своего завершения. Это выразилось в сосуществовании разных идентичностей, отличных идентичностных проектов и конкуренции этнически и политически ориентированного националистического опыта. Политические ориентиры ведут к триумфу гражданского (либерального, умеренного и не столь опасного) национализма. Примат этничности неизбежно выливается в радикализацию националистического дискурса, что ведет к его постепенной маргинализации. История македонского, грузинского, каталонского и чувашского национализмов наполнена как политическими, так и этническими дискурсами.

Национализм и модернизм принадлежат к числу тех культурно-политических феноменов, между которыми существует устойчивая связь. Национализм своим появлением обязан модернизации, разрушению традиционализма и архаики. В этом контексте модернизм претендовал на то, чтобы играть роль универсального политического языка для национализма, но и языка национализма в целом. Модернизм способствовал не только консолидации, но и фрагментации политического пространства. Именно в рамках модернизма предлагались различные интеллектуальные концепты, связанные с политикой. Благодаря доминированию модернистской парадигмы политический процесс в Каталонии в условиях существования авторитарных режимов обрел интеллектуальные основания, что вело к фрагментации политического поля, выделению левых и правых политических трендов, степень радикализации которых и причастности к националистическому наследию прошлого могла быть различной. И левые, и правые националисты в Каталонии в большинстве своем оставались модернистами и националистами, активно используя именно модернистский политический язык, своеобразную политическую поэтику, направленную на формирование политически противоположных, но по природе модернистских и националистически (анти)светских концепций идентичности.

Традиционное общество в Каталонии существовало на протяжении нескольких столетий. Поэтому, оно отличалось немалым адаптивным потенциалом. С другой стороны, особенности традиционализма, среди которых значительная статичность, крайне слабая восприимчивость к новациям и изменениям, а так же внешним влиянием, предопределили поражение балканского и закавказского вариантов традиционализма в противостоянии с национализмом. Модернизация и традиция, таким образом, перманентные исторические конкуренты. В противостоянии местных традиционализмов, как устойчивых, но локальных, явлений и феноменов традиция оказалась не в состоянии противостоять национализму, который предлагал политические идеи, претендовавшие на историческую универсальность.

Не исключено, что отмирание традиционности, исчезновение традиционных институтов и отношений под напором принципов политического и гражданского национализма имело исключительно позитивный характер. По чисто внешним показателям вытеснение старых архаичных и доmodernных форм организации новыми типами социальной, культурной и политической коммуникации было явлением сугубо прогрессивное. Отмирание старых идентичностей в Каталонии осложнялось тем, что идентичность в этих регионах развивалась как множественный феномен.

Политическая модернизация, проведенная в рамках авторитарной модели, привела к ломке традиционных идентичностей, но вовсе не означала однозначной победы одного идентичностного проекта над другими. Усилиями правящих политических элит политическое поле в европейских перифериях подверглось значительным трансформациями. Сфера политического – политического участия, политического протеста, политического несогласия – была существенно сужена, что вызвано как особенностями политического развития и культурной спецификой региона. Это привело к трансформации дискурса политического, его перемещению из сферы собственно политической в сферу культуры и литературы, интеллектуальных дебатов.

Литературная деятельность и интеллектуальный труд стали не только в значительной степени воображаемым пространством бытования политического дискурса, но и теми сферами в функционировании грузинского, македонского, чувашского и каталонского социума, которые имели принципиальное значение для сохранения национальных идентичностей перед вызовами и угрозами ассимиляции, а также связанных с ними лояльностей и легитимностей. Важным каналом для формирования подобных идентичностных проектов была литературная и научная деятельность, которая базировалась, в том числе, и на переосмыслении исторического прошлого и политического опыта. Сознательно подвергая интеллектуальное, культурное и политическое пространство фрагментации, грузинские, чувашские, каталонские и македонские интеллектуалы-националисты предлагали новые идентичности, диапазон которых мог варьироваться от лояльных жл оппозиционных.

История Каталонии XX века является не только историей модернизации и создания нового динамично развивающегося, трансформирующегося и приспособляющегося к вызовам современности общества. Успешная модернизация была невозможна без кризиса традиционности. Отмирание и упадок традиционных отношений – эти два процесса сопровождали рождение современных политических наций региона. Политические процессы в Каталонии на протяжении XX века оказали значительное влияние на фрагментацию культурного и социального пространства. В XX столетии государства региона была расколота не только социально и политически, но и культурно, а также интеллектуально. Значительной фрагментации

подверглось интеллектуальное сообщество, в рамках которого формировались различные идентичностные проекты. Политическая и гражданская идентичность в общем плане продолжала или могла оставаться грузинской или македонской, но при этом она могла определяться различными политическими трендами.

В этой ситуации формировались феномены правой и левой политической идентичности, а также особые типы, связанной с ними, политической лояльности и политической культуры. Идентичностное пространство было фрагментировано не только с точки зрения принадлежности к различным социальным классам и приверженности различным политическим предпочтениям, но и регионально. Особенности географического положения, этнической структуры населения стали факторами, которые определили процесс регионализации Каталонии. Вероятно, мы можем выделить отдельные типы городской и периферийной идентичности, которые, в свою очередь, могли соотноситься с политическими общенациональными трендами.

Анализируя политические и интеллектуальные процессы в Каталонии, следует принимать во внимание, что в значительной степени были детерминированы крупнейшими политическими, историческими, культурными и интеллектуальными центрами. Это вовсе не означает, что интеллектуальная и политическая история Каталонии не имела регионального измерения. Региональные политические тренды в XX веке были подвергнуты процессам принудительной политической унификации – чувашская нация возникла в результате государственного нациостроительства и националистического воображения интеллектуалов, каталонская нация консолидировалась перед угрозами и вызовами ассимиляции и принудительной интеграции в испанское (кастильское) политическое и языковое пространство.

Политическое принуждение вызывало понимание со стороны не всех представителей интеллектуальных сообществ Каталонии. Политическая динамика в регионе привела к появлению благоприятных условий для развития политического протеста, несогласия. Важным каналом развития и функционирования альтернативных идентичностных трендов была литература и научная деятельность в гуманитарных науках. В условиях этой политической и социальной фрагментации вырабатывались новые политические практики и стратегии, как радикальные, что в итоге стало одним из условий формирования гражданских (политических) наций, ставших основными акторами модернизационных перемен.

Тексты интеллектуалов-националистов Каталонии отразили те идентичностные перемены, которые затронули региональные и национальные социумы, подвергнутые значительной фрагментации. Политические и социальные границы в островных динамично развивающихся национализирующихся и выстраиваемых в Каталонии протекали не только в плоскости политических предпочтений и границ социальных классов, культурных

сообщества и региональных групп. Эти различия, которые фрагментировали политическое пространство, разрушая его единство, ставя под сомнение авторитет центра, имели в большей степени идентичностные истоки. Различные группы национализирующегося общества Каталонии, которое в неодинаковой степени было подвержено влиянию политического авторитаризма с его тенденциями к унификации политического и культурного пространства, имели разные социо-культурные ориентиры, формировавшие диаметрально противоположные политические идентичности и связанные с ними политические культуры и лояльности.

Среди важнейших факторов, которые оказали влияние на развитие национализмов и идентичностей в регионе Македонии, Грузии, Чувашии и Каталонии на протяжении XX столетия, была трансформация комплекса нарративов, связанных с функционированием образов «чужого» и «другого». Образы инаковости принадлежат к числу принципиально важных, универсальных культурных сигналов, которые помогают членам сообщества расшифровать и правильно понять своеобразное символическое националистическое послание, авторами которого являются носители высокой культуры, а потребителями граждане, объединенные идентичностью, основанной, в том числе, и на отделении себя от других, похожих или отличных, сообществ. Именно образы чуждости и самости формируют уникальный культурный код, играя, вместе с тем, одну из центральных ролей в развитии националистического воображения и в конструировании идентичностей.

Именно поэтому в рамках интеллектуального дискурса собственная национальная идентичность, актуализированная во второй половине XX столетия, начала восприниматься не просто как идентичность воображаемого сообщества, но и в качестве идентичности успешно национализирующегося и модернизирующегося общества, в основе которого пребывала та или иная политическая нация. С другой стороны, социум Каталонии «заплатил» за эту успешность националистической модели модернизации высокую цену, связанную с разрушением и размыванием традиционности как собственно местных региональных сообществ, так и чуждых групп, предназначенных, по мнению националистически ориентированных элит, на ассимиляцию. Но и в этой ситуации триумф националистического политического воображения, успешное утверждение идеи политической нации в значительной степени изменил спектр проявления образов «чуждости», которые переместились из интеллектуальной сферы в сферу массовой культуры.

Опыт политической модернизации и интеграции Запада, который оказался в состоянии отказаться от националистической риторики, сменив воображение националистическое культивированием европейской политической и культурной идентичности, свидетельствует о возможности решения столь сложных конфликтов. Примирению Запада после завершения второй

мировой войны понадобилось несколько десятилетий, чтобы выстроить систему известную как Европейский Союз. Открытым остается вопрос, каким временным потенциалом располагают элиты стран и регионов, стремящихся к большей институционализации, возникших в результате триумфа национализма. Ситуация осложняется и тем, что этот национализм был не только гражданским и политическим. С другой стороны, европейская интеграция и политическая европеизация не является панацеей от радикальных проявлений национализма, о чем свидетельствует опыт Испании.

Современный западный мир развивается в условиях доминирования тенденций к глобализации. В глобализирующемся мире национализм выглядит подобно анахронизму. В Европе возобладали настроения в пользу политической интеграции, а национальное государство, порожденное эпохой национализма, начинает уступать свои позиции наднациональным политическим институтам. Опыт Испании, страны, в состав которой входит Каталония, в этом контексте показателен. Несмотря на то, что Испания является членом ЕС, членство в этом интеграционном объединении не гарантирует испанские элиты от вызовов региональных национализмов, в том числе – и каталонского. Интеграция или неинтеграция не может играть роль универсального средства в борьбе против региональных национализмов. Вероятно, в ближайшей перспективе политический национализм продолжит пребывать среди наиболее важных факторов, которые будут определять развитие европейских периферий. С другой стороны, степень его влияния и радикализации будет зависеть и от готовности, как националистов, так и правящих элит, центральных и региональных, к политическому диалогу.

БИБЛИОГРАФИЯ

На кастильском (испанском) языке:

1. Acosta Sanches J. Andalucía. Reconstrucción de una identidad y la lucha contra centralismo / J. Acosta Sanches. – Barcelona, 1978.
2. Aguado A., Ramos M.D. La modernización de España (1917-1939). Cultura y vida cotidiana / A. Aguado, M.D. Ramos. – Madrid, 2002.
3. Aguado Renedo C. El Estatuto de Autonomía y su posición en el ordenamiento jurídico / C. Aguado Renedo. – Madrid, 1996.
4. Aguilar Fernández P. Política y ética, memoria e historia: las peculiaridades del caso vasco en el contexto español / P. Aguilar Fernández. – [n.p.], 1998. – 25 p.
5. Aja Fernández E. Estado autonómico. Federalismo y hecho diferenciales / E. Aja Fernández. – Madrid, 1999.
6. Aja T. El sistema jurídico de las Comunidades Autónomas / T. Aja – Madrid, 1986.
7. Alberti Rovira E. Estado autonómico e integración política / E. Alberti Rovira // Documentación Administrativa. – 1992 – 1993. – No 232 – 233. – P. 223 – 246
8. Anguera P. Nacionalismo e Historia en Cataluña: Tres propuestas de debate / P. Anguera // Nacionalismo e historia / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 73 – 87.
9. Antuña Souco C.A. O galeguismo na provincia de Pontevedra (1930-1936) / C.A. Antuña Souco. – Sada-a-Coruña, 2000.
10. Antuña Souto C.A. El nacionalismo gallego (1916-1936), Una madurez inconclusa / C.A. Antuña Souto // Espacio, Tiempo y Forma. – 2000. – Serie V. – Vol. 13. – P. 415 – 440.
11. Aragón Reyes M. El Estado autonómico ¿modelo indefinido o modelo inacabado? / M. Aragón Reyes // Autonomías. – 1995. – No 20. – P. 187 – 195.
12. Arbós X., Puigsec C. Franco i l'espanyolisme / X. Arbós, C. Puigsec. – Barcelona, 1980.
13. Arostegui J. Violencia y política en España / J. Arostegui. – Madrid, 1994.
14. Arrarás J. Historia de la Segunda República española / J. Arrarás. – Madrid, 1970.
15. Arribas A. Partits i Conformació d'elits polítiques autonòmiques. Transició política i partits polítics al País Valencià / A. Arribas. – Barcelona, 2000. – 36 p.
16. Astudillo E. Lenguaje, evolución y nacionalismo a propósito del libro “Lenguas en guerra” / E. Astudillo // Astrolabio. Revista internacional de filosofía. – 2006. – No 2. – P. 7 – 19.

17. Azaña M. Defensa de la autonomía de Cataluña / M. Azaña. – Barcelona, 1977.
18. Balaguer Callejón F. La constitucionalización del Estado Autonómico / F. Balaguer Callejón // Anuario de Derecho Constitucional y Parlamentario. – 1997. – No 9. – P. 129 – 160.
19. Balcells A. Crisis económica y agitación social en Catalunya / A. Balcells. – Barcelona, 1971.
20. Balcells A. El sindicalismo en Barcelona (1916-1923) / A. Balcells. – Barcelona, 1966.
21. Balcells A. Trabajo industrial y organización obrera en la Catalunya contemporánea (1900-1936) / A. Balcells. – Barcelona, 1974.
22. Baroja C. “Los nacionalismos vasco y catalán se fundamentan en textos de segundo orden”: El antropólogo dicta en Madrid un curso sobre las falsificaciones de la historia / C. Baroja // El País. – 1990. – February, 2.
23. Barrera C. Sin mordaza. Veinte años de prensa en democracia / C. Barrera. – Madrid, 1995.
24. Barrera González A. Lengua, identidad y nacionalismo en Cataluña durante la transición / A. Barrera González // Revista de Antropología Social. – 1997. – No 6. – P. 109 – 137.
25. Beriain J. La integración en las sociedades modernas / J. Beriain. – Barcelona, 1996.
26. Bernecker W.L., Brinkmann S. La difícil identidad de España. Historia y política en el cambio de milenio / W.L. Bernecker, S. Brinkmann // Iberoamericana. – 2004. – No 15. – P. 85 – 102.
27. Blas Guerrero A. Sobre el nacionalismo español / A. Blas Guerrero. – Madrid, 1989.
28. Buse M. La nueva democracia en España. Sistema de partidos y orientación del voto (1976-1983) / M. Buse. – Madrid, 1984.
29. Carreras Ares J.J. De la compañía a la soledad: el entorno europeo de los nacionalismos peninsulares / J.J. Carreras Ares // Nacionalismo e historia / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 7 – 28.
30. Casassas i Ymbert J. Espacio cultural y cambio político. Los intelectuales catalanes y el catalanismo / J. Casassas i Ymbert // Espacio, Tiempo y Forma. – 1993. – Serie V. – Vol. 6. – P. 55 – 80.
31. Casullo N. Sobre Paolo Virno: ¿Qué es lo que políticamente nos está sucediendo en la Argentina? / N. Casullo // Revista de Crítica Cultural. – 2002. – No 24. – P. 16 – 17.
32. Cierva R. de la, Historia de la guerra civil española. Perspectivas y antecedentes (1898-1936) / R. de la Cierva. – Madrid, 1969.
33. Cirujano P., Elorriaga T., Pérez Carzón J.S. Historiografía y nacionalismo español. 1834 – 1868 / P. Cirujano, T. Elorriaga, J.S. Pérez Carzón. – Madrid, 1985.

34. Corcuera Atienza J. Historia y nacionalismo en el caso vasco: De la invención de la Historia a los derechos que de la Historia se derivan / J. Corcuera Atienza // Nacionalismo e historia / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 53 – 72.
35. Corcuera J. Orígenes, ideología y organización del nacionalismo vasco (1876-1904) / J. Corcuera. – Madrid, 1979.
36. Costa L. Dictadura la Primo de Rivera / L. Costa. – Barcelona, 1995.
37. Cotarelo R. Transición y Consolidación democrática en España, (1975 – 1986) / R. Cotarelo. – Madrid, 1992.
38. Cruz Villalón P. La Constitución territorial del Estado / P. Cruz Villalón // Autonomías. – 1991. – No 13. – P. 61 – 68.
39. Díaz Barrado M.P. Análisis del discurso político. Una aplicación metodológica / M.P. Díaz Barrado. – Mérida, 1989.
40. Eberenz R. ¿Qué historia de la lengua? / R. Eberenz // La Corónica. – 2005. – Vol. 34. – No 1. – P. 164 – 175.
41. España bajo el franquismo / ed. J. Fontana. – Barcelona, 1986.
42. Esteva Fabregat C. La cuestión nacional catalana en la España contemporánea / C. Esteva Fabregat // Alteridades. – 1997. – No 7. – P. 35
43. Fernández Sebastián J. España, monarquía y nación. Cuatro concepciones de la comunidad política española entre el Antiguo Régimen y la Revolución liberal / J. Fernández Sebastián // Historia Contemporánea. – 1994. – No 12. – P. 45 – 74.
44. Forcadell Álvarez C. Las fantasías históricas del aragonesismo político / C. Forcadell Álvarez // Nacionalismo e historia / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 143 – 160.
45. Fusi J.P. El problema vasco en la II República / J.P. Fusi. – Madrid, 1979.
46. García de Enterría E. El futuro de las autonomías territoriales / E. García de Enterría // España: Un presente para el futuro. – Madrid, 1984. – Vol. II. Las instituciones. – P. 99 – 120.
47. Gellner E. Nacionalismo / E. Gellner. – Barcelona, 1998.
48. Gerre Landín M. Las Comunidades Autónomas en la Constitución española de 1978 / M. Gerre Landín // Revista Jurídica de Cataluña. – 1979. – No 2. – P. 53 – 86.
49. González Antón L. Falsificación Histórica y reaccionarismo político: Cataluña – al asalto nacionalista / L. González Antón // El Noticeiro de las ideas. – 2006. – No 25.
50. González Casanova J.A. Federalismo y autonomía. Cataluña y el Estado español (1868 – 1938) / J.A. González Casanova. – Barcelona, 1979.
51. González de Molina M. El andalucismo político 1915-1998. ¿Un andalucismo imposible? / M. González de Molina // Nacionalismo e historia / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 89 – 116.
52. Gonzalez Portilla M. Industrialización y Nacionalismo / M. Gonzales. – Bellaterra, 1985.

53. Granja J.L. de la, Nacionalismo y II República en el País Vasco / J.L. de la Granja. – Madrid, 1986.
54. Habermas J. Identidades nacionales y postnacionales / J. Habermas. – Madrid, 1998.
55. Hervás A.G. Los fundamentos teológicos de la política moderna / A.G. Hervás // *Araucaria*. – 2004. – Vol. 5. – No 12. – P. 50 – 66.
56. Hobsbawm E. Naciones y nacionalismo desde 1780 / E. Hobsbawm. – Barcelona, 1992.
57. Jackson G. La República Española y la guerra civil (1931-1939) / G. Jackson. – Princeton, 1967.
58. Jáuregui G. Los nacionalismos minoritarios y la Unión Europea / G. Jáuregui. – Barcelona, 1977.
59. Juana J. de, Castro X. de, Historia comparada del Nacionalismo gallego y bretón / J. de Juana, X. de Castro // *Revista de la Facultad de Geografía e Historia*. – 1987. – No 1. – P. 119 – 143.
60. Keating M. Regionalismo, autonomía y regímenes internacionales / M. Keating. – Barcelona, 1993. – 13 p.
61. Kymlicka W. Federalismo, nacionalismo y multiculturalismo / W. Kymlicka // *RIFP*. – 1996. – No 7. – P. 20 – 54.
62. Linz J.J. Conflicto en Euskadi / J.J. Linz. – Madrid, 1986.
63. Linz J.J. La crisis de un estado unitario, nacionalismos periféricos y regionalismo / J.J. Linz // *La España de las autonomías (Pasado, presente y futuro)* / ed. R. Acosta. – Madrid, 1981. – Vol. 2. – P. 651 – 751.
64. Llera F.J. Postfranquismo y Fuerzas Políticas en Euskadi. Sociología Electoral del País Vasco / F.J. Llera. – Bilbao, 1984.
65. Mateos A. Comunistas, socialistas y sindicalistas ante las elecciones del «Sindicato Vertical», 1944-1967 / A. Mateos // *Revista de la Facultad de Geografía e Historia*. – 1987. – No 1. – P. 379 – 411.
66. Molas I. Partis nacionalistes, autonomie et clans en corse / I. Molas. – Barcelona, 2000. – 28 p.
67. Montero J.R., Torcal M. Autonomías y Comunidades Autónomas en España: Preferencias, dimensiones y orientaciones políticas / J.R. Montero, M. Torcal // *Revista de Estudios Políticos*. – 1990. – No 70. – P. 33 – 91.
68. Morata Fr. Institucionalización y rendimiento político del estado autonómico / Fr. Morata // *Revista de Estudios Políticos*. – 1992. – No 76. – P. 255 – 297.
69. Mota F. Cultura política y opinión pública en las CC.AA.: un examen del sistema político autonómico en España (1984-1996) / F. Mota. – Barcelona, 1998. – 63 p.
70. Núñez Seizas X.M. El mito del nacionalismo irlandés y su influencia en los nacionalismos gallego, vasco y catalán (1880-1936) / X.M. Núñez Seizas // *Spagna contemporanea*. – 1992. – No 2. – P. 25 – 58.

71. Núñez Seixas X. Movimientos nacionalistas en Europa / X. Núñez Seixas. – Madrid, 1998.
72. Paris Eguilaz H. El Estado y la economica / H. Paris Eguilaz. – Madrid, 1940.
73. Peiró Martín I. Valores patrióticos y conocimiento científico: la construcción histórica de España / I. Peiró Martín // Nacionalismo e historia / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 29 – 52.
74. Poblete Vásquez M. Populismo Latinoamericano: Una Perspectiva Comparada / M. Poblete Vásquez // Ciencias Sociales Online. – 2006. – Vol. III. – No. 3. – P. 71 – 95.
75. Problemos técnicos de importancia económica en la nueva organización de España. – Barcelona, 1940.
76. Quiroga Fernández de Soto A. La idea de España en los ideólogos de la dictadura de Primo de Rivera. El discurso católico-fascista de José Pemartín / A. Quiroga Fernández de Soto // Revista de Estudios Políticos. – 2000. – No 108. – P. 197 – 224.
77. Ramos J.L. La afiliación del PSUC durante la guerra civil (1936-1939): volumen, distribución territorial y composición social / J.L. Ramos // Revista HMiC. – 2007. – No V. – P. 237 – 262.
78. Retorillo Baquer S.B., Argullol Murgadas E. Aproximación histórica al tema de la descentralización (1812-1931) / S.B. Retorillo Baquer, E. Argullol Murgadas. – Madrid, 1973.
79. Riquer Permanyer B. de, El uso político de la historia / D. de Riquer Permanyer // El País. – 2005. – December 1.
80. Rivera García A. La lliga, o el ensayo imperial del nacionalismo catalán / A. Rivera García // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. – 2005. – No 4. – P. 201 – 217.
81. Rubio Caballero J.A. Los nacionalistas vascos y catalanes ante la loapa: ajustes y desajustes en los inicios del estado de las autonomías / J.A. Rubio Caballero // Historia Actual Online. – 2004. – No 5. – P. 65 – 80.
82. Rubio Pobes C. Revolución y tradición. El País Vasco ante la Revolución liberal y la construcción del Estado español, 1808-1868 / C. Rubio Pobes. – Madrid, 1996
83. Ruiz Torres P. Nacionalismo y ciencia histórica en la representación del pasado Valenciano / P. Ruiz Torres // Nacionalismo e historia / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 117 – 142.
84. Santacana Torres C. Política y ordenación territorial en Cataluña durante la transición y la autonomía / C. Santacana Torres // Anales de Historia Contemporánea. – 2004. – No 20. – P. 223 – 236.
85. Scagliola Díaz A.A. Cambio en las políticas públicas de la memoria en Cataluña: el pasado como problema / A.A. Scagliola Díaz // Entelequia. Revista Interdisciplinar. – 2008. – No 7. – P. 301 – 313.

86. Schwarzmantel J. Nacionalismo y democracia / J. Schwarzmantel // RIFP. – 1994. – No 3. – P. 18 – 38.
87. Sepulveda Munoz I. La investigación del Nacionalismo: evolución, temas y metodología / I. Sepulveda Munoz // Espacio, Tiempo y Forma. – Serie V. – 1996. – Vol. 9. – P. 315 – 336.
88. Tornafoch Yuste X. Los debates del estatuto de autonomía de Cataluña en las cortes republicanas (may – agosto de 1932). El idioma Catalán y el sistema escolar / X. Tornafoch Yuste // Historia Actual Online. – 2004. – No 4. – P. 35 – 42.
89. Valenzuela Fuentes K. Emergencia de Formas Alternativas de Acción Colectiva / K. Valenzuela Fuentes // Ciencias Sociales Online. – 2006. – Vol. III. – No 3. – P. 14 – 27.
90. Vilanova i Vila-Abadal Fr. 1939: la «falsa ruta» de los regionalistas catalanes / Fr. Vilanova i Vila-Abadal // Espacio, Tiempo y Forma. – 1996. – Serie V. – Vol. 9. – P. 189 – 205.
91. Vilar J., Gonzalez Martinez C. Constitución y Territorio en la España Contemporánea / J. Vilar, C. Gonzalez Martinez // Anales de Historia Contemporánea. – 2004. – No 20. – P. 13 – 20.
92. Vilar P. Cataluña en la España moderna / P. Vilar. – Barcelona, 1978.
93. Villares Paz R. Reflexiones sobre la Historia y su enseñanza / R. Villares Paz // Nacionalismo e historia / ed. C. Forcadell. – Zaragoza, 1998. – P. 161 – 170.
94. Villodres C.B. Los nacionalismos independentistas, en estado agónico irreversible / C.B. Villodres // Diario la Torre. – 2007. – November, 19.

f) На каталанском языке:

95. Alba V. Els problemes del moviment obrer a Catalunya / V. Alba. – Barcelona, 1977.
96. Albertí S. El Republicanisme català i la Restauració monàrquica (1875 – 1923) / S. Albertí. – Barcelona, 1972.
97. Amades J. Costumari català: in 5 Vols. / J. Amades. – Barcelona, 1982;
98. Amades J. Folklore de Catalunya / J. Amades. – Barcelona, 1980.
99. Amades J. Guia de les festes tradicionals de Catalunya. Itinerari per tot l'any / J. Amades. – Barcelona, 1980.
100. Anguerra P. El català al segle XIX. De llengua del poble a llengua nacional / P. Anguerra. – Barcelona, 1996.
101. Arbos X., Puigsec A. Franco i l'Espanyolisme / X. Arbos, A. Puigsec. – Barcelona, 1980.
102. Arenas C., Carbe N. Les avantguardes a Europa i a Catalunya / C. Arenas, N. Carbe. – Barcelona, 1989.
103. Artís-Gener A. Festes populars a Catalunya / A. Artís-Gener. – Barcelona, 1980.
104. Aviñoa X. La música i el modernisme / X. Aviñoa. – Barcelona, 1985.

105. Badia i Margarit A.M. Llengua i cultura als Països Catalans / A.M. Badia i Margarit. – Barcelona, 1983.
106. Balcells A. Història del nacionalisme català. Dels orígens al nostre temps / A. Balcells. – Barcelona, 1992.
107. Balcells A., Culla J.B., Mir C. Les eleccions generals a Catalunya de 1901 a 1923 / A. Balcells, J.B. Culla, C. Mir. – Barcelona, 1982.
108. Batista A., Playa Maset J. La Gran Conspiració: crònica de l'Assemblea de Catalunya / A. Batista, J. Playa Maset. – Barcelona, Empúries, 1991.
109. Benet J. Catalunya sota el règim franquista. Informe sobre la persecució de la llengua i la cultura de Catalunya pel règim del general Franco / J. Benet. – Paris, 1973.
110. Benet J. Catalunya sota el règim franquista / J. Benet. – Paris, 1973.
111. Benet J. L'intent franquista de genocidi cultural contra Catalunya / J. Benet. – Barcelona, 1995.
112. Cacho Viu V. Els modernistes i el nacionalisme cultural. Antologia / V. Cacho Viu. – Barcelona, 1984.
113. Carbonell J. L'escola normal de la Generalitat (1931 – 1939) / J. Carbonell. – Barcelona, 1993.
114. Carrera i Pujal J. Historia política de Catalunya en el siglo XIX / J. Carrera i Pujal. – Barcelona, 1957 – 1959: in 7 vols.
115. Chanpart J.M. Del regionalismo al nacionalismo catalan. A través de “Lo Catalanisme” de V. Almirall y “La Nacionalitat Catalana” de Prat de La Riba / J.M. Chanpart. – Toulouse, 1969.
116. Colomines A. El catalanisme i l'Estat. La lluita parlamentària per l'autonomia (1898 – 1917) / A. Colomines. – Barcelona, 1993.
117. Cruells M. El separatisme català durant la guerra civil / M. Cruells. – Barcelona, 1975.
118. Culla J.B. El Republicanisme Lerrouxista a Catalunya (1901-1923) / J.B. Culla. – Barcelona, 1975.
119. Delannoï G., Taguieff P. Teorías del Nacionalismo / G. Delannoï, P.Taguieff. – Barcelona, 1993.
120. Dels S. Oliver M. Catalunya en temps de la revolució francesa / M. Dels S. Oliver. – Barcelona, 1917.
121. Díaz i Escilíes D. L'independentisme català durant l'autarquia franquista / D. Díaz i Escilíes // ETdH. – 2005. – Abril 12 – 18. – P. 21 – 25.
122. Els intel·lectuals i el poder a Catalunya (1808-1975) / ed. J. Casassas. – Barcelona, 1999.
123. Escofet F. Al servei de Catalunya i de la República / F. Escofet. – Paris, 1973.
124. Esteva Fabregat C. Aculturació Lingüística d'Immigrats a Barcelona / C. Esteva Fabregat // TSC. – 1977. – No 1. – P. 81 – 116.
125. Esteva Fabregat C. Contributions a una teoria del bilingüisme / C. Esteva Fabregat // In memoriam Carles Riba. – Barcelona, 1973. – P. 165 – 183.

126. Esteva Fabregat C. Elementos para una fundamentación antropológica del bilingüismo / C. Esteva Fabregat // *Ethnica*. – 1976. – No 11. – P. 67 – 134.
127. Esteva Fabregat C. Estado, Etnicidad y Biculturalismo / C. Esteva Fabregat. – Barcelona, 1984.
128. Esteva Fabregat C. Immigració i Confirmació Etnica a Barcelona / C. Esteva Fabregat // *QdA*. – 1978. – No 2 – 3. – P. 47 – 90.
129. Esteva Fabregat C. L'ús social de la llengua catalana / C. Esteva Fabregat // *PISC*. – 1991. – Vol. 3. – No 3. – P. 9 – 17.
130. Fabre J., Huertas J.M., Ribas A. Vint anys de resistència catalana (1939 – 1959) / J. Fabre, J.M. Huertas, A. Ribas. – Barcelona, 1978.
131. Fabregas X. Teatre català d'agitació política / X. Fabregas. – Barcelona, 1969.
132. Ferrer i Girones F. La persecució política de la llengua catalana / F. Ferrer i Girones. – Barcelona, 1985.
133. Figueres J.M. Valentí Almirall, Forjador del Catalanisme Polític / J.M. Figueres. – Barcelona, 2004. – 286 p.
134. Figueres J.M. Valentí Almirall, la concreció del catalanisme polític / J.M. Figueres // *ETdH*. – 2004. – Desembre 7 – 13. – P. 16 – 20.
135. Flaquer L. El català. ¿llengua pública o privada? / L. Flaquer. – Barcelona, 1996.
136. Fort X. Prat de la Riba / X. Fort. – Barcelona, 1967.
137. Fradera J.M. Cultura Nacional en una Societat Dividida / J.M. Fradera. – Barcelona, 1992.
138. Freixa M. El Modernisme a Catalunya / M. Freixa. – Barcelona, 1991.
139. Galí A. Història de les institucions i del moviment cultural a Catalunya, 1900-1936. La llengua, entitats defensores i propagadors / A. Galí. – Barcelona, 1979.
140. Gerpe Landín M. L'estatut d'Autonomia de Catalunya i l'Estat integral / M. Gerpe Landín. – Barcelona, 1977.
141. Giner S. La Societat Catalana / S. Giner. – Barcelona, 1998.
142. Giralt E., Balcells A., Termes J. Els moviments socials a Catalunya, País Valencià i les Illes / E. Giralt, A. Balcells, J. Termes. – Barcelona, 1978.
143. Gonzales Cezanova J.A. Catalunya en la España moderna / J.A. Gonzales Cezanova // *Diario de Barcelona*. – 1977. – Agosto 2.
144. Gonzalez Casanova J.A. Federalisme i autonomia a Catalunya (1868-1938) / J.A. Gonzalez Casanova. – Barcelona, 1974.
145. Graña I. Le'acció pancatalanista i la llengua. Nostra Parla, 1916 – 1924 / I. Graña. – Barcelona, 1995.
146. Grau J. La Lliga Regionalista i la llengua catalana, 1901 – 1924 / J. Grau. – Barcelona, 2006. – 453 p.
147. Guardiola C. Per la llengua. Llengua i cultura als països catalans / C. Guardiola. – Barcelona, 1980.

148. Guillaumet J. Premsa, franquisme i autonomia. Crònica catalana de mig segle llarg (1939-1995) / J. Guillaumet. – Barcelona, 1996.
149. Keating M. Naciones contra el Estado / M. Keating. – Barcelona, 1996.
150. Llorens J. Catalanisme i moviments nacionalistes contemporanis (1885-1901). Missatges a Irlanda, Creta i Finlàndia / J. Llorens. – Barcelona, 1988.
151. Llorens J. Catalanisme i moviments nacionalistes contemporanis (1885 – 1901). Missatges a Irlanda, creta i Finlàndia / J. Llorens. – Barcelona, 1988.
152. Llorens J. La Lliga de Catalunya i el Centre escolar catalanista. Dues associacions del primer catalanisme / J. Llorens. – Barcelona, 1996.
153. Llorens J. La Unio Catalanista i els orígens del catalanisme polític. Dels orígens a la presidència del Dr. Martí Julia (1891 – 1903) / J. Llorens. – Barcelona, 1992.
154. Llorens Via J. El primer catalanisme independentista / J. Llorens Via // ETdH. – 2005. – Abril 12 – 18. – P. 16 – 20.
155. Molas I. El partit “extrema izquierda federal” / I. Molas. – Barcelona, 1999. – 28 p.
156. Molas I. El sistema de partits polítics a Catalunya (1931-1936) / I. Molas. – Barcelona, 1974.
157. Molas I. Lliga Catalana. Un estudi d’estasiologia / I. Molas. – Barcelona, 1972.
158. Molas J. La literatura catalana d’avantguarda 1916 – 1938 / J. Molas. – Barcelona, 1983.
159. Navarro R. L’educació a Catalunya durant la Generalitat, 1931-1939 / R. Navarro. – Barcelona, 1979.
160. Nicolás i Amorós M. La història de la llengua catalana. La construcció d’un discurs / M. Nicolás i Amorós. – València – Barcelona, 1998.
161. Nin i Perez A. Socialisme i Nacionalisme, escrits republicans socialistes i comunistes / A. Nin i Perez. – Barcelona, 1985.
162. Olivar Bertrand R. Prat de la Riba / R. Olivar Bertrand. – Barcelona, 1964.
163. Pagès P. Les presons franquistes al Principat de Catalunya / P. Pagès // El temps d’història. – 2001. – Novembre 13 – 19. – P. 54 – 58.
164. Poblet J.M. Història bàsica del catalanisme / J.M. Poblet. – Barcelona, 1975.
165. Prat de la Riba, home de govern / eds. J.M. Ainaud de Lasarte, E. Jardí. – Barcelona, 1973.
166. Prats Ll., Llopart D., Prat J. La cultura popular a Catalunya. Estudiosos i institucions. 1853 – 1981 / Ll. Prats, D. Llopart, J. Prat. – Barcelona, 1982.
167. Rafols J.F. Modernismo i modernistes / J.F. Rafols. – Barcelona, 1982.
168. Riquer B. Lliga Regionalista: la burgesia catalana i el nacionalisme (1898 – 1904) / B. Riquer. – Barcelona, 1977.
169. Riquer B. Regionalistes i nacionalistes, 1898-1931 / B. Riquer. – Barcelona, 1979.

170. Roig Rosich J.M. La Dictadura de Primo de Rivera a Catalunya. Un assaig de repressió cultural / J.M. Roig Rosich. – Barcelona, 1992.
171. Sabate M. Història de la Lliga / M. Sabate. – Barcelona, 1969.
172. Sola P. Els ateneus obrers i la cultura popular a Catalunya, 1909 – 1939 / P. Sola. – Barcelona, 1978.
173. Soldevila F. Història de Catalunya / F. Soldevila. – Barcelona, 1932.
174. Termes J. Història del catalanisme fins el 1923 / J. Termes. – Barcelona, 2006. – 802 p.
175. Voltas E. La guerra de la llengua / E. Voltas. – Barcelona, 1996.

Научное издание

*Максим Валерьевич **Кирчанов***

Националистическая модернизация
(каталонский опыт)

Монография

На русском языке
Издание публикуется в авторской редакции

Подписано в печать __. __. 20__ г.
Тираж 500

ООО Издательство «Научная книга»
394077, г. Воронеж, ул. Маршала Жукова, 3-244
<http://sbook.ru>

Отпечатано в ООО ИПЦ «Научная книга»
г. Воронеж, ул. 303-й Стрелковой дивизии, 1а
(4732)205715
